

Космос

7
ИЮЛЬ
1970

Костёр

7

июль

1970

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

2

И цветы иногда до-
ставляют большие
огорчения

0 Гайдаре — ком-
полка Голикове рас-
сказывает писатель
Б. Камов

8

Неделя из восьми
дней, столь богатая
событиями, продол-
жается

20

Внимание! Начинает-
ся невероятная по-
весть об удивитель-
ных приключениях
пионера Геннадия
Стратофонтова

38

61

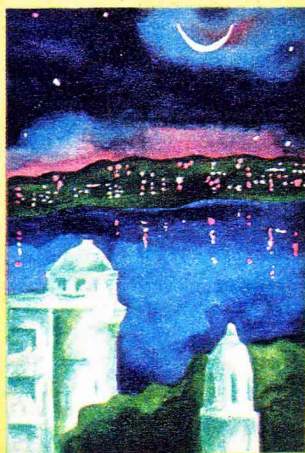
Воспитать силу воли
поможет „Спринт“

Глядится Гданьск в пепельную рябь
Балтийского моря...

А Гавр — в синие воды Атлантики.

В Бомбее даже небо не такое, как у
нас: месяц рожками вверх, он лежит
„на спинке“.

Желтый цвет в Японии означает
„стоп“. Когда ребятам надо перейти
улицу, они поднимают желтый флажок,
и машины останавливаются.

В Милане, кажется, все поют — и поли-
цейские на шумных перекрестках, и па-
рикмахеры, когда мылят щеки клиен-
там, и, конечно, в первую очередь, —
артисты знаменитой миланской оперы
Ла-Скала

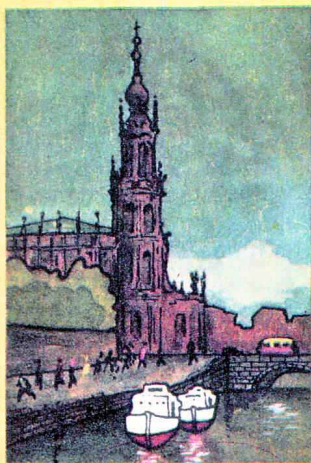
Очень дымный, очень фабричный,
очень заводской английский город Ман-
честер.

САМЫЕ РАЗНЫЕ ГОРОДА

В финском городе Турку есть квартал Луостаринмяки. Там все как в далеком прошлом. Можете посмотреть, как работают пряжи на старинных станках, и починить башмаки в мастерской, которой от роду полтора века.

Когда дети Дрездена идут мимо ратуши, они замедляют шаг и испытующе смотрят вверх: как там сегодня Золотой человек на шпилье? Не сердится? Ведь говорят, что он все видит и знает!

Что, казалось бы, общего между строгим Ленинградом и пестрым Бомбеем?

Между молчаливыми финнами из Турку и словоохотливыми итальянцами из Милана?

Во всех этих городах живут люди, которые хотят мира на земле, хотят, чтобы их страны никогда не поднимали руку с мечом друг на друга.

Города дружат. Примет тому много.

Вот уже четырнадцать лет школьники Ленинграда ездят к школьникам Манчестера в гости.

В Гавре есть Ленинградский бульвар, в Манчестере—площадь Ленинграда, в Гданьске именем Ленинграда названы улица, школа, кинотеатр.

И в Ленинграде появились новые улицы, названные в честь городов-друзей,—Дрезденская, Гаврская, Манчестерская, Гданьская...

Но дружба городов—это не только названия улиц, не только дружеские встречи и разговоры.

Английские инженеры советуют ленинградцам, как лучше очистить воздух от дыма фабричных труб.

Японское волокно «экслан» посылается на ленинградские фабрики «Веретено» и «Красное знамя», где из них делают легкие и теплые кофточки.

А еще что нового? Что еще сделать, чтобы подружиться еще крепче? Эти вопросы решал Восьмой Всемирный конгресс породненных городов, который состоялся в Ленинграде.

Сейчас во Всемирной Федерации породненных городов насчитывается около тысячи городов более пятидесяти стран.

Эмблема федерации—большой ключ, пересекающий меридианы земного шара. Ключ дружбы. Ключ, который открывает ворота города для друзей.

СЛАВКА

РАССКАЗ

Николай Печерский

Рисунки Н. Бустова

Славка Юдин схватил по ботанике двойку. Теперь он сидит под грибком в своем дворе и задумчиво болтает ногой. Припекает весеннее солнце, из-под синей ноздреватой корки льда течет к луже ручеек. Домой Славку не тянет. Хочется отодвинуть неприятный разговор. Потом можно будет соврать, будто были у него дополнительные уроки или потерял на вешалке и не мог найти шапку.

Во дворе тихо и пусто. Появился на минуту дворник с мокрой метлой, строго посмотрел на Славку и ушел. Славке до смерти хочется есть. Он открывает портфель, но, кроме пустых бумажек от конфет, ничего там не находит. Идти все же или не идти? Славка закрывает глаза и вертит перед носом указательными пальцами. Получается — не идти.

Славка вздыхает и тут видит Павла Егоровича, который живет в соседнем дворе. У всех двор общий, а у Павла Егоровича — свой. Летом за дощатым забором цветут цветы, зреют на грядках бородавчатые огурцы, выглядывают из-под листьев клубника с круглыми, как веснушки, крапинками на спелом боку.

Туда никто не ходит. На медной проволоке торопливо шаркает из конца в конец собачье кольцо, роет землю возле калитки и рычит на прохожих злющий пес Полкан. Иногда Павел Егорович сам появляется в общем дворе — поиграть под навесом в шашки, послушать, о чем болтают люди, и поругать соседей за то, что снова у него отодрали доску от забора и бросили камнем в честного пса Полкана.

Павла Егоровича в общем дворе не любят и называют втихомолку жлобой. И вот теперь этот человек направляется прямо к Славке, у которого без пса Полкана и без досок от забора своих личных забот по самое горло. Славка хотел было улизнуть, но не успел. Павел Егорович подошел к Славке, сел рядом на скамейку и расставил врозь черные валенки в новых чистых галошах.

— Ну что, по предметам срезался? — спросил он.

Славка не любил таких разговоров. Тем более с посторонними. Но тут он вдруг признался. Он даже вытащил ботанику, ткнул пальцем в страницу и сказал:

— Думаете, легко? Параграф шестьдесят девять. Класс двудольных, семейство разноцветных!

Слова эти не произвели впечатления на Павла Егоровича. Он покчал из стороны в сторону новыми галошами и сказал:

— Рыбья твоя голова! Я тебе про эти разно-

цветные лучше ученого профессора обскажу. Пошли!

Павел Егорович поднял Славку за воротник и поволок за собой. Кричать было неудобно, хотя Славка и знал — добром все это не кончится. Скорее всего сосед отстегает его за отодранную доску или даст сожрать Полкану. Вместе с портфелем, ботаникой и дневником с жирной и еще горячей двойкой.

Но, к счастью, все обошлось. Сосед привел его на длинную стеклянную веранду. Было там тепло и влажно, как в бане. В углу тихо жужжала и потрескивала иногда электрическая плитка. Жаркие отсветы ее скользили по темным глиняным горшкам с цветами и рассадой. В отдельной кадке цвела раскидистая красная роза.

— Вон-на твои разноцветные, — сказал сосед. — Живой предмет мысли.

Павел Егорович снял тулуп и склонился над розой. Лоб ко лбу со Славкой. И тут он принялся рассказывать Славке, как люди вывели из дикого шиповника садовую розу и как, между прочим, отличить этот цветок от яркого пышного пиона или от холодной осенней астры, которую люди называли сентябриной.

— Ты эти зубчики видишь или не видишь?

Славка признался, что теперь все видит. Зеленая упругая чашечка, в которой жила роза, имела пять листиков. У двух зубчики были с двух сторон, еще у двух вообще ничего не было, а у пятого, последнего, зубастая пилочка была только с одной стороны.

— Как пять братьев, значит, — заключил Павел Егорович, — двое бородаты, двое безбороды, а последний, пятый, выглядит уродом: только справа борода, слева нету ни следа. Вот так, значит, друг ситный Славка. А ты собаку с жизни сжи-ваешь!

— Какую собаку, Павел Егорович?

— А такую... Кто доску с забора отодрал? Говори!

— Я вашу доску вообще...

— Ты молчи лучше. Знаем вашу фрукту-ягоду до косточки!

Сосед проводил Славку до калитки, чтобы его все-таки не сожрал злющий пес Полкан. Дал ему слегка по затылку и уже вдогонку сказал:

— Ишо раз в Полкана камнем бросишь, я у тебя все ноги повыдергиваю!

В жизни бывает много странного. Так и в этой истории. Славка проявил вдруг интерес к ботанике. Пятерок в дневнике, правда, не появилось, но трояк в четверти был обеспечен.

И еще странно — Славка подружился с соседом, которого во дворе называли жилой, и стал наведываться к нему. Злющий пес Полкан не рыл больше лапами в подворотне и не рычал на Славку. Он догадывался, что Славка — свой парень и приходит сюда с серьезными намерениями.

Славка играл с соседом в шашки, а когда земля оттаяла и над ней поплыл теплый сизый пар, взялся за лопату. Он копал вместе с Павлом Егоровичем грядки и высаживал в липкую землю желтоватые, насидевшиеся за зиму в теплице ростки цветов.

Славкины родители все это видели и знали. Сначала они ругали сына, обещали содрать с него три шкуры, потом махнули рукой. Чем гонять без толку по улице, пускай лучше копает землю и приучается к физическому труду.

Узнала про новые Славкины дела и Тоня Игошина, которая сидела с ним вместе за одной партой. Славка вообще дружил с ней не особенно. Он подглядывал к ней на контрольных и дергал ее за рыжие волосы.

Однажды Тоня увидела, как Славка направлялся к соседу. Она загородила дорогу и сказала:

— Так, Славка, настоящие друзья не делают. Даже обидно становится...

Славка повел Тоню к соседу. Потом зачастили туда другие ребята. И у них там пошло... Кто рыхлил грядки, кто разносил на лопатах удобрения, а кто ходил взад-вперед с лейкой и сеял вокруг чистый теплый дождь. Пес Полкан смотрел на это чудо и улыбался рыжими глазами с двумя черными точками вместо бровей.

Скоро на грядках зацвели во всю силу цветы. По вечерам Павел Егорович надевал новый пиджак, клал в карман паспорт с лохматыми краями и куда-то уходил. Он шел по улицам с большой плетеной корзиной в руке. Верхушка ее была накрыта серой влажной марлей. От корзины так приятно пахло, что прохожие даже останавливались и вздыхали.

В один такой вечер Славка и пришел к соседу. Павел Егорович не закончил еще укладывать свою корзину. Он почему-то смутился, торопливо бросил на цветы серую марлю и спросил:

— Чего припелся? Отец прислал подглядывать, рыбы ваши головы?!

— Я, Павел Егорович...

Сосед посмотрел на Славку, и лицо его немного подобрело. Возле глаз залучились

широкие, разрезанные на квадратики морщинки. Он подошел к своей корзине, отбросил с цветов серую марлю и сказал:

— Ты, Славка, бери! Сколько хошь, столько и бери. Раз обчье, значит, обчье...

Но Славка не взял ни одного цветка. Никогда не брали цветов и другие ребята. Не потому, что они боялись Полкана. Полкан теперь не трогал. Ребята приносили ему кости и кусковой сахар. Но сахар Полкан почему-то не ел. Он только нюхал его и мотал мордой, как будто это был не сахар, а рыбий жир или касторка.

Только один раз Славка залез на грядки без спросу. Он никогда бы не сделал этого, если бы не случилось в их доме большой и горькой беды.

В Славкином доме на первом этаже жила тетя Ньюша. Недавно ей прислали откуда-

то письмо. Сына тети Ньюши, которого тоже звали Славкой, убили на границе. Никто из ребят не знал и не помнил его. Но все равно им было жаль и Славку, и тетю Ньюшу. Она целыми днями сидела возле окна, смотрела во двор и ничего не видела...

Славка пришел к Павлу Егоровичу рассказать про тетю Ньюшу, ее сына и попросить для нее цветов. Но во дворе никого не было. У ворот лежал Полкан. На дверях дома висел замок, а на крыше, не зная никакой беды, вертелась деревянная вертушка. Славка поглядел вокруг, а потом зашел на грядку и начал рвать цветы.

В эту минуту хлопнула калитка и во дворе появился Павел Егорович с пустой корзиной в руке. Он вмиг заметил Славку, бросил корзину к порогу и закричал:

— Ты чего это тут делаешь!..

Павел Егорович подошел к Славке, вырвал у него букет из рук и ударил цветами по щеке. Стегал слева, справа и кричал:

— Долой с мово двора. Сей минут до-
лой!

Славка уже давно был за калиткой, уже мчался через три ступеньки на свой четвертый этаж, а Павел Егорович все еще кричал и размахивал голым, растрепанным букетом. И все там за-
таилось и притихло. И пес Полкан, и цветы на грядках, и бе-
шенная вертушка, ко-
торая стрекотала без
отдыха весь день и
всю ночь.

А утром над шес-
тым «б», в котором
учился Славка, гря-
нула гроза. На пер-
вый урок, вместо учи-
теля, пришел дирек-
тор и с ним Павел Е-
горович. Павел Его-
рович был в новом
пиджаке, смотрел ку-
да-то в сторону и
смущенно улыбался.

Директор подошел к
столу, надел очки, в которых читал только
книжки, и сказал:

— Ребята, Павла Егоровича обидели...
Кто-то ночью вытоптал у него все цветы.

Класс притих. Стало слышно, как в коридо-
ре шелкали своими стрелками большие элек-
трические часы.

— Кто это сделал, пускай встанет и пускай
признается...

Директор смотрел на весь класс и на Слав-
ку, который сидел с Тоней на первой парте.
Ребята тоже смотрели на Славку, на его побе-
левшее лицо и на его ботинки с черными за-

сохшими комочками грязи возле ранта и стер-
того вкось каблука.

— Я жду, — сказал директор. — Если этот
трус не признается, пускай пеняет на себя.

Славка поднял руку над головой. Но тут
с парты встала Тоня Игошина. Тоня, которую

Славка толкал на
контрольных за то,
что не дает списы-
вать, и дергал без
всякого дела за воло-
сы. Несколько секунд
Тоня стояла молча,
смотрела вниз на
свою руку с белым
кружевным манже-
том у запястья.

— Слава ничего
не топтал! — тихо и
глухо сказала она. —
Мы все сами знаем...

И вдруг Тоня
встретилась взгля-
дом с Павлом Его-
ровичем. В горле у
нее что-то вздрогну-
ло и запнулось.

— Слава ничего
не топтал! — крик-
нула она. — Это мы
все сами вытоптали.
Мы всегда будем так.
Мы сто раз будем
топтать!..

Тоня сползла на
парту, уронила голо-

ву на черную крышку и спрятала лицо в своих
рыжих пушистых волосах. Даже рыжим дев-
чонкам, которых дергают за волосы и толкают
на контрольных, стыдно плакать при всех.

Молча и сурово смотрел из-под своих очков
директор, переминался с ноги на ногу возле
доски и глупо улыбался Павел Егорович. Тихо
сидели ребята и думали о чем-то своем. Мо-
жет, даже не о Славке, не о цветах и не о де-
вочке Тоне.

Никто не нарушил этой тишины. Ну, что ж —
пускай ребята думают. Скоро они будут взрос-
лыми.

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

Дорогие друзья, поэту всегда трудно выбрать несколько лучших стихотворений из множества написанных. А если принять во внимание, что моя первая книжка вышла в 1934 году, совсем уж нелегко решить, с какими стихами выступать перед читателями журнала, да еще и пионерского.

Быть может, мой выбор будет и неточным: я предлагаю вашему вниманию два стихотворения — «Памяти Иосифа Уткина» и «Я не возьму тебя в кино».

Не знаю, как это бывает у других поэтов, но у меня не получаются стихи на придуманную тему. Я не представляю себе, как можно сидеть и мучаться — что бы такое написать? Темы стихов приходят как бы сами собой, а точнее — подсказываются жизнью. Видимо, человеку, который почувствовал тягу к стихам, способность их писать, надо думать не о том, что он напишет, а о том, как он будет жить. Если он будет в жизни искать интересные и непроторенные пути, то и в стихах у него будет отражена эта интересная жизнь. Я с пионерских своих лет старался именно так жить — работал активно в отряде, а затем в комсомоле, строил

метро, добровольцем участвовал в войне с белофиннами в 1939—1940 годах, а потом в Отечественной войне. Как участник движения сторонников мира, я много раз бывал в Африке, во многих странах Европы и Азии, в том числе — в сражающемся Вьетнаме. Много путешествую и по нашей стране.

Публикуемые стихотворения имеют свою историю.

Иосиф Уткин был несколько старше меня. Но я дружил с этим поэтом, он не кичился тем, что был старше. Мы встречались еще до войны, а потом, не раз, на войне.

Осенью 1944 года самолет, в котором Уткин возвращался в Москву из Румынии, разбился. Мы увидели своего товарища мертвым. В руках у него был томик Лермонтова на румынском языке. После гибели поэта его товарищам пришлось взвалить на свои плечи тяжелый груз: его ослепшая очень старенькая мама осталась одна — как было трудно сказать ей о гибели сына! И мы решили скрыть от нее правду. Мы сочиняли письма — будто от него — и читали ей, она ведь была слепая. Мы знали, что

жить ей осталось недолго, но весть о гибели сына убила бы ее. И вот несколько лет мы, товарищи Иосифа, поддерживали жизнь матери этой святой ложью. И следили за тем, чтобы она не услышала радиопередачи, где говорилось бы об Уткине в прошедшем времени. Вот о тех печальных днях и родилось «Памяти Иосифа Уткина».

Второе стихотворение я посвятил своей дочке, которая все удивляется, почему ее отец так любит старые документальные фильмы. А я их люблю как свистельства жизни. Когда мне было пять лет, я увидел, как входила Первая конная в город, где я тогда жил. Когда я смотрю кинокадры, снятые на гражданской войне, мне кажется, что я видел это в действительности.

А документальное кино волшебным воскрешает прошлое.

Конечно, мне бы хотелось, чтобы наше знакомство не ограничивалось этими двумя стихотворениями. Но тогда уж вам придется заглянуть в мои книжки.

Евг. Долматовский

ПАМЯТИ ИОСИФА УТКИНА

Возвращался он из-за границы,
Плыл туман по осенней листве.
Это ж надо! Упасть и разбиться,
Подлетев к затемненной Москве.

Я приехал в проклятую полночь,
Чтоб его опознать. И была
Бесполезною «Скорая помощь»
Возле рваных обломков крыла.

В алом месиве летных аварий
Никого невозможно узнать.
Я сказал: это он, мой товарищ,
У него есть ослепшая мать.

Пусть она никогда не узнает,
Что так рано погиб ее сын.
За границей он где-то летает,
Он с друзьями, он там не один.

И сидел я, растерянный, с нею
В давнем сорок четвертом году.
Он на Кубе, я врал, он в Гвинее,
Лепетал я, скрывая беду.

Мать из жизни ушла, отгорела,
С чистой верой, что сын ее жив.
И поверил я сам в это дело,
О кровавых обломках забыв.

Я летаю по утренним странам,
У погибели выиграв спор,
И взаправду мне кажется странным,
Что не встретил его до сих пор.

* * *

Я не возьму тебя в кино —
Там честь солдата под угрозой:
Не плакавший давным-давно
Я там порой глотаю слезы.

Но вовсе не на тех местах,
Где разлучаются навеки
Иль с тихим словом на устах
В последний раз смежают веки.

Сдержаться не могу тогда,
Когда встают в кинокартинах
Отстроенные города,
Которые я знал в руинах,
Иль при показе старых лент,
Когда мелькают полустанки
И монументы ранних лет —
Красноармейские кожанки
И пулеметные тачанки,
Объехавшие целый свет.

Беспечным девочкам смешно,
Как им понять, что это значит:
Документальное кино,
А человек глядит и плачет.

ГОЛИКОВ ПРОТИВ СОЛОВЬЕВА

Борис Камов
Рисунки Ю. Шабанова

От автора

Дорогие ребята!

В седьмом и восьмом номерах «Костра» вы познакомитесь с главами из только что законченной книги «Обыкновенная биография».

Когда-то «Обыкновенной биографией в необыкновенное время» Гайдар хотел назвать хорошо теперь известную повесть «Школа». Прав ли был Аркадий Петрович, считая, что в его судьбе необыкновенным было только время, вы поймете, прочитав всю кни-

гу (она выходит в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», в серии «Жизнь замечательных людей»).

А сейчас я лишь напомним, что в 15 лет курсант командных курсов Аркадий Голиков в жестоком бою под Киевом заменил убитого командира роты, в 16 ему уже доверили батальон, а в 17 он командовал 58-м отдельным, то есть самостоятельно действующим полком, в котором было две с половиной тысячи человек при ста командирах...

В отрывке «Голиков против Соловьева» Аркадию Петровичу восемнадцать лет, но обратите внимание, сколько смелости, изобретательности, неутомимости и таланта требовала от Голикова его работа...

Сибирские главы книги написаны мною, в первую очередь, по материалам Государственного архива Красноярского края и Красноярского партийного архива. И все-таки, наверное, я не справился бы с этой труднейшей темой, если бы не помощь талантливого краеведа Николая Сергеевича Владимиров, который первым прошел «боевыми дорогами Аркадия Голикова» (его статья напечатана в журнале «Молодой коммунист» № 6, 1967 год), если бы не ребята-гайдаровцы из школы № 16 города Черногогорска, которые вместе со своей учительницей Надеждой Александровной Карповой отыскивали многих людей, Михайловичу Никитину, недавно удостоенному за подвиги в гражданскую войну ордена Красного Знамени,—тому самому, с которым вы встретитесь ему советчику и консультанту Павлу на этих страницах.

Аркадий Голиков
1920 г.

Комбат без батальона

Банды Антонова были разгромлены, и Голиков ехал в Новониколаевск, в Сибирь.

Последнее время бойцы его полка конвоировали сдавшихся в плен бандитов, охраняли колосившиеся поля. Когда созрел хлеб, — помогали жать серпами рожь (комполка жал тоже и полоснул себя серпом по мизинцу левой руки. И старуха, чье поле, сказала: «Теперь научись жать, а иначе никак»). И круглые сутки стерегли необмолоченные скирды, чтоб никто не пожег.

Голиков объезжал хлебные посты. Бойцы знали: он может появиться с днем, и в полночь, и под утро. И может, рискуя получить пулю, попробовать незаметно подползти к скирдам, и даже если часовой окликнет: «Кто там?!» — не ответит, чтоб поглядеть, крепко ли струсит часовой.

И вот теперь Голиков ехал за новым назначением, потому что в Сибири продолжалась своя антоновщина.

В Москве, в штабе частей особого назначения республики, ему было выдано предписание:

«Начальнику штаба частей особого назначения Восточно-Сибирского военного округа. Одновременно с сим препровождается в Ваше распоряжение бывший командир 58-го отдельного Нижегородского полка тов. Голиков для назначения на должность не ниже командира

отдельного батальона. О прибытии и исполнении довести».

Приехав в Иркутск, Голиков подал рапорт: — «Начальнику штаба ЧОН ВСВО.

Доношу, что сего числа прибыл в Ваше распоряжение для назначения на командирскую должность в частях вверенных Вам войск».

Из Иркутска предстояло ехать в Красноярск, а там — куда пошлют.

До станции Глядень добирался поездом, а затем до Ужура на лошадях — железной дороги дальше не было.

Полугород-полусело Ужур получил свое название от мелкой речушки Ужурки. В центре городка стояли: каменная старой архитектуры церковь, несуразный, из лиственницы поставленный дом с фиолетовыми стеклами — бывшее волостное управление. А кругом — припорошенные снегом маленькие слепенькие домики.

Батальона в Ужуре для Голикова не оказалось. Ему отвели комнату в штабе 6-го Сибирского сводного полка, поручили принимать и обрабатывать донесения и составлять на их основе общую разведывательную и оперативную сводку. Времени это занимало немного. И он погрузился в материалы о бандитизме.

Кто такой Соловьев?

Тут действовали остатки колчаковских отрядов и про-сто уголовники. Но «самой старой и замечательной бан-дой», как говорилось в одном документе, считалась бан-да Ивана Соловьева.

Родился Соловьев в селе Форпост того же Минусин-ского уезда, в котором теперь преимущественно и дей-ствовал. Отец его был не богат. Если верить молве, Со-ловьев заслужил у Колчака лычки урядника, однако не побоялся вернуться в родные края, открыто поселился в деревне Горное Озеро. В двадцатом году его аресто-вали. Вместо допросов водили на работу, и Соловьев однажды сбежал и опять появился в своем селе.

«Иван, ты откуда?» — удивились соседи. — «Да вот от-туда». — «А ежели оттуда, то теперь-то куда, в которую сторону?» Он ответил: «В которую». — «Ну и зря, — посо-ветовали ему. — Лучше б вернулся, откуда прибег...»

Возвращаться охоты не было. Собрал Соловьев шесть человек (все родня) — и в тайгу. Раздевали прохожих. Грабили обозы и села. Сперва негромко — то есть без программ и лозунгов. Барахлом обзавелись. А в това-рищи к ним никто не шел. Уж очень их компания счита-лась неавторитетной. Но тут появился в уезде и был разбит отряд колчаковца полковника Олиферова. Само-го полковника красноармейцы в ночной схватке застрели-ли в упор. Остатки разгромленного отряда подались на юг. А человек тридцать повстречали Соловьева, ко-торый предложил им влиться в его банду.

Делать нечего — влились. В банде появился штаб. Пра-вой рукой Соловьева стал двадцативосьмилетний пра-порщик Королев, агроном по образованию. Начальни-ком штаба (у бывшего урядника!) — полковник Макаров, монархист. Макаров ходил в золотых погонах. В лес

привел жену и дочь, которые вели с бандитами беседы «за царя».

Соловьев сразу объявил себя командиром «Горно-партизанского отряда имени Великого князя Михаила Александровича», но отряду с таким громким названи-ем нужна была не менее громкая программа, и Соловь-ев со штабом выдвинул два лозунга: «За освобождение (?) инородцев¹» и «За Учредительное собрание»...

Лозунги никого не манили. И вербовать людей Со-ловьев начал так: приходил в село, уводил сельсоветчи-ков и партийцев.

— Кто хочет бороться за Учредительное собрание и вступить в мой отряд? — спрашивал Соловьев.

Два-три «охотника» делали шаг вперед. «Остальные, значит, не хотят?» Остальные не хотели. Тем, которые согласились, давали винтовки и приказывали расстре-лять «остальных», после чего Соловьев заявлял: «Вы со-вершили преступление, убив своих товарищей...»

Осенью 1921 года у Соловьева было двести сабель, а в следующем году — четыреста двадцать. Наша агенту-ра докладывала: все распоряжения Соловьева выпол-няются беспрекословно. Атаман почувствовал такую си-лу, что издал приказ, в котором запрещал кому бы то ни было углубляться в тайгу «более чем на пять кило-метров от края ея. Захваченные будут расстреливаться на месте».

¹ Инородцами в царской России звали всех людей не русской национальности. Банда Соловьева дейст-вовала на территории Хакассии, инородцами здесь считались местные жители — хакасы.

Начальник боерайона

Из Ужура пришел приказ, Голикова назначили начальником боевого района.¹

Участок, который ему отводили, мог вместить Бельгию, Нидерланды и, пожалуй, небольшую часть Франции. В пределах своего боерайона он имел право самостоятельно принимать решения.

Но вторая часть приказа повергла его в совершенное изумление: «В распоряжении начальника второго боевого района Голикова находятся: отряд Виттенберга, тридцать штыков, один пулемет... отряд Шевелева, пятнадцать штыков... отряд Скуратова, тридцать один штык... отряд Ведрина, двадцать сабель, соединенный

с отрядом Недорезова, двенадцать сабель, всего тридцать две сабли...»

Совсем недавно, кажется, Голиков читал где-то о карликовом государстве, армия которого состояла из семи человек. Потом ее усилили, и солдат в ней стало ровно десять. Государство могло позволить себе иметь такую армию: на него никто не собирался нападать. Что же до комбата, то на весь второй боерайон Голикову придавали восемьдесят три штыка и тридцать две сабли, то есть сто пятнадцать человек. И два пулемета. И комбат почувствовал себя в роли главнокомандующего того самого государства, которое вдруг понадобилось защищать с помощью десяти солдат...

Поворот

Были налеты банды. Были ответные экспедиции отрядов Голикова. Снова налеты — снова экспедиции. А инициатива оставалась у Соловьева. И могла, пожалуй, надолго перейти к нему...

Проезжая с отрядом некое село, Голиков заметил возле зажиточного дома (с сеновалом, скотным двором и конюшней) непонятное оживление: кто волок упирающегося барана, кто выходил со свертком. Подумал: банда. Но суетились (увидел в бинокль) все больше женщины. Адьютант Галеев высказал предположение, что в доме торгует какой-нибудь уполномоченный из города: деньги крестьяне берут плохо, а мануфактуру выменивают охотно. И Голиков, пожалуй, проехал бы мимо, но

комбата насторожило, что при виде отряда из дома стали разбегаться, и двинулся к строению: впереди командир, позади бойцы. И пока не спрыгнул у крыльца, было тревожное ощущение, что кто-то все время не спускает с него глаз.

Взведя маузер, Голиков вошел в избу. Его встретил плачущий от страха старик-хакас, который не мог произнести ни слова и только кланялся. И еще один, русский, лет сорока, с окладистой бородой и винтовкой наперевес. Винтовка Голикову не понравилась. И, чуть приподняв руку с маузером, он сказал: «Я начальник второго боевого района. А вы кто такой?»

Бородатый опустил винтовку: «Зуев, член кредиторного товарищества по снабжению крестьян инвентарем». И вынул из-за пазухи мятый, от руки написанный мандат на бланке, с печатью.

На лавках лежал товар, три или четыре штуки ситца.

«Вы один?» — «Один». Убедясь, что никакой банды нет, Голиков вложил маузер в деревянную кобуру, рас-

¹ В начале 20-х годов в Красной Армии еще не были установлены воинские звания: лейтенант, капитан, майор, полковник. А были: командир взвода, командир роты, командир батальона, командир полка. Получив должность начальника боевого района, Голиков по званию оставался комбатом.

стегнул португеею, разделся и позволил остальным, кроме коновода и часового, разделться и отдохнуть тоже.

И тогда Зуев сокрушенно покачал головой и горько улыбнулся: «Счастливый ваш бог, товарищ Голиков!»

Выяснилось: в разгар торгоа вбежала девчонка и крикнула: «Банда!» Все кинулись прочь, Зуеву бежать было некуда. На милость бандитов он не рассчитывал. И, несмотря на мольбы хозяина, пристроился с винтовкой у окна. Таежный охотник, он с одной обоймы мог снять нескольких человек, что и собирался сделать, ожидая только, чтоб банда подъехала поближе... И когда уже пора было стрелять, закралось сомнение: «А банда ли?»

Голиков сидел на лавке, испытывая чувство слабости и недоумения. И улыбался через силу: поехать на поимку Соловьева и быть убитым вместо Соловьева, наверно, было бы обидно.

В тот же день узнал, что вблизи улуса Щетинкин появилась банда Соловьева. Пила. Гуляла. Прихватила мук, овец, но тронуть никого не тронула. И Голиков с несколькими бойцами отправился по улусам.

Приехали в один: «Банда у вас была?» — «Нет, не была». В другой: «Банда в улусе была?» — «Не была». «И поблизости не появлялась?» — «Может, где и появлялась, — нам неизвестно». Когда подъехали к третьей деревне, велел бойцам: «Все молчат... Говорю только я».

Вошли в дом. Всюду чисто. Встречает сам хозяин, пожилой хакас.

— Добрый день!

— Здравствуйте.

И, подходя совсем близко к хозяину, шепотом: «Соловьев у вас был?» — «Нет, — шепотом же, — не был».

«И ребята его... не заезжали?» — «Нет, не заезжали».— «Жаль, — со вздохом, — а нам говорили, что Иван Николаевич останавливался в вашем улусе».

— А вы кто такие будете? — насторожился хозяин, не видя на полушубках и шапках никаких знаков.

— Бежим от красных, — ответил Голиков.

По напряженному лицу хозяина было видно: боится что-то сказать и боится не сказать.

«Я вам... помогу», — с трудом произнес наконец хозяин и велел жене приготовить чай.

А после еды, пообещав Голикову: приедут от Соловьева — скажет про них, — повел на конюшню помянуть лошадей. И вдруг во дворе один из бойцов, забывшись: «Товарищ командир...»

Хозяин — бежать. Задержали. Связали руки. Посадили на коня. Повезли с собой. Голиков по дороге спросил:

— Что ж тебе плохого сделали красные?

— Ничего... Налог брали. У всех брали — у меня брали. Тихо, вежливо.

— А что тебе хорошего сделал Соловьев?

— Ничего. Коней отобрал, овец отобрал, муки десятков мешков, плевал в глаза и кричал «инородская морда».

— Так зачем же ты ему все даешь?

— А ты, начальник, — дерзко, с болью, — сам ему не дай, когда эта собака с другими собаками придет к тебе в избу!

И тогда Голиков остановил коня. «Езжай домой», — сказал арестованному и развязал ему руки.

Тот ни с места.

«Езжай», — повторил Голиков.

Тот продолжал неподвижно сидеть, не беря даже повод. Тогда Голиков хлестнул плетью по крупу лошади, на которой сидел хакас. Лошадь сорвалась с места.

Километра полтора все ехали молча. Наконец один боец не выдержал: «Зачем же вы, — спросил он, — товарищ командир, его отпустили? Ведь это же ихний связчик».

Отпустить, действительно, можно было и потом, все-таки Голикову казалось, что он поступил правильно.

У себя в штабе отдал необходимые распоряжения и лег отдохнуть. История с хакасом его почему-то сильно утомила. Было такое чувство: если не прилечь — не выдержит.

Вскоре Голиков получил из штаба нагоняй «за спешные и непродуманные действия», дал объяснения в письменном виде, и другие дела уже заслонили эту историю, когда к крыльцу дома, где он жил, подкатила крытая рогожей подвода и кто-то застучал кнутом по железному карнизу: «Эй, начальник, выходи — гостинец тебе привез!»

Голиков вышел на крыльцо. Крестьянин сдернул дерюгу с возка: на дне, опутанный сыромятными ремнями, лежал крупный белокурый бородатый мужик.

— Соловей прислал ко мне — я прислал к тебе, — радостно сообщил возчик.

— А ты-то кто будешь? — недоуменно спросил Голиков.

— Уже позабыл, — обиделся возчик. — Как посылаю меня домой, а я не хотел, — думал, будешь в спину стрелять, — помнишь?

— Помню, — засмеялся Голиков. — Выходит, Соловьева больше не боишься?

— Зачем не боюсь? Еще хуже боюсь, только так принимаю: бояться надо кого-нибудь одного.

Пинкертоновщина

Начал он с того, что поменял армейское седло на мягкое хакаское, переоделся и отправился со своим знакомым, Федором Кочкиным, просто так, по большой дороге. Со всеми, кто попадал навстречу, здоровался и

закуривал (взял с собою полный кисет и номер «Красноярского рабочего»). Голиков щедро делился табаком и выслушивал, кто что знал: «Соседей моих сын у Ивана Николаевича служит, так он сказывал...» Или: «Еду

за дровами вчера, а они навстречу: «Дядька, далеко в лес не ходи — заблудишься». И хохочут».

Когда возвращались, кисеты у него и Кочкина были пусты, во рту горчило, а самодельный его блокнотик был весь исписан только ему понятным шифром. У них в Арзамасе в реальном училище весь класс играл в шифры. У Голикова их было целых два: один — простой, другой хитрый. Второй, хитрый, теперь пригодился.

Беседы на большой дороге давали немало, а тут еще он договорился, что отец Федора, который жил в дальнем селе, выдаст его за племянника из Ужура.

Голиков попал на «помочи», когда село помогало солдатам, оставшимся без мужей. Помогая «маломочным», мир демонстрировал свою послушность советской власти, призывавшей не оставлять без внимания ни один

осиротевший дом, — и одновременно страховался от Соловьева, поскольку много «погибших» и «пропавших без вести» находилось в банде.

«Помочи» проходили празднично. К Голикову скоро привыкли, развязались языки. О чоновских отрядах здесь знали не меньше, чем о Соловьеве. Когда же кто-то произнес: «А Голик-то, новый командир...», Голиков даже вздрогнул, на мгновение представив, что бы с ним сделали, подметь кто: «А Голик-то, вон он, родненький, сидит с липовым своим дядькой и давится поднесенным пирогом с вязигой».

Конечно, это была непростительная «пинкертоновщина», но себе Голиков объяснял ее так: для того, чтобы посылать на такое других, он должен это испытать сам.

Аграфена

Несколько раз Голикову помогала Аграфена Кожуховская, у которой он снимал в Форпосте комнату и столовался.

Сначала жил при штабе и работать приходилось круглые сутки: есть ли дело, нет ли, — все прут в штаб. И тогда комбат поселился у Аграфены.

Было ей под сорок. Жила с мужем, которого Голиков видел мало. Сноровистая и веселая, Аграфена делала все быстро. Принесут, бывало, ей полотна, ниток, пуговиц — шить рубашки бойцам. Она в несколько дней раскроит, сметает, раз-раз, готово дело. И рубашки лежат, словно у купца в лавке, целой стопкой.

С постояльцем своим Аграфена была то уважительна, то насмешлива, в зависимости от того, видела ли она в Голикове в ту минуту мальчишку или командира, но во всех случаях относилась к нему с такой смущавшей его предупредительностью и заботой, какой он не знал с тех пор, как покинул арзамасский дом.

Бывало, придет: «Обед готов?» — «У меня всегда готов, чтоб тебя, Аркаша, не задерживать». Он сам просил, чтобы по отчеству не звала: «Вы зовите меня без людей Аркаша».

Садится. Если с ним гость — Аграфена приглашает гостя. Ставит тарелки, суп, котлеты — прямо со сковородкой. Голиков с гостем беседует и ест. Съедает котлету, вторую, третью, дойдет до пяти, сам удивится: «Что это я? Вроде и не хотел, а так сегодня разъелся...» — «Батюшка ты мой, — скажет она ему, — ты ведь как бычок мой Миша, целый день ходишь. Кушай еще. Мяса много».

После котлет попьет чаю с печеньем (печенье он любил, и хозяйка ему нарочно пекла). И опять отправляется.

— Да куда же ты? — кричит ему из кухни Аграфена. — Отдохни хоть часик.

— Некогда, — ответит он, — давно что-то про Ваньку ничего не слышно.

Ванькой они между собой звали Соловьева. Аграфена Соловьева знала: учился в одной школе. «Он пока не стал бандитом, так ничего, хороший был парень, — говорила Аграфена. — Семья большая. Жили небогато. Избушка на одном боку. И чего в бандиты записался — до сих пор не пойму».

Голиков делился с ней мыслями про Ваньку. Просил иногда совета, поскольку Соловьев охотился за ним, комбатом, не меньше, чем комбат за Соловьевым. Только охота у них была разная.

Узнав, что начальнику боерайона только восемнадцать, что он очень молод, стал Соловьев прельщать его письмами. Какому-нибудь мужику по дороге в Форпост вручался конверт. А раз на конверте «Передать Голикову. Срочно», — то сразу и приносили.

А в письме: «Аркадий Петрович! Приезжай погостить. Самогон, я знаю, ты не пьешь, так у меня сминовская

есть. С честью встречу — с честью провожу. А не сможешь приехать — так и быть, ящичек подброшу. Кто-нибудь передаст...»

«Спасибо, — отвечал, — Иван Николаевич, я водку-то и свою не пью. А твою-то и вовсе пить не стану. Я лучше из Уюса напьюсь».

А сам, как получит записку, целый день ходит задумчивый. Всюду ему чудится Соловьев. Ни разу в лицо его не видел, а все Соловьев перед глазами. Увидеть, поймать Ваньку — другой мечты не было.

Все время ощущение — Соловьев рядом. Это ощущение поднимало Голикова ночью. Он одевался. Пристегивал маузер. Засовывал на всякий случай в карман несколько «лимонок», обходил посты, потом забирался на холм повыше, лежал и слушал: нет ли конского топота, не донесутся ли какие голоса. Однажды донесли. «Тревога!» Тревога оказалась ложной. А уехал на сутки из Форпоста — без него был заколот часовою.

Велел Голиков оцепить лес, сам задержался в штабе. Когда уже выходил и садился на коня — подали записку: «Карауль — не карауль, а меня тебе все равно не укараулить... Иван Соловьев».

Дня через два попросил Аграфену: «Сходила бы ты, Кожуховская, на Песчанку (то была ямами изрытая гора, откуда брали песок). Вы с Соловьевым односельчане. Тебя никто не тронет».

Аграфена позвала двух молодых, и они переплыли в лодке на другой берег Уюса. А вскоре Аграфена вернулась: на руке кузовок, ягод в нем почти нет, больше травы. Вошла к Голикову, — отдала перевернутой ладонью честь: «Так точно, Аркадий Петрович, в ямине спрятались. Вся Иванова конница под скалою стоит. Коней тридцать. Сами же сидят кашу варят. С ними ли Ванька — не заметила. Близко подходить побоялась».

Аграфена доложила весело. Для нее страхи остались позади. А Голикову было не до шуток. Где взять столько лодок? Да и заметят сразу. А заметят — постреляют в воде.

Он дал команду «По коням!» — и в объезд, чтоб пересечь Уюс в неприметном месте, но не успели, сделав обход, ступить в воду — бандиты открыли из-за камня огонь. Били, правда, с дальнего расстояния — и он махнул рукой: приказал переплывать на другой берег.

На том берегу завязался бой. У него тяжело ранило Петухова. От брошенного, тоже раненого бандита, узнал: был у Песчанки и Соловьев.

... За ужином Аграфена устроила ему вдруг нахлебучку: «Что это, Аркадий, твои ребята на тебя жалуются. Как бандитов увидишь — так все: вперед! вперед! И сам все первый».

Смутился: «Мне бы Соловьева живьем взять!»

— А я как посмотрю, — покачала головой Аграфена, — мальчишка ты, Аркадий, мальчишка...

Окончание следует

ДРУЖБА

І АМІТІЕ

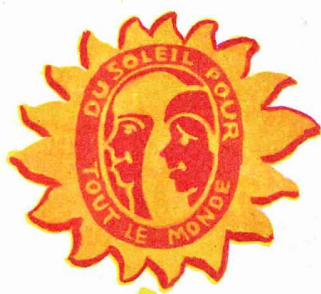

ДРУЖБА І АМІТІЕ ДРУЖБА І АМІТІЕ ДРУЖБА І АМІТІЕ

Оля Михайлова и Коля Преображенский, Оля Саранчева и Ирэна Цветкова живут в Ленинграде, у Нарвских ворот, а начинают свой день словами: «Бонжур, камарад!» И на уроках говорят по-французски.

В 392-й школе не только изучают французский язык. Тот, кто хочет побольше узнать о Франции, записывается в Клуб международной дружбы. На эмблеме Клуба по зеленым волнам плывет парусник. И на конвертах, которые почти каждый день приходят из Франции, — всё корабли да парусные лодки. Потому что дружат два города-порта: Ленинград и Гавр.

Прошлым летом четыре самых активных «кидовца» побывали в Гавре. А осенью, к началу учебного года, в Ленинград приехали французские школьники.

Вот такие снимки хранятся теперь в их альбомах — память о посещении «Авроры».

Президент Клуба Наташа Громова рассказывает:

— На заседаниях мы говорим о Морисе Торезе и Марселе Кашене, об эскадрилье «Нормандия-Неман» и об истории французской почтовой марки. Мы устраиваем конкурсы, выставки и концерты. Но самое главное — это личная и коллективная переписка.

«Дорогие друзья и дорогие товарищи пионеры! Группа Юрия Гагарина получила письмо, которое вы нам послали. Оно доставило

нам большое удовольствие. На прошлой неделе мы побывали на открытии бассейна в Вильжуиф, который тоже носит имя Юрия Гагарина.

на — символ юности и мужества. В этом году группы пионеров готовятся отметить столетнюю годовщину со дня рождения В. И. Ленина. Не можете ли вы нам послать материалы о Ленине и Юрии Гагарине? Мы, пионеры, надеемся, что между нами установится тесная дружба. Ждем ответа. Да здравству-

Французские гости побывали на «Авроре»

Ecol Zurich
76 le Havre
France
m-m Duval

ет Союз пионеров! Да здравствует пионерская организация имени В. И. Ленина!»

Вот адрес, по которому можно писать пионерам города Гавра:

ДРУЖБА І АМІТІЕ ДРУЖБА І АМІТІЕ ДРУЖБА І АМІТІЕ

ДРУЖБА

Осенью прошлого года двадцать ленинградских студентов побывали в международном молодежном трудовом лагере на юге Франции. С ними ездил и писатель Владимир Арро. Он рассказал об этой поездке.

ЇАМІТІЄ

МАЛЬЧИШКИ НА СЕЗОН

Когда меня спросили в «Костре», видел ли я на виноградниках Франции мальчишек, я воскликнул: «Ого! Не только видел, не только слышал, но и испытал, как говорится, на собственной шкуре!»

Вот перед вами симпатичная физиономия эдакого ангела во плоти. Зовут его Макс, а прозвище знаете какое? Гроза! Потому, что в следующую минуту, как только отвернется от него объектив фотоаппарата, он непременно залепит кому-нибудь виноградной кистью по шее.

Только и слышишь на поле возмущенные возгласы: Макс! Кристиан! Паскаль!

Ах, дьяволы, сколько они винограду разбросали. Но вот зла на них никто не имел. Потому что ведь их тоже надо понять! Мы, взрослые, за девять часов работы внаклонку изнемогали от усталости, а каково было ребятам!

Была их в том поместье, где мы работали, целая ватага: большинство местные, а другие из разных французских провинций и даже из соседних стран.

Как только наступает конец сентября, многие люди — чаще всего шахтеры — берут отпуска и едут на юг Франции целыми семьями: на заработки и, как они говорят, «отдыхать». Паскалик и его брат Жан-Пьер приехали с родителями из-под Парижа, Пепите со своей семьей — из Испании, Марио — из Италии. И так они ездят из года в год на виноградный сезон.

Как-то Паскалик сказал одному нашему студенту, старательно срезавшему виноград ножом:

— Руками рви! Бистро, бистро!

Студент спросил:

— Не молод ли ты меня учить?

— Нет, не молод, — ответил Паскалик. — Для виноградаря я — старик.

Местные крестьяне в шутку говорят про себя, что они и родились на винограднике.

Нет, я понимаю, наши школьники тоже помогают собирать урожай — ну, хлопок там или картошку — и это правильно. Но наши и не нюхали такого рабочего дня: от восхода солнца до захода. Да еще идти со взрослыми нужно вровень, а то надсмотрщик поставит в своей книжечке какой-нибудь крест — что из креста получится, неизвестно.

Я даже не знаю, чем бы эта мальчишня занималась в свободное время, если бы не приехала группа советских студентов. Они буквально паслись около нас. В спальне нашей появлялись еще до подъема. Щекотали нас, хватали за ноги, стягивали одеяла. Стоило достать из чемодана какую-нибудь вещь, вся компания моментально сбегалась.

— Ну, что, фотоаппарата не видели?

Видели они, конечно, видели, только им бы посмотреть, какое оно все — советское.

Молодых иностранцев на винограднике было как на каком-нибудь фестивале, а выбрали мальчуганы почему-то нас...

Когда миновала вторая неделя и наступили последние минуты работы, кто-то из наших стал громко отсчитывать время: «осталось десять минут... восемь... пять... три... одна! Тут все закричали «ура», стали подбрасывать вверх ведра. Мы и не заметили, как к нам подобрались мальчишки, набросились и стали мять виноград об наши физиономии. Оказывается, во Франции существует такой обычай. Ну, раз обычай, то и мы им намяли...

Смех смехом, а на следующее утро мальчишкам было невесело. Собираясь на поле, они кисло улыбались. Да и нам было грустно — все-таки мы к ним привязались.

*Вл. Дмитриевский
Рисунки К. Савкевич*

Пронзительный крик сойки всколыхнул тишину.

Опасность! — понял Большой Змей, неслышно приник к земле и пополз в густой траве, быстро и ловко, как настоящая змея. Только его взгляд, острый и пронзительный, мог заметить, что ветки орешника отклонены чуть в сторону. Он бесшумно встал, протянул руку, и пальцы его коснулись мускулистого тела.

— Хау! Минти, — едва слышно шепнул Быстроногий Олень. Перо, вырванное утром из хвоста старого одноглазого петуха, воинственно торчало над правым ухом.

— Вона... Федька со своей шайкой, — пояснил он и ткнул указательным пальцем в сторону мыса, врезающегося в пруд.

— Хау! — мстительно прошипел Большой Змей, и рука его, скользя к поясу, потянула тамагаук.

... Да, вот он, этот мыс, сейчас безлюдный, ярко-желтый от покрова опавших кленовых листьев. И островок тут как тут. Только три ольхи на нем неминуемо выросли, раскинули свои длинные голые ветви над прудом. Да и сам пруд мало чем напоминает наш прежний, как-то сжался. И не будь сейчас холодное октябрьское утро, я перешел бы пруд за две-три минуты. И белый двухэтажный

дом — вон он виднеется за прудом, между липами парка, вовсе не такой уж большой. Все почему-то уменьшилось, сжалось... Яблони и груши состарились, многие перестали плодоносить.

Но есть другой сад, новый... Куда больше старого, и меня уже угощали вкусными яблоками осеннего сбора.

Есть сад, и есть детский дом. Все тот же Федяшевский детский дом, разместившийся в белом каменном здании. И это удивительно, потому что прошло ровнехонько полвека с того дня, как я сюда приехал и крался вот здесь, в густой траве, чтобы прийти на помощь моему другу Коле Давыдову, прозванному Быстроногим Оленем...

Дворянское гнездо. Одна из множества помещичьих усадеб, разбросанных по всей России. Усадеб, возле которых в некотором отдалении располагались села и деревни с бревенчатыми избами, крытыми потемневшей от времени соломой, с церквушкой, иногда и с трехклассной школой.

Так вот, в одно из таких дворянских гнезд, километрах в

двадцати от Тулы, и попал я со своей мамой осенним днем 1919 года.

Просторный двухэтажный дом с башенкой и колоннадой перед главным подъездом, добротные кирпичные постройки сараев, конюшен, птичники на заднем дворе, тенистый парк с прудом, все это правительство Советской республики подарило детям-сиротам, потерявшим родителей в грозные годы гражданской войны.

В гостиных, спальнях и комнатах для гостей помещичьего дома, на грубо сколоченных топчанах разместилось более двухсот детей. Стриженные под машинку мальчики и девочки одевались в рубашки и платья, сшитые своими руками из пестренького дешевого ситца, на ногах самодельные туфли из шпагата. Когда же ударили морозы, гулять выводили партиями, так как на каждые десять человек приходилось по одной паре большущих и разношенных валенок.

Еда не отличалась большим разнообразием: постные щи из кислой капусты, а на второе либо пюре из сладковатой мороженой картошки, либо овсяная каша на воде.

Но мы никогда не вешали носов.

В зале на втором этаже построили сцену и положили начало «Революционному детскому театру»... Воспитатель детского дома, всеобщий наш любимец

Александр Иванович Полюбин сам писал пьесы, ставил их, раскрашивал декорации и гримировал актеров, пользуясь углем, свеклой и льняной куделью.

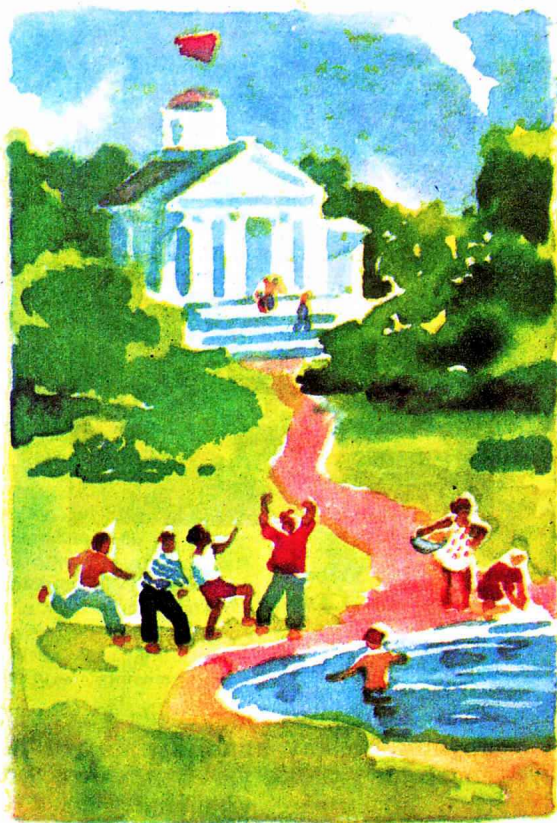
Потом театр превратился в Федяшевский детский пролеткульт — детскую коммунистическую организацию, которую Тульский комсомол создал задолго до первых пионерских отрядов.

Я уехал из Федяшевского детского дома в 1921 году, уже комсомольцем. Уехал, когда тяжело заболела сыпным тифом моя мама... Мы перебрались в Тулу.

... Нынче осенью я получил письмо. Почерк на конверте был незнаком, но обратный адрес заставил сильнее забиться сердце — письмо из Федяшевского детского дома!

Оказывается, ребята прочли мою повесть «Бей, барабан!», в ней я рассказал о приключениях федяшевских индейцев и красных разведчиков в 1919 и 1920 годах, и пригласили меня на пятидесятилетие своего детского дома. Я обрадовался и поехал в Федяшево.

... Прохаживаюсь по кленовой аллее, самой дальней аллее парка. Здесь мы устраи-

ли «секреты» красных разведчиков, когда белый генерал Деникин, захватив город Орел, намеревался с ходу взять и «Красную кузницу» Тулу... Мы тогда очень подружались с красноармейцами батареи, разместившейся на территории детского дома и спешно реорганизовали племя благородных делаваров в Штаб красных разведчиков. Решили вести тщательную разведку и в случае появления «беляков» предупредить наших друзей-артиллеристов.

За кленовой аллеей — до самого горизонта — черная липкая земля и только кое-где зеленые проплешины: морковь и брюква, посаженные детдомовцами. А вот и ребята. Размахивая портфелями, не без труда вытаскивая ноги из вязкой почвы — все в блестящих резиновых сапогах — возвращаются из Федяшевской восьмилетней школы. На всех пионерские галстуки, краснеющие за воротниками пальто.

— Вы, дядя, к кому приехали?

— К вам.

— К Аркадию Михайловичу, нашему директору?

— Не только к нему. К вам, ко всем.

— А вы...

— Я бывший Большой Змей, великий

вождь делаваров. Пришел к вам по своим старым следам...

— А если по правде, кто вы будете?

— Говорю вам, бывший вождь. Собираюсь, по старой привычке, содрать скальп с Хитрой Лисицы.

— Шу-у-у-тите!

— Ну ладно, я комиссар красной разведки. Проверяю пикеты. Видите, вон за той корягой... Да нет же, не туда смотрите... Ага! Там же притаился наш доблестный командир Коля Давыдов.

И тогда раздается радостный вопль.

— Ур-ра! Значит, вы?..

— Да, я.

Знакомимся. Интересуюсь:

— ...А кто на огороде работает?

— Конечно, мы. И унавоживаем, и сажаем, и пропалываем.

— А почему столько моркови там разбросано? Вы ухаживали за ней, а кто-то выдергивает и бросает. Как же так?

Явно смущены. Витя, член совета дружины и начальник штаба труда, неуверенно тянет:

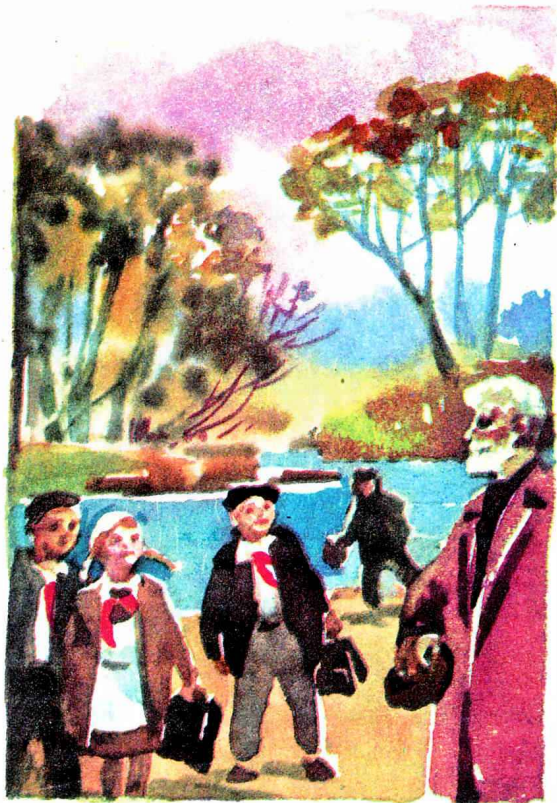
— Может, это Мишка? Хочет самую большую морковь найти. Он у нас второклассник, но очень уж бедовый.

— А вам своего труда не жалко?

— Понятно. Обсудим на штабе. Такого больше не будет.

Я верю Вите. Штаб труда работает неплохо. Подсобное хозяйство детского дома — тридцать восемь гектаров пахотной земли, да сад и огород еще шесть гектаров, пятнадцать коров, десять свиней, четыре лошади, куры, пасека на сорок ульев. Большое, сложное хозяйство! И для того, чтобы в детском доме всегда было вдоволь своего молока, своего картофеля и овощей, своих яблок и душистого меда, ребята работают не жалея сил.

Секретарь комсомольской организации и председатель совета пионерской дружины с карандашом подсчитали, что за летние месяцы «силами детдома» завезено и разгружено 120 тысяч штук кирпича, 250 кубометров песка, 150 кубометров щебня, 80 тонн асфальта и более 100 тонн железобетонных изделий. Все сто два-

дцать обитателей белого дома — народ серьезный, трудовой. Каждый старается в меру своих сил. Кто на строительстве, кто на огороде, кто в швейной и столярной мастерских.

— У нас так заведено, — рассказывали ребята, — коли как следует потрудимся, значит, и лето у нас будет веселое, интересное. Вы наш автобус-то видели?

— Как же! Я на нем вчера из Тулы приехал. Правда, в лощинке мы застряли, так что трактор пришлось вызывать, но добрались.

— Ну, это из-за дождей! А автобус у нас, знаете, сильный! Мы на нем и по Крыму путешествовали, и в Ленинграде побывали, и в Киеве, и в Одессе. Ну, а жили в палатках.

— А у нас был только Орлик, — сообщил я.

— Какой такой Орлик? — удивились ребята.

— Старый коняга. У него

даже морда поседела. Мы возили на нем продукты в детский дом из Тулы. Туда и обратно — десять часов!

— На автобусе куда лучше!

А телевизор у вас был?

— Да вы что, ребята!

— А у нас их три. И

еще один обещали подарить. Ну, и шесть радиоприемников. Но в кино-то вы все-таки ходили?..

Вот так мы совершаем совместное путешествие — ребята вместе со мной мысленно — в далекие и трудные годы Федяшевского детдома, а я вместе с ними, и уже в его реальное настоящее...

Хорошо, что есть тот большой белый дом в Федяшеве, и еще десятки, сотни таких же домов во всех республиках и областях нашей страны, которые становятся родными для детей, лишенных семьи.

Я встретился со многими бывшими воспитанниками Федяшевского детского дома. Теперь это квалифицированные рабочие, учителя, агрономы, инженеры.

Но и десять, и двадцать лет спустя большой белый-белый дом, окруженный деревьями старого парка, там, на холме — остается родным домом. И они приезжают погреться у его очага.

Лос

Даже как-то не укладывается в голове: лесной странник, неутомимый скиталец лось и — на ферме!

И тем не менее мы идем на Сумароковскую лосеферму, что недалеко от родниковой речки Покши. Мы — это Толик Журавлев, братья Ухличевы — Сережка, Шурик — и я.

Тропа подвела к изгороди. Перелезли, и тут мои смелые спутники замешкались, стали кричать: «Дядя Саня! Дядя Саня!»

Показался высокий сухощавый мужчина средних лет, замахал рукой: идите сюда.

Кругом шелестели осины. На многих кора, будто стамеской, — к полосе полоса — была стесана: лосиные метки.

В расступившемся круге деревьев показался пустой загон высотой метра два с половиной. Осиневые ветви с листьями там и сям торчали из ще-

Что рассказал мне ассистент и смотритель Сумароковской фермы Александр Николаевич Кокурин (дядя Саня), а я записал в свой блокнот:

«Как приручаем лосей? Разумеется, сами они к нам не приходят. Хотя здесь и корма сколько хочешь, и помещение спасет от холода и жары, от слепней, от оводов.

Высунется молодая травка в мае, появляются на свет лосята. Тут я и заведующий фермой Анатолий Павлович уходим в лес. И бродим там, пока не найдем семейство. А как же взять лосенка, его же мать стережет? Мы ее начинаем отвлекать: кричим, машем палками, а то и стреляем холостыми.

Так прогоним родительницу, возьмем дитя на руки, а у него каждая жилочка дрожит! Да и нам с Анатолием Павловичем «каково: надо заменить лосенку — ни больше ни меньше — мать!

В кармане у меня припасена бутылка с молоком. Дашь соску — выплевывает. А я ее молоком тогда смажу — нравится, лижет.

Бывают лосята, которые бунтуют. Ничего не нужно — ни сахару, ни хлеба. Тоскуют по лесу. Нашей ферме уже пять лет, мы за это время вырастили двадцать два лося, а три лосенка все-таки погибли.

Лосенок быстро привыкает к имени. Гуляет во дворе фермы — это лес огороженный, — ты его кликнешь — бежит. Любят они, когда по спине гладишь.

Покорми лосенка несколько дней, обласкай... Вырастет большим — все равно будет помнить тебя. Только всегда будь добрым. Не замахайся веткой, не грози. Других секретов приручения не знаю».

Из разговора с Анатолием Павловичем Михайловым, заведующим лосефермой:

— Зачем, Анатолий Павлович, надо лося приручать? Есть у людей собаки, лошади, коровы... Не хватит ли?

— Лось сильнее и выносливее. Глубокие снега нипочем, болота нипочем. В скандинавских странах еще в прошлом веке на лосе при-

лей. Дальше—сарай с плоской крышей.

Почему-то шепотом ребята попросили:

— Дядь Сань, покажи лосей.

— И лосенка, и лосенка!

Мы вплотную приблизились к загону, гадая, откуда покажется лось.

— Мальчик! Мальчик! — негромко, но требовательно позвал дядя Саня. В сарае послышался вздох, что-то треснуло, и вот в дверной проем — как только уместился, не разнес могучими плечами! — вышел лось, весь литой, огромный, лоснилась на спине шерсть цвета лежального мха.

— Мальчик! — в четыре голоса сказали мы и протянули на выбор четыре пучка веток со свежими осиновыми листьями. Мальчик раздул ноздри, всхрапнул и доверчиво ткнул

горбатую морду в руки Шурика Ухличева. Сергей просунул руку сквозь изгородь, погладил лоб Мальчика и вдруг спохватился:

— А где же рога у быка, дядя Саня?

— Рога? Видишь шишечки — растут рога.

— Так у него же были зимой, я сам видел, когда в Рыжково к деду на лыжах ездил!

— А-а, те отвалились, двадцать первого марта. Новые отрастут, посильнее прежних.

На шее у Мальчика был воркунок — так в здешних местах называют колокольчик. Когда лось тряс головой или переходил, отбирая у нас ветки, воркунок легонько позванивал. Так легко найти лосей, если они потеряются в лесу.

Мальчик тряхнул головой, видно, ему надоело отбиваться от оводов, и ушел в хлев.

Теперь к нам вышла Находка, красивая и гордая лосиха. Была она почти с Мальчика ростом, а уши — как две рабочие рукавицы. Мы угостили ее печеньем.

Потом очень захотелось поглядеть на первого из четырех лосят, родившихся в неволе. Первенца назвали Сыном.

Легонько похлопывая Сынка, дядя Саня стал выпроваживать его из хлева к матери, в загон. Но Находка вдруг кинулась к дяде Сане, встала на задние ноги, забила передними, стараясь попасть в обидчика.

— Не возьму я, не возьму твоего Сынка. Успокойся, Находка. Кому говорю!

Лосиха обнюхала Сынка, лизнула в лоб.

Мы покричали еще Пуську и Рыжика. Это были годовалые лоси, которые жили в углу хлева, у них ниже ушей вырастали похожие на морковины и словно плюшем обшитые рога.

— Вот зимой попробуем приучить их ходить в санках. Покатаем тогда, — улыбнулся дядя Саня.

В. Бочарников

Сумароково — Кострома

на ферме

способивались возить почту. В упряжке он послушен. Грузи триста, четыреста килограммов — в гору вывезет и с горы спустит.

— **Значит, будут скоро ездить по колхозам и городам повозки, запряженные лосями!**

— Ну, в городе есть мощные автомобили и хорошие дороги, в колхозе, думаю, будут и лошади в упряжках, а лоси отправятся, знаете, куда? — с геологами в тайгу. Представьте, зима, снег непролазный. Лошадь давно бы увязла, замерзла, сена ей подавай. А лось — вездеход. И корма себе найдет — веточек погрызет, кору, мох откопает.

Мы и на ферме часто так делаем: откроем ограду и выпускаем их на выпас в лес.

— **И не боятся?**

— Не боимся. Знаем, что вернутся.

— **И ни один лось за все пять лет не ушел от вас!**

— Ни один не ушел.

— **А много ли у нас в стране лосей!**

— Много. Даже в степях Тамбовской и Воронежской областей их видели. В первые годы советской власти был издан декрет о запрещении охоты на лосей. Это спасло животных от истребления и сделало очень доверчивыми. Вы ведь встречали в газетах сообщения: по такому-то городу прошел лось. Не то что деревни глухой — города не боятся!

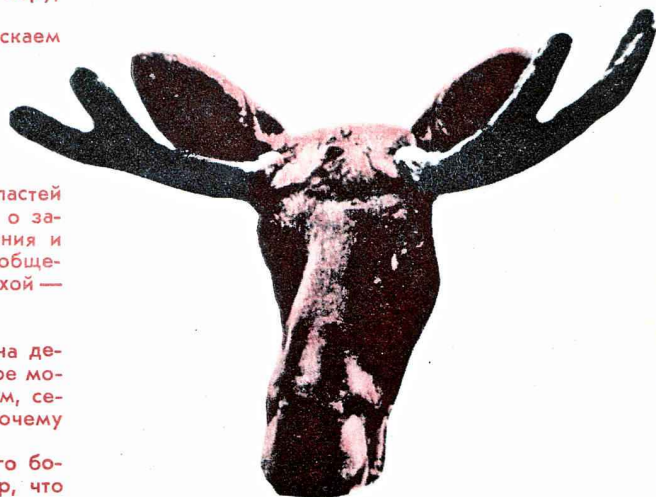
— **Какие опыты сейчас проводятся на вашей ферме!**

— Мы доили лосих и изучали их молоко. Оказалось, оно на десять процентов жирнее коровьего. Мы даже поставляем лосиное молоко больнице — для тяжелобольных. Корова питается силосом, сеном, зерном, а лосиха — как мы говорим, сухими кормами. Почему же такое хорошее у нее молоко? Вот одна из загадок.

Другая — она гораздо сложнее первой — организм лося, его болезни, характер, прошлое. Вот в лесу, если увидите мухомор, что вы сделаете?

— Растопчу или сшибу палкой.

— А нашим питомцам мухомор — первое лекарство от ревматизма. Это пока единственное, что мы знаем о лекарствах для лосей.

ВОСЕМЬ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ

ПОВЕСТЬ

Ю. Томин

Рисунки И. Харкевича

Анна Ивановна перекладывала тетради слева направо и понимала, что ищет того, чего нет. В то же время какая-то другая Анна Ивановна хотела, чтобы выплыл вдруг этот косой почерк, и тогда все бы кончилось быстро и навсегда.

Наконец, все тетради переключивала направо. Косого почерка не было. Не было даже похожего. И тут впервые Анна Ивановна подумала: «А почему непременно кто-то из моего класса? Ну, хорошо — можно изменить почерк. Ну, ладно — можно наклонить его влево. Но ведь общий рисунок почерка не должен полностью измениться. Вот хотя бы закорючка у буквы «д» в слове «редакция»... Вот она же в «дом № 5» — адрес редакции... И еще она в «средняя школа»... Ведь это «своя» закорючка, она написана машинально, по привычке! С такими закорючками учителя годами не могут справиться!»

Стопка тетрадей быстро переключивала справа налево.

Закорючка не обнаружилась.

На минуту Анне Ивановне стало как будто легче, но тут же другая Анна Ивановна возразила: «Ну что из этого? Тебе легче от того, что писал не твой ученик, а кто-то из соседнего класса? Почему ты думаешь, что на этом все кончится? А если будет и второе письмо, и третье? Где ты будешь искать автора? По всей школе? И легче ли будет от этого Володе и Ане? Уж лучше бы — в твоём классе...»

— Да, — проговорила вслух Анна Ивановна, — уж лучше бы в моём...

* * *

Анна Ивановна знала, конечно, не все. Не знала она, например, того, что в тот день, когда на доске появился рисунок, Аня пошла домой одна. Раньше она всегда ходила с Володи — они живут в одном доме. Но сегодня ей ни с кем не хотелось разговаривать и никого не хотелось видеть. А больше всего ей не хотелось видеть Володю.

Продолжение. См. «Костер» № 6, 1970 г.

Аня медленно брела по улице. Навстречу ей шли люди — по двое, по одному, веселые, озабоченные, хмурые или просто никакие. Попался даже один чудаковатый, без шапки. На волосах его поблескивали снежинки. Но никому, даже чудаку, не было дела до Ани.

Впрочем, Аня тоже не обращала внимания на прохожих. Она думала о любви.

Это слово вызывало тревогу, от него становилось неловко, будто делаешь что-то запретное. Самым обидным из того, что случилось за сегодняшний день, были не довольная рожа Кузнецова и даже не буйная радость класса: самым обидным было вот это самое слово.

Значит, она влюблена в Климова?

Значит, любовь — такая?

Значит, любовь — это когда двое должны все скрывать, таиться, не показывать другим, что им интересно вместе, а другие будут выслеживать, подслушивать, подглядывать и смеяться неизвестно над чем?

Выходит, любовь — это когда двое как мишень в тире: каждый может по ним стрелять сколько вздумается. Только в тире часто промахиваются, а здесь — всегда в яблочко.

Зачем она нужна тогда, эта любовь?

В конце второго квартала на пути к дому Аня приняла два твердых решения.

Первое, не самое главное — она никогда не выйдет замуж.

Второе, самое главное — завтра же она пересядет от Климова на другую парту и больше никогда не будет с ним разговаривать.

Итак, на втором перекрестке с любовью было покончено.

На том же перекрестке ее догнали девочки.

— Куда ты несешься... — отдуваясь, проговорила Вика.

— ...как угорелая? — отдуваясь, добавила Лиля.

— Еле догнали, — сказали девочки вместе.

Девочки стояли перед Аней — обе в расстегнутых пальто, обе раскрасневшиеся, очень похожие друг на друга, почти как сестры.

— У нас к тебе важное дело!

— Смотрим, а тебя уже нет!

Аня холодно смотрит на девочек.

— Никуда я не несусь.

Девочки не глупые, они понимают.

— Ты на них не обижайся, — говорит Вика.

— Конечно, — соглашается Лиля. — Чего на них обижаться? Все мальчишки — дураки.

Аня передергивает плечами.

— Ни на кого я не обижаюсь.

— Ну и правильно, — торопливо говорит Вика. — А у нас к тебе такое важное дело, такое важное... Мы сегодня договорились... Соберемся вечером, потанцуем. Пойдешь с нами?

— Не хочется.

— Ну, Анечка... — тянет Лиля. — Ведь начало четверти... Ну, один раз в жизни можно ведь.

— Вы и без меня можете, — говорит Аня, но уже без прежней твердости.

— Не можем! — выпаливает Вика. — Нам пойти некуда.

— Так куда вы меня зовете?

— К тебе! Давай у тебя соберемся!

Вот оно что! Все ясно. То-то и мчались они за ней сломя голову. Все уже без нее решили. А если она откажется? Аня как бы разделась на две половинки: одна требует мести, второй приятно, что в ней нуждаются. Побеждает вторая.

— А мама? — спрашивает Аня, чтобы не сдаваться сразу.

— Твою маму всегда можно уговорить. Это не то что мою, — говорит Вика.

— И мою... — вздыхает Лиля.

В том-то и дело, что мам всегда приходится

уговаривать. Не для того, чтобы разрешили потанцевать. Это — всегда пожалуйста. Даже сами предлагают: «Почему бы не собраться у нас? Приводи своих мальчиков и девочек». Главная трудность заключается в том, чтобы родителей на это время выжить из дому. Не хотят они уходить — и все. Очень им хочется посмотреть, как молодежь веселится. А с родителями — какое веселье?

— Мы не всех позовем, — торопится Вика. — Будет Олежка, Игорь, мы, ну, может, еще кто-нибудь. У тебя ведь сейчас одна мама, тебе легче уговорить.

— А у нас еще папы, — грустно вздыхает Лиля. — Их вообще из дома не выгонишь, особенно если хоккей по телевизору.

— Ладно, — соглашается Аня. — Попробую. Вы мне позвоните часиков в пять.

— Анечка, ты — золото, — взвизгивает Вика и вешается Ане на шею.

Лиля повисает на Ане с другой стороны. Аня отбивается, но ей приятно.

— Ой, — вспоминает вдруг Лиля, — у меня дома еще столько дел... И платье нужно погладить!

— И у меня тоже!

И вот девочки уже мчатся по улице, возбужденные и радостные оттого, что будет у них сегодня такой замечательный вечер. Аня смотрит им вслед и вдруг замечает Володю. Он стоит у газетной витрины и поглядывает в ее сторону. Аня отворачивается и шагает по улице с высоко вздернутым подбородком. За спиной она слышит торопливые шаги.

Володя догоняет ее и некоторое время молча идет рядом. Аня совершенно этого не замечает. Как будто никого рядом и нет.

— Ты куда несешься? — спрашивает Володя.

— Я абсолютно никуда не несусь, — холодно отвечает Аня.

— А чего ты меня не подождала?

— А зачем тебя нужно ждать?

Володя не знает, зачем его нужно ждать. Наверное, не нужно. Но ведь раньше ждала. В чем же он провинился сегодня? Володе до смерти хочется, чтобы эта девочка с каменным и каким-то взрослым сейчас лицом стала такой, как раньше. Он не понимает, что с ней сейчас случилось. Не догадывается он и о ее твердом решении — никогда с ним не разговаривать.

— Если ты на меня обиделась, то скажи за что.

— Я абсолютно на тебя не обиделась.

Володя сбоку поглядывает на Анино лицо — оно как маска.

— Пойдем в кино на четыре часа, — предлагает Володя.

Маска дрогнула, теперь она держится уже на ниточках, но все же держится.

— Ко мне сегодня придут ребята, я не могу. При этих словах Володя спотыкается и чуть не падает. Не от слов он, конечно, споткнулся, а потому что смотрит он на Аню, а не под ноги. Но получилось — будто от слов. Аня чувствует себя повелительницей. Маска слетает. Второе твердое решение забыто. Она поворачивается к Володе. Вид у него смущенный и какой-то покорный. Прикажи ему сейчас Аня ползть по водосточной трубе — ползет.

— Придешь?

На этот раз мрачнее Володя.

— А зачем они придут?

— Потанцуем.

— Ты же знаешь — я не умею.

— Вот и научишься. Что же ты, всю жизнь будешь не уметь?

— А зачем мне уметь?

— Как зачем? — ужасается Аня. — Все же танцуют.

— Нет, не пойду.

— Ну, конечно, твои задачки для тебя интересней.

Это верно. Володя увлекается математикой. Он решает задачи, которые и Анне Ивановне не всегда под силу. Но Аня и математика — это совсем разное. Володе нужно и то и другое.

— Просто я танцевать не люблю. Ты ведь тоже не все любишь...

— А если я тебя попрошу?

Аня нажимает на слово «я». Теперь уже и тупица понял бы, что выбирать нужно не между танцами и математикой. Их старая дружба — вот что проверяется в эту минуту. Она может лопнуть. Такой уж сегодня день.

Но Володя никак не хочет понять, что дружба проверяется и таким способом. Он бы и пошел... Но он ясно представляет себя стоящим у стенки, когда остальные танцуют. Глупая это поза — у стенки. Да еще нужно улыбаться и делать вид, что тебе весело.

— Аня, я не хочу, — говорит Володя. — Ты пойми...

— Я все понимаю, — резко отвечает Аня.

Аня поворачивается и уходит, не оглядываясь.

Володя стоит.

Аня идет и ждет, что Володя бросится ее догонять.

Володя стоит и ждет, что Аня обернется, и тогда он побежит следом за ней.

Она идет.

Он стоит.

Оба ждут.

Конец дружбе!

Придя домой, Аня садится за уроки. Но сегодня ничего не лезет ей в голову. В учебнике, сквозь портрет знаменитого ученого, сквозь его широкую бороду, проступает почему-то ук-

мыляющаяся физиономия Кузнецова. Кузнецов открывает рот, из которого вылетают обычные его шуточки. И Аня разговаривает с ним. Мысленно. Она отвечает остроумно и резко. Кузнецов растерянно умолкает. Вот так! Следующий — Климов. Сейчас Аня ненавидит его. Она почему-то видит себя посреди катка. Вдоль снежных валов по краям носятся мальчишки. В середине пусто. Там стоит Аня — очень красивая. Возле нее — Володя. Он просит прощения, на глазах у него слезы.

Буквы учебника начинают расплываться. Настоящие-то слезы оказываются на глазах у Ани.

Это от обиды.

От любви к себе.

От ненависти к Володе.

Аня захлопывает учебник и бежит в ванную комнату. Там она долго умывает лицо, чтобы мама ничего не заметила. Если она начнет расспрашивать — не отвяжешься. А ведь и маме не всегда все можно рассказать.

К тому времени, когда в замке заворочался мамин ключ, Аня успела вымыть посуду, пройти пол пылесосом и прибрать в кухне. Она не всегда занималась уборкой, этого уж никак нельзя сказать. Но сегодня — такой день. Нужно просить маму, чтобы на пару часиков она ушла из дома. После уборки просить легче.

— Ну, как дела? — спросила мама.

— Ничего особенного.

— Спрашивали?

— Сегодня никого не спрашивали. Давай, мамочка, я тебе помогу.

Аня взяла у мамы пальто, повесила в стеной шкаф. Отнесла на кухню сумку с продуктами. Мама ведь устала, надо ей помочь. Тем более что ей сейчас опять уходить.

— Угадай, с чем мы сегодня пьем чай? — спросила мама.

Ане долго гадать не надо. Конечно, с вафельным тортом. Это ее любимый торт. Ане становится неловко. Уж лучше бы мама не покупала этого торта.

Мама прошла на кухню.

— Ого! — сказала она. — Ну ты сегодня и поработала.

Мама улыбается и смотрит на Аню так, словно они одни на всем свете. А ведь они и вправду одни: папа вечно в своей Якутии.

— Мамочка, — сказала Аня, — ко мне сегодня вечером ребята хотели прийти, из нашего класса. Ты не будешь возражать?

— Ну что ты! — ответила мама. — Конечно, пусть приходят. И мне будет приятно с ними познакомиться. Я ведь только Володю знаю. Угостишь их тортом... Я чай приготовлю.

Аня вздохнула. Конечно, маму можно было

бы оставить. Но что скажешь ребятам? Порядок есть порядок.

— Ты что такая кислая? — встревожилась мама. — У тебя неприятности?

— Да нет, все нормально... Только знаешь, мы уговорились, чтобы никого не было.

— Кого никого? — недоумевает мама.

— Ну, без родителей.

— Без меня, что ли?

— Ну... и без тебя.

Мама засмеялась.

— Не бойтесь, я вам мешать не буду. Я все приготовлю и уйду в другую комнату.

— Не в этом дело...

— А в чем же?

— Мапочка, а ты не можешь сегодня куда-нибудь пойти?

С лица мамы медленно сползает улыбка.

— Неужели я вам даже в соседней комнате буду мешать?

Голос мамы звучит глухо. Если честно говорить, Ане немного обидно за маму. Но порядок есть порядок.

— Ты не будешь мешать... Не в этом дело...

— Так в чем же, Аня?

— Ну, как тебе сказать... Ну, если ты будешь здесь... Мы... мы... все равно будем чувствовать, что мы не одни.

— А почему вам нужно быть одним?

— Ну, тогда... тогда... так все делают.

Аня замолчала. Очень трудно все это объяснить маме. Неужели она сама не понимает? Если они одни, то чувствуют себя хозяевами. Они все делают сами. Никто не будет им помогать. Никто не будет советовать. Они хотят сами, сами!

Мама садится на краешек табуретки.

— Анечка, — серьезно говорит мама, — что с вами всеми теперь происходит? Почему вы так стремитесь отделиться от взрослых? Я тоже была девочкой. Но я помню: у нас собирались и дети и взрослые... И всем было весело... Никто никому не мешал... Да и как я тебе могу помешать? Ты вспомни, разве я когда-нибудь вмешивалась в твои личные дела? Неужели у тебя мало свободы?

— Мапочка, ну я же не про тебя говорю. Я — вообще...

— Не понимаю я этого, — говорит мама, — ни вообще, ни в частности. Наверное, что-то изменилось. Скоро ты меня совсем из дома выгонишь.

Сказала мама про то, как дочь ее из дома выгонит, и — словно бомба взорвалась. Невидимая такая, тихая бомба. Было лицо у дочери виноватое, стало упрямое. Глаза стали ключичими, непримиримыми. Смотрит так, будто далеко-далеко они сейчас друг от друга. Молчит. Но в молчании этом покорности нет.

«Кажется, я не то сказала», — подумала мама и постаралась вспомнить себя в возрасте дочери. Какая она была? Не такая ли? Жили они в одной комнате пятеро, но все равно был у нее уголок. Там она прятала свои секреты. При первой возможности мчалась во двор, в парк, хоть в дровяной сарай. Там была у них своя компания. И тайны свои они свято хранили от взрослых. И когда в игры их вмешивались — не любили. Только квартир отдельных тогда мало было. Раньше по углам прятались, а теперь по квартирам. Вот и вся разница.

— Ну, ладно, — вздохнула мама. — Это я пошутила.

— Нет, ты не пошутила, — упрямо мотнула головой Аня. — Я тебя из дома выгонять не собиралась. Если ты так думаешь...

— Господи, да никак я не думаю! — воскликнула мама. — Если ты позвала гостей, так пошевеливайся. Давай вместе что-нибудь приготовим.

— А нам ничего не нужно, — сказала Аня, и колючки в ее глазах начали таять.

— Торт пропадет. Что же, я его зря покупала?

— Ладно, съедим, — согласилась Аня.

— Тогда и чай сами поставите.

— Конечно, что мы, сами не справимся?!

— Тогда я пойду.

— Куда?

— В кино. Часов до восьми. Вам хватит?

— Что ты, мапочка, ты только на часочек.

— Ну, чудесно, — сказала мама фальшивым голосом. — Пока.

— Пока.

Мама надела пальто и вышла на лестницу. Аня постояла минутку, соображая, не очень ли все вышло обидно для мамы. Вроде, не очень. Вот только торт... Аня выскочила на лестницу и, перегнувшись через перила, крикнула в колодез:

— Мапочка, мы тебе торта оставим...

Но мамы на лестнице уже не было. Ане отозвался какой-то молодой человек, поднимавшийся наверх. Он спросил, какой торт. Аня показала ему язык и вбежала в квартиру как раз навстречу телефонному звонку.

Звонили девочки.

— Порядок?

— Порядок!

— Анька, ты гений! Сейчас мы всех обзвоним. Климова звать?

— С какой еще стати?

В трубке хихикнули. Аня положила трубку на рычаг и подошла к окну. Их дом — в виде буквы «г». На верхней перекладине «г» — окна квартиры Климовых. Во всех окнах горит свет. Климов, наверное, сидит сейчас за столом, решает свои задачи. Так ему и надо.

Больно ученый. А вообще-то, мог бы и позвонить.

Аня с надеждой смотрит на телефон, но тот молчит. Почему-то Ане вдруг становится грустно. Конечно, Климова она ненавидит по-прежнему, но если бы он позвонил, она, может быть, его бы и простила.

Анины размышления прерывает звонок в дверь. Он гремит долго и оглушительно. Сразу понятно, что пришел не кто-нибудь, пришли свободные люди.

Первым, разумеется, вваливается Кузнецов. Как ни в чем не бывало он протягивает Ане свою красную холодную руку.

— Приветик! Родительницу куда отпраздновали?

Ане неприятно, что Кузнецов называет ее маму «родительницей». Она говорит холодным тоном:

— Мама ушла в кино.

Но Кузнецова никаким тоном не смутит.

— Молоток! — одобрительно говорит он и швыряет пальто на вешалку так, что оно повисает сразу на трех крючках.

Пока раздеваются девочки, Игорь и Саня, Олег внимательно изучает себя в зеркале.

— Что-то мне сегодня мой внешний вид не нравится, — заявляет он. — Игорек, а ты как относишься к моему внешнему виду?

— Довольно противный.

— Да? — иронически удивляется Кузнецов. — А многим нравится. Верно, Саня?

Но Саня — верный Олегов солдат — не умеет поддерживать остроумных бесед.

— Да иди ты... — отмахивается он и, нырнув в комнату, садится на корточках перед радиолы. Большие Санины руки, словно клещи, вцепляются в ручки настройки. Саня танцевать немного умеет, но делает это неуклюже. Танцующий Саня похож на подъемный кран, которому вдруг захотелось немного согреться. Кроме того, он всегда наступает на ноги. Девочки танцевать с ним не любят. Санино дело — радиолы.

Саня честно запускает звук на полную мощность.

Тотчас же раздается стук в стенку, из соседней квартиры.

— Саша, ты что? — пугается Аня. — У них же ребенок маленький!

— Ребенок? Ну и что? Пускай привыкает с детства, — заявляет Олег, но тут же подходит к радиолы и командует: — Саня, убери грабли.

Саня послушно убирает руки.

Олег уменьшает громкость.

— Вот так, учись, пока я жив.

Пластинка докручивается до конца. Но пока никто не танцует. Девочки ищут чего-нибудь повеселее. Разумеется, не какие-нибудь там фокстроты и танго — это танцы для

родителей. Даже чарльстон позаброшен где-то в середине четвертого класса. Твист и шейк — вот что танцуют сегодня в классе.

— Девочки, — говорит Олег, — сколько можно?

А девочкам только этого и надо. Они уже нашли. Девочки выходят на середину комнаты, на мгновение застывают друг против друга и — поехали.

Начинают они небрежно, словно нехотя: спины прямые, согнутые в локтях руки чуть покачиваются, подошвы медленно ползут по паркету, не отрываясь от пола. Но постепенно ритм убыстряется, руки снуют взад и вперед, словно игла в швейной машине. А ноги! Они вообще танцуют отдельно от тела. Ноги ведут себя так, будто у них или совсем нет суставов, или их по десять штук в каждой. Девочек бросает вперед, назад, в стороны, они сходятся и расходятся, и уже трудно разобрать, где Вика, а где Лиля. Девочки танцуют самозабвенно. Это не твист, и даже не шейк, это уже что-то из будущего.

Внезапно звенит звонок. Все переглядываются. Неужели пришла?

Только этого еще не хватало!

Аня выходит в переднюю, открывает дверь. На площадке стоит немного сконфуженный, виноватый, ненавистный Володя Климов.

Неожиданно Аня краснеет.

— Ну, чего стоишь, раздевайся, — шепчет она и вихрем уносится в комнату.

Там уже не танцуют. Боятся. Ждут Аниной мамы.

— Ну, долго вы будете стоять? — кричит Аня.

Сейчас Аня чувствует себя легко и свободно. Ей вдруг стало весело. Она никого и ничего не боится. Она хватается за руку Кузнецова и вытаскивает его на середину комнаты.

Но что происходит с Олегом? Он не идет, упирается, вроде бы в шутку, вроде бы ему самому не хочется. Он открывает рот, чтобы отбрызнуть эту сумасшедшую Мельникову, но изо рта не вылетает ни звука. Кузнецов явно смущен. Это бывает раз в тысячу лет!

А Аня словно ничего не замечает, — а она все замечает! — заливается смехом, и от этого Олег становится неуклюжим, как Саня.

Аня танцует, поглядывая на дверь, откуда появится сейчас Климов. У нее прекрасное настроение. Снова все хорошо, все нормально!

Аня танцует. Ей весело.

Она не знает еще, что случится через несколько дней.

* * *

Анна Ивановна сидела за кухонным столом. Рядом стояла на длинной ножке лампа-торшер. Работать при свете этой лампы было не

слишком удобно: чуть изменишь позу — и то голова, то плечо попадают в полосу света, отбрасывают на стол нелепые тени. Но с этим приходилось мириться, потому что в одной комнате за двумя столами по вечерам занимались сын и его жена, а в другой пока вообще ничего не было, кроме их двух кроватей.

Анне Ивановне даже нравилось сидеть вечерами в кухне: никто не мешал ей, а главное — она никому не мешала.

Шел второй час ночи. Сын и его жена только что улеглись, поставив будильник на половину восьмого. В квартире теперь было так тихо, что тиканье будильника доносилось из комнаты сына даже сквозь прикрытые двери.

На столе перед Анной Ивановной снова лежало злобное письмо.

Чем больше думала Анна Ивановна о письме, тем ясней становилось ей, что не улавливает она во всей этой истории чего-то главного.

Письмо написано не в ее классе — это ясно хотя бы потому, что нет закорючки в букве «д». Пусть так. Выходит, написано оно в другом классе. Но почему же в другом?

Аня и Володя учились не в другом, а в ее классе.

Первая шуточка, созревшая в остроумной голове Кузнецова, тоже была пущена в ее классе.

Рисунок на доске — там же.

И вдруг после всего этого кто-то чужой, посторонний, из соседнего класса, садится и пишет такое письмо. Он ничего толком не знал, не видел, не смеялся, не приходил в восторг от кузнецовского остроумия... Но именно он решил продолжить эту историю, зная, что не получит от этого ни выгоды, ни удовольствия. Зачем? В чем тут причина?

Для всего, что происходило в классе, можно было найти причину.

Два года назад они все вместе удрали с урока. Что, они хотели досадить учителю? Или вдруг все сразу возненавидели рисование? Ни то, ни другое. Просто им захотелось сделать что-то необычное. Поступить не так, как поступают другие. Доказать кому-то, — а прежде всего самим себе, — что они никого не боятся и могут поступать, как им хочется. И они доказали. И с тех пор стали считать себя необыкновенно дружными. За этот побег они были готовы принять любое наказание, потому что казалось им, будто они наказания этого не боятся. И было это для них в тот момент очень важно. Вот и причина.

Или, например, бесконечные стычки Олега и Игоря. Может показаться, что когда-то они смертельно поссорились и с тех пор терпеть не могут друг друга. Но это не так. Они просто борются. Эти двое борются за первое место в классе. Вот и причина стычек.

И во всем, что происходило сейчас вокруг Володи и Ани, можно было найти причину. Кузнецов пустил первую свою шуточку... Хотел посмеяться именно над ними? Досадить именно им? Нет. Хотел показать прежде всего себя, а Володя и Аня просто под руку подвернулись. Я — Олег Кузнецов! Вот причина.

Рисунок на доске. И тут нетрудно найти причину. Это делать нельзя, а я делаю. Я не боюсь! Не боюсь ни бога, ни черта, ни самой Анны Ивановны!

Анна Ивановна не сомневалась в том, что в классе известно, кто рисовал. Скорее всего он сам и сказал. Иначе — какой толк от твоей смелости, если человечество о ней не знает?

Анна Ивановна мысленно перебрала всех учеников своего класса. Знакомые лица вставали перед ней, и ни о ком из них не хотелось ей подумать: «Это — он» или «Это — она...» Это были ее ребяташки, ее горлопаны, совершавшие десятки поступков — дозволенных и недозволенных. Но в любом поступке своем они искали себя. Они утверждали то, что они живут. В этом утверждении была для них награда.

«Награда... — подумала Анна Ивановна. — Они так неистово ищут награды...»

Награда в похвале...

Награда в уважении...

Награда в том, что на тебя смотрят...

Награда в том, что тебя слушают...

Награду можно отыскать даже в наказании — тебя заметили!

В чем же награда того, кто писал это письмо? В тихом хихиканье в одиночестве над «шуткой», о которой один только ты и знаешь? Чушь!

Перед Анной Ивановной вдруг с ясностью встало то, что все время от нее ускользало. Вот то, самое главное: «ПОЧЕМУ?» Она думала — КТО? А начинать нужно было с вопросов — ПОЧЕМУ? ЗАЧЕМ? ПРИЧИНА? Если найти причину, то узнать КТО будет уже проще простого.

Причина была для Олеговых шуточек.

Причина была для рисунка.

Причина была для машинки.

Причина была для косого почерка.

Причины не было для того, чтобы повернуть дело так — не было ее для письма в газету.

Машинально взяла Анна Ивановна в руки письмо. Машинально стала его перечитывать. Вычитать там что-то новое она не надеялась, но вдруг обнаружила, что после всех размышлений смотрит на письмо как бы со стороны.

На одной из первых же фраз Анна Ивановна остановилась. Она перечитала ее еще и еще и вдруг поняла, что все ее рассуждения, все сравнения почерков не стоят одной этой

фразы. Эта фраза кричала, она просто вопила о том, что письмо написано в ее классе:

*«Дорогая редакция!
Мне скоро тринадцать лет. Я учусь в шестом классе. В нашем классе есть...»*

«В нашем классе...»

«В нашем...»!

Тут ведь прямо написано «в нашем» и нужно прямо и просто, не забывая себе голову, читать так, как есть. Это написано машинально, привычно, как закорючка у буквы «д»! Автор написал это естественно, не задумываясь, как не задумался бы он написать «в одном классе», «в шестом «в» классе», «в соседнем классе», если был бы сам из другого класса.

«Это кто-то из моих, — подумала Анна Ивановна. — Но как же тогда быть с закорючкой?»

Дверь в кухню отворилась. Анна Ивановна вздрогнула. На пороге стоял сын — в трусах, в майке, сонный.

— Ты почему не ложишься?

— Я сейчас... — виновато сказала Анна Ивановна.

— Это просто безобразие, — позевывая, сказал сын.

— Но ведь я же вам не мешаю.

— А о себе ты думаешь хоть немного?

— Стараюсь не думать, — сказала Анна

Ивановна. — Это такое дело: начнешь думать — не остановишься.

— Не оstri, — сказал сын. — Немедленно ложись. Тебе обязательно восемь дней в неделю работать?

— Одну минутку... — попросила Анна Ивановна.

Сын ушел. Анна Ивановна достала из портфеля стопку тетрадей и стала перебирать ее в третий раз. Она искала не закорючку. Она искала того, кто отсутствовал в день контрольной и чья тетради могло не быть в этой стопке.

Не было тетради Кукина.

Уже в комнате, раскладывая диван-кровать, вытаскивая из него простыни и подушки, Анна Ивановна почувствовала, как тяжелеет у нее затылок. Сейчас самое время выпить лекарство. Но лекарства она пить не стала, чтобы не зажигать свет и не будить молодых, которым вставать в половине восьмого.

Осторожно, стараясь не делать резких движений, Анна Ивановна легла на спину. Она закрыла глаза, но по-прежнему маячили перед ней ровные строчки письма.

Кого же она проглядела?

Нет тетради Кукина...

Кукин? Не может этого быть, или я просто выжила из ума...

Но у Кукина есть машинка...
И они друзья с Кузнецовым...
И все равно — нет причины!..
И как не хочется вести разговоры в классе!
А теперь это придется делать.

* * *

Саня Кукин шагал по улице. Вид у него был независимый и даже счастливый. Так было всегда, когда Санины длинные ноги уносили его подальше от школы. Кончился еще один день, и теперь до самого следующего утра никто не будет приставать к нему с вопросами, почему он не делает того-то и того-то, почему он списывает, почему он такой, какой он есть.

В школе Саня чувствовал себя как разведчик в тылу врага: опасность подстерегала его на каждом шагу.

- Ну-ка, покажи свою тетрадь, Кукин...
- Кукин, иди к доске.
- Кукин, прекрати...
- Кукин, когда ты перестанешь...
- Кукин, когда ты начнешь...
- Кукин...

Но как только школьная дверь захлопывалась за спиной Сани и он выходил на улицу, то снова становился человеком.

Если мечтателем можно назвать каждого, кто мечтает хоть о чем-нибудь, то Саня таким и был. Мечты не заносили его далеко, Сане хватало и маленьких радостей.

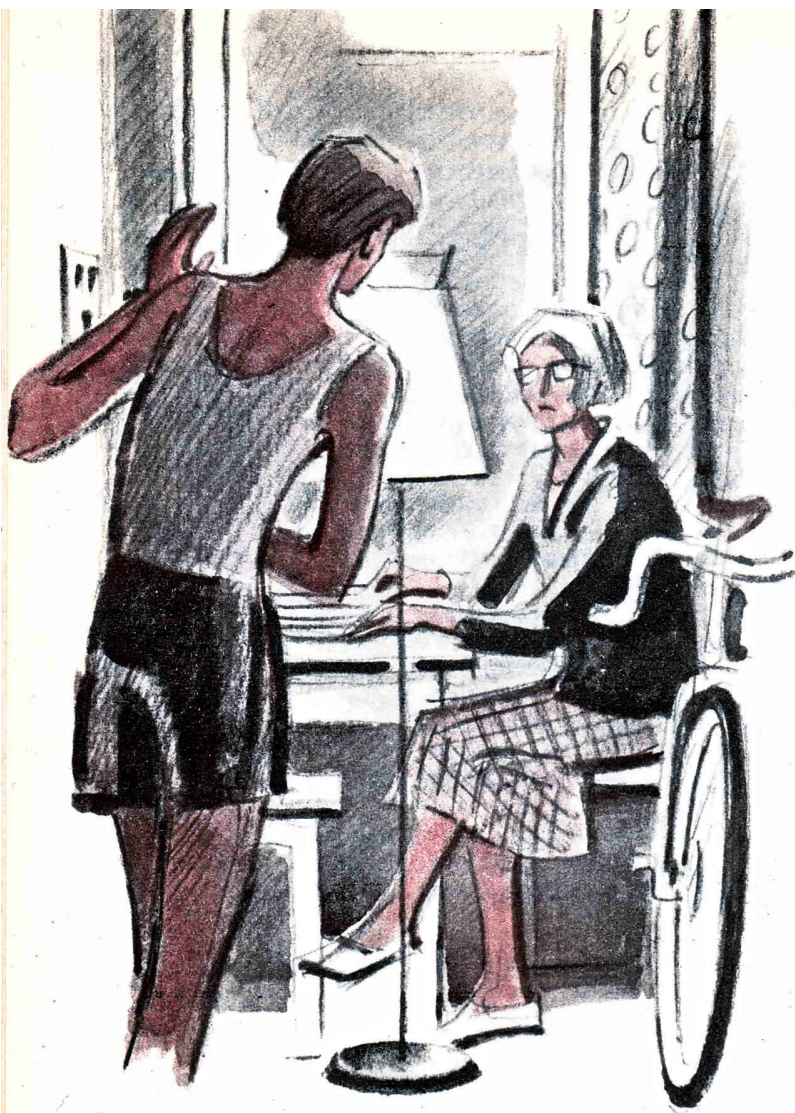
«Хоть бы не спрашивали сегодня...» — думал Саня перед уроком истории.

«Хоть бы не вызывали...» — мечтал он перед уроком математики.

«Хоть бы не проверяли...» — заклинал он мысленно перед уроком литературы.

И если сегодня не вызывали, не проверяли и не спрашивали, то день этот в Санином календаре нужно было бы отметить красным, как большой праздник.

Итак, обрадовать Саню было настолько просто, что приходилось только удивляться, почему учителя так редко этим пользовались.

Дома тоже ничего приятного Саню не ожидало. Его дневник был не из тех дневников, которые родители с гордостью показывают знакомым. Наоборот, родители почему-то старательно прятали Санин дневник. Когда заходил разговор об успехах сына, мать, краснея, отмалчивалась или начинала усиленно пичкать гостей чаем. А после ухода гостей наступала расплата. Родители наваливались на Саню; они умоляли, требовали, просили, приказывали и даже угрожали. Почему-то самой страшной угрозой считалось отдать Саню в футболисты. Возможно, мать полагала, что ниже футболиста опускаться уже некуда. Впрочем, это не мешало отцу отсиживать у телевизора свои два тайма по сорок пять с перерывом в пятнадцать.

Саня понимал, что говорится все для его же пользы, но от этого было не легче. Особенно не нравились ему разговоры о футболистах.

Дело в том, что Саня мечтал совсем о другом.

Он мечтал стать шофером.

Вот эта мечта и была главной.

О будущей шоферской жизни некогда было думать в школе, где приходилось жить в постоянном страхе. Не до нее было и дома, среди вечных угроз и попреков. О ней можно было мечтать вот сейчас, на широкой улице, где навстречу Сане катились автомобили, о которых он знал больше, чем все отличники вместе взятые.

Саня шагал широко, размахивая покрасневшими от холода кулаками. Сейчас он никого не боялся, не втягивал голову в плечи, не ждал никаких вопросов. Сейчас он был человеком.

А за спиной Сани торопливо шла Анна Ивановна. Прибавь чуть-чуть Саня шагу, и Анна Ивановна ни за что бы его не догнать. Но на свою беду Саня приостановился, любуясь длинным «шевроле», катившим мимо него с заграничным шелестом, и тут же был догнан.

— Саша, погоди...

Анна Ивановна остановилась, переводя дух. Саня обернулся, увидел Анну Ивановну и ощутил в груди знакомый холодок, будто он опускался вниз на качелях. Он не знал, что сделают с ним в следующую минуту, и приготовился к самому худшему.

В таких случаях Саня думал быстро.

«Она идет к нам домой!» — эта мысль промелькнула мгновенно, как падающая звезда.

— Мне нужно с тобой поговорить.

«Если она будет говорить сейчас, то домой не пойдет!»

— Анна Ивановна, я больше не буду. Я обещаю, — сказал Саня на всякий случай.

— Что ты не будешь?

— Списывать.

— Да я вовсе не об этом сейчас. Идем, поговорим по дороге.

Саня послушно двинулся вперед. Голова его понимала, что бежать от Анны Ивановны бессмысленно, но ноги не подчинялись голове. Они машинально переходили на бег.

— Ты не можешь идти потише?

— Могу, — сказал Саня и послушно встал.

— Да ты иди, только потише. Мне за тобой не угнаться.

«И не надо, — подумал Саня. — Вот и хорошо. Не надо за мной гнаться».

Между тем Санины ноги снова сами по себе прибавили шагу.

— Да не беги ты, — сердито сказала Анна Ивановна. — Все равно никуда не убежишь.

«Почему? — подумал Саня. — Убежать можно. Только потом сам же и прибежишь».

— Ругать я тебя не собираюсь, не пугайся, — сказала Анна Ивановна.

«Интересно, — подумал Саня. — А чего ж тогда? Хвалить, что ли?»

— А дело вот в чем... — сказала Анна Ивановна и задумалась над тем, как бы поосторожней задать вопрос о машинке. Впрочем, Кукина Анна Ивановна и не подозревала. Тут было совсем другое. Олег Кузнецов часто бывал у Кукина — вот в чем дело.

Пока Анна Ивановна раздумывала, как бы половчей спросить Саню, а Саня нетерпеливо перебирал ногами, стараясь убежать от себя самого, на улице случилось маленькое происшествие.

Большая грузовая машина быстро подошла к перекрестку, внезапно тормознула со скрипом, но затем прибавила скорость и умчалась. Вслед ей потянулся длинный милицейский свисток.

Анна Ивановна невольно обернулась на свист и увидела милиционера, который уже оседлал свой мотоцикл. Через несколько секунд мотоцикл, петляя между машинами, скрылся из виду.

Саня смотрел вслед этой погоне. Он смотрел так, как смотрят собаки на бегущую кошку. Мысленно он был там — в кабине грузовика и в седле мотоцикла одновременно.

— Догонит! — радостно сказал Саня.

— А это необходимо? — спросила Анна Ивановна.

— Еще как! — воскликнул Саня. — Он же по красному проехал! Теперь дырку получит! В городе от ГАИ не удрать — светофоров много. А на шоссе вообще-то можно удрать. Это же ЗИЛ... У него сто сорок лошадей!

«Лошадей» — это лошадиных сил», — догадалась Анна Ивановна, отметив про себя, что Саня произнес сейчас перед ней свою самую длинную речь за все их знакомство.

— А у этой сколько? — спросила Анна Ивановна, указав на проходившее мимо такси.

Саня пренебрежительно махнул рукой.

— Семьдесят — семьдесят пять от силы.

— А у этой?

— У этой сотня с лишним. Шесть горшков! — уважительно отозвался Саня.

— Какие горшки ты имеешь в виду? — спросила Анна Ивановна.

— Цилиндры, конечно, — сказал Саня и, посмотрев на Анну Ивановну так, словно она спросила, сколько пальцев на руке у человека.

То ли этот посторонний разговор, то ли сам вид Анны Ивановны убедили Саню, что ничего плохого с ним сегодня не сделают. Во всяком случае, Санины ноги теперь шагали нормально, и разговор шел тоже нормальный.

— Откуда ты все это знаешь?

— Журналы читаю.

— Какие?

— Разные. «За рулем», «Технику молодежи».

— У вас их дома выписывают?

— Нет, я в библиотеку хожу.

Будь Анна Ивановна лет на двадцать моложе, она бы подпрыгнула от такого сообщения. Саня в библиотеке — неслыханно!

— И давно туда ходишь?

— Уже два месяца! — с гордостью сказал Саня.

— Неужели ты столько выучил за два месяца? — удивилась Анна Ивановна.

— Я еще в гараж бегаю, — сообщил Саня. — У нас гараж через улицу.

«Так вот откуда масляные пятна в тетрадях», — подумала Анна Ивановна.

Некоторое время Анна Ивановна шла молча. Саня тоже разговора не заводил. Он понимал, конечно, что сегодня кое-чем сумел удивить Анну Ивановну. Но понимал он также и то, что в его положении лучше помалкивать и не лезть к учителям со своими разговорами. Мало ли еще как все это обернется.

— Слушай, Саша, — задумчиво сказала Анна Ивановна, — а у вас дома говорят когда-нибудь о будущей твоей профессии?

— Говорят, — с неохотой отозвался Саня. — Только и делают что говорят.

— Куда же тебя хотят направить?

— В институт, — презрительно сказал Саня.

— В какой институт?

— Я не знаю. В какой-нибудь.

Снова Анна Ивановна помолчала. Спрашивать Кукина о машинке ей почему-то расхотелось. Было в этом что-то непорядочное после такого откровенного разговора.

— Ну ладно, — сказала Анна Ивановна. — Я сегодня к вам зайду.

Теперь уже Кукин чуть было не подпрыгнул на месте. Так шло все хорошо и вдруг — зайду.

Анна Ивановна улыбнулась.

— Не пугайся, не жаловаться. Просто поговорить. Я ведь не к вам одним хожу, а ко всем. До свидания.

«Уж лучше бы не ходила», — подумал Кукин. Вслух он сказал:

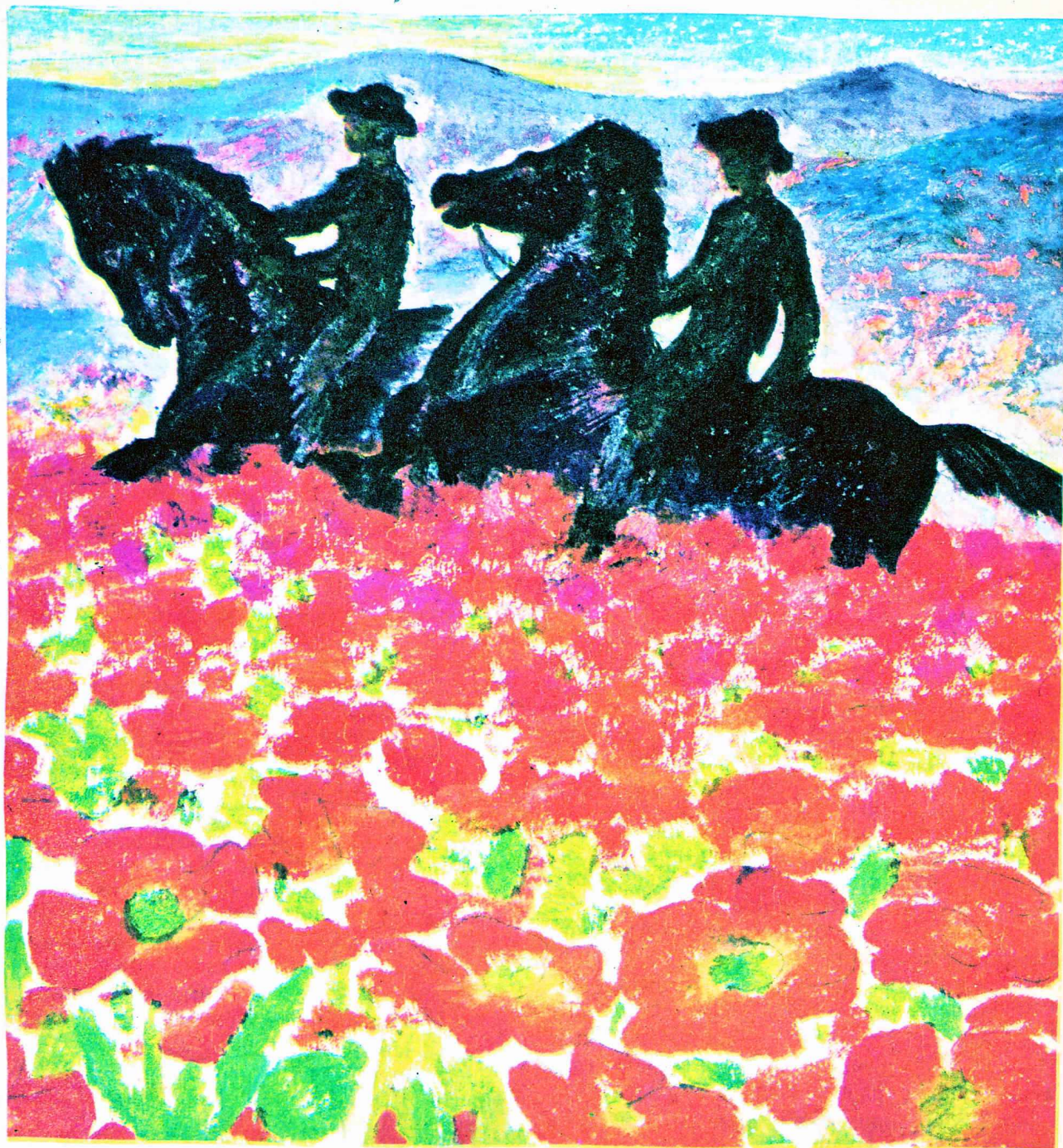
— До свидания.

Анна Ивановна свернула к булочной. Теперь она была совершенно уверена, что Кукин о письме ничего не знает.

Саня пошел домой, недоумевая, к чему, собственно, весь этот разговор.

Между тем Анна Ивановна ошиблась. Саня Кукин о письме кое-что знал, как, впрочем, и все остальные в классе.

Продолжение следует

Рассказы о природе Н. Сладкова

КРАСНЫЕ ДАЛИ

Вдруг покраснели дали! Появились яркие красные полосы у самых гор — непонятные и неожиданные. Будто красная заря из-за гор пролилась к их подножью. Будто кто-то толстым красным карандашом отчеркнул синие горы от желтых песков.

Нет, конечно же, не заря. И не россыпи алых камней. И не далекий степной пожар. Может, радуга по горизонту: желтое, красное, синее? Или зыбкий мираж, обманывающий и манящий?

Глухо топчут копыта коней, плюхая в пух-

лую пыль. Все уже полоса желтых песков, все гуще синева дальних гор, все шире, все ярче, все ближе, все необузданней красная полоса. Ближе и ближе радуга из песка, синих гор и... красных маков!

Маки, живые маки! Их видимо-невидимо. Они обступают со всех сторон, как разливы красной реки. Они трепещут и взблескивают, словно рябь на воде. Они качаются на ветру, как пламя невиданного пожара. От них рябит в глазах и кружится голова.

По сторонам вздымаются красные от маков холмы — волны багряного моря. Волны накатываются в посвистах ветра, на гребнях вскипают брызги огненных лепестков огня. Вот-вот волны нас захлестнут, опрокинут, и мы утонем в буйном неистовстве красного цвета!

Земля под ногами горит от цветов. Полыхают красные дали. Степные луны, словно чайки, скользят над красными волнами. Седые их крылья просвечивают розоватым. Красные жуки на маках жуют красные лепестки. Воронье кони сгибают потные шеи, и в черных выпуклых их глазах мечутся огненные зигзаги.

Порозовели белые облака. Даже синее небо подернулось розовой дымкой. Стоим растерянные и восхищенные. Цветы и цветы — без конца и без края! Неистовое буйство красного цвета. Кипучая лава цветов.

ДЯДЯ ВИТЯ

Среди удивительных горных садов из диких яблонь, груш, абрикосов живет удивительная красная птичка. Жить бы ей без забот в этой благодати, а она места себе не находит. Нужен ей какой-то неведомый дядя Витя!

Только войдешь в дикий сад, а красная птичка с вопросом: «Дядя Витя? Дядя Витя?» Ясным таким чистым разборчивым свистом: «Дядя Витя?»

— Нет, — отвечаю. — Я дядя Коля!

А птичка не отстает: «Ты Витю видел? Ты Витю видел?»

— Не видел! — сержусь я. — И видеть его не хочу!

А птичка свое: «Витю видел — куда пошел?»

И никуда от птичек не деться. Уйдешь от одной — на пути другая встречает. Тоже спрашивает: «Дядя Витя? Ты Витю видел? Дядя Витя — куда пошел?»

С утра до вечера по всему дикому саду разыскивают красные птички неуловимого таинственного дядю Витю и никак не могут найти. Всех встречных расспрашивают, а те и сами не знают.

Рисунок Т. Оболенской

СПАСИБО ИМ

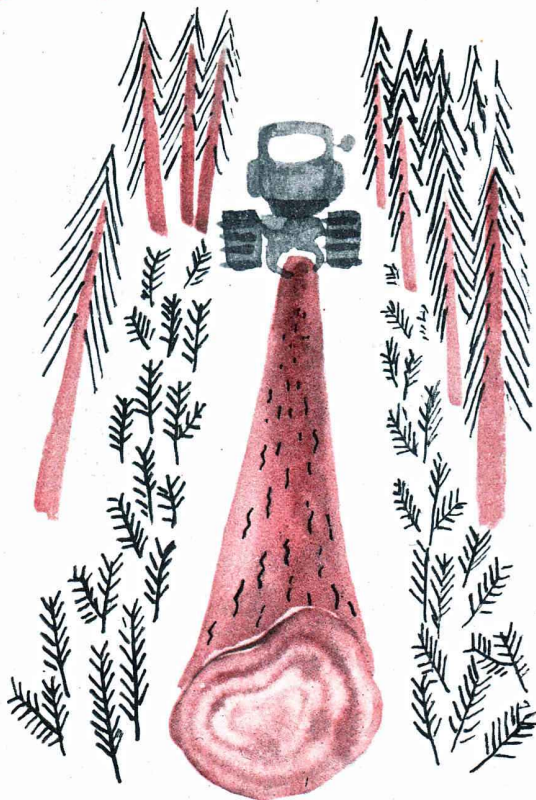
Пришли ребята из леса и хвастают: видели мы в лесу дятлов, белок и лягушат. И никого не тронули, не обидели. Пусть они нам за это спасибо скажут!

А я подумал о том, что дятел, например, лес бережет от короедов и древоточцев. Что лягушки кусачих комаров, мух и слизней уничтожают. И за это полезное дело надо бы им спасибо сказать.

Да если и просто так посмотреть на дятла и лягушонка — они же еще и красивые! Смотреть на них одно удовольствие, просто видеть их — и то радость! И за это им спасибо.

Фото автора

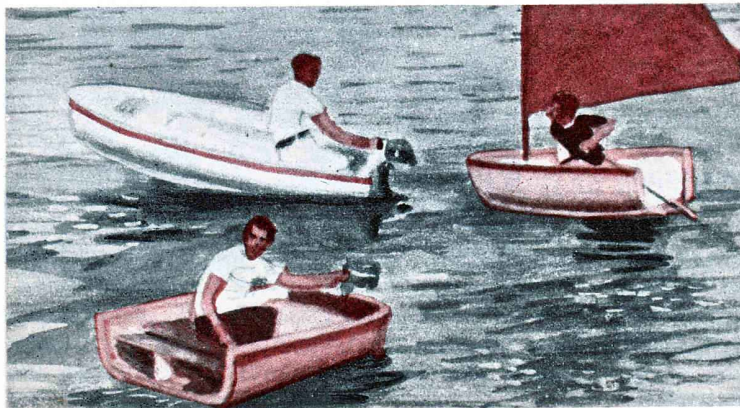
Лес рубят — деревья растут

Такое стало возможным в Удмуртии, когда лесорубы послушались советов ученых. Механизаторы как бы «раскроили» делянки на длинные узкие полосы и прорубили между ними волоки — дороги для тракторов.

Прежде, при разбросанных вырубках, трелевочный трактор забирал на буксир поваленное дерево и тащил его, сметая все вокруг. Молодые деревья почти целиком вытаптывались или ломались. На местах вырубок приходилось потом заниматься посадками леса.

Теперь тракторы движутся по волокам. Молодым деревьям ничто не мешает расти.

Таким образом, в Удмуртской АССР более чем на 22 тысячи гектаров увеличилась площадь под молодыми лесами, которые никто не сажал.

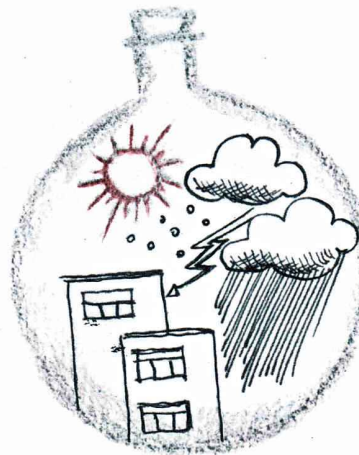

Не бойтесь за песика

Он не подпалит хвостик, хотя температура пламени под дощечкой, на которой он сидит, равна тремстам градусам.

В эпоху космических полетов нам необходимы невиданные до сих пор материалы: эластичные, легкие, выдерживающие огромные температуры и при этом почти не проводящие тепло.

Этот песик участвует в опыте: проверяет качества нового материала, изобретенного польскими специалистами.

Камера с погодой

Все прихоти ленинградской погоды собраны отныне в одном месте. Они закрыты в специальной камере, где в течение нескольких часов будут сменяться летняя жара, зимние морозы, знаменитые ленинградские туманы и осенние дожди.

Можно получить и точную «порцию» солнечных лучей, которые бывают в дельте Невы за год.

Теперь ученые смогут проверить, как воздействуют различные атмосферные явления на городские постройки. В камере с погодой будут испытываться окна, панели, части стен, крыши и другие строительные конструкции.

Не тонет даже половина лодки

Из синтетического материала пенополистирена англичане изготовили недавно самую легкую лодку в мире. Длина ее 2,8 метра.

Лодку нельзя потопить. Даже половина ее, как видно на фотографии, спокойно качается на волнах.

„Гном“ везет на работу

Английский пилот Раймонд Фихтер построил самолет, на котором ежедневно летает на работу.

«Гном» — так Фихтер назвал свое детище — не больше автомашины. На нем установлен мотоциклетный двигатель объемом 580 кубических сантиметров. Скорость «Гнома» девяносто километров в час.

Всемирное обозрение
всяческих технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудачеств

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

Бифштекс из нефти

Новая фабрика мясных продуктов принадлежит одному из английских нефтяных концернов. Рагу из баранины, бифштексы, жареные курчата — все готовится из белковых дрожжей. А сами дрожжи — высококачественные искусственные белки — получили химики из отходов обработки нефти. Химики-кулинары с помощью ароматических веществ придали им вкус и запах настоящей свинины, телятины, курятины.

Со временем легкие и портативные установки для получения искусственных белковых дрожжей могут быть использованы и на подводной лодке, ушедшей в долгое плавание, и на космическом корабле.

Иллюстрации Юрия Алексеевича Васнецова

„Жизнь тут идет интересная...“

Однажды зимой, в дачном поселке под Ленинградом я проснулся, слышу — дом скрипит от мороза. Подбежал к окошку и ахнул: забор, деревья, кусты — все изукрашено белым узором, все сверкает на солнце. Оделся наспех — и на улицу. Двери поют. Крышка колодезная поет. Звуки на морозе чистые, ясные. Из глубины колодца веет теплом. А это что за куст? Кажется, сирень?.. Была сирень, а теперь — не то зимень, не то снежень... На ней снежинки, словно кружево, и у каждой — свой рисунок. Снегири качаются на ветках.

Следом выбежала дочка.

— Эх, говорила, фотоаппарат возьми!

Бог с ним, с фотоаппаратом. Если мне захочется вспомнить это утро, я возьму в руки книгу «Радуга-дуга» и начну листать. Открою на той странице, где черный кот в расписных валеных сапогах идет вдоль забора, а под мышкой у него большая румяная булка. Зима на картинке синяя, таинственная. Черный кот идет себе, снегом похрустывает, и белый глаз его глядит на меня в упор.

И неважно, что это совсем другая зима, не та, что я увидел на улице нынче утром. Важно, что она спорит по красоте, по выдумке с той, настоящей. И не уступает ей!

Значит, скопировать природу — еще не шту-

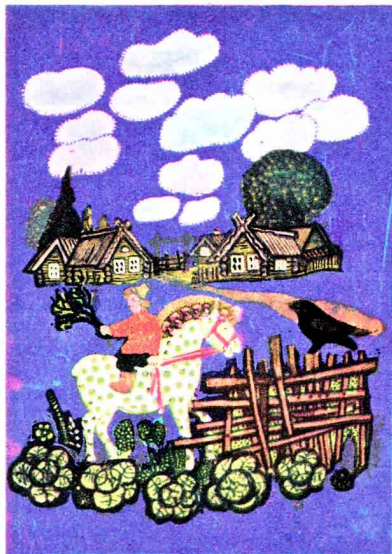
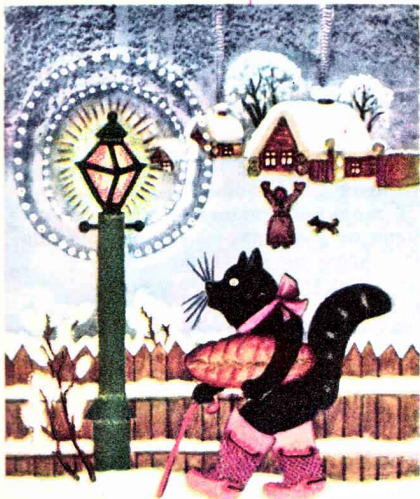
ка. Это и фотоаппарат сумеет, а художник, он прислушивается, присматривается, а поет свое. Он из обычных красок наколдует такое чудо, каких еще на земле не бывало. Потому что искусство только тогда чего-то стоит, когда оно ново, свежо и не повторяет ничьих — самых лучших — достижений.

Дальше листаю «Радугу-дугу». Удивительная книга!

Вот козел ведра несет. На ведрах буквы — «Ю» и «В». Что они означают? Они означают — Юрий Васнецов. Художник Юрий Алексеевич Васнецов придумал и нарисовал «Радугу-дугу» от первой до последней страницы.

Каждый рисунок словно излучает тепло. И заметьте: среди персонажей Васнецова просто-напросто нет злых или, как принято говорить, отрицательных. Даже волк и тот у него симпатичный!

Листая книгу, я все время обращаю внимание: какой живой рисунок. Словно видишь, как рука художника двигалась по бумаге, как кисточка ходила, рисовала. Вот облако украшено кружками, и все кружки разные — один покруглее, другой покривее. И рамка, в которой стихи, тоже не по линейке, а живой рукой нарисована. Рука не циркуль и не машина, она

«Книжки» „Ладушки“ и „Радуга-дуга“

не дает абсолютной точности. И это очень хорошо! Я представляю себе рисунок, сделанный роботом. Там все будет правильно, как на чертеже, но холодно, сухо. А здесь смотришь на рисунок и чувствуешь автора—его повадку, «особинку».

Вот резное окошечко мансарды, в которое летними вечерами глядит Юрий Алексеевич — седой, краснолицый, голубоглазый. Иногда я проезжаю мимо на велосипеде, останавливаясь поговорить с ним.

Резное окошко выходит на улочку. Напротив — кинотеатр, скучное приземистое здание. Однажды я примерно так и высказался при Юрии Алексеевиче. Он не согласился: «Нет, что вы, наша «Смена» очень красивый кинотеатр... И жизнь тут идет интересная — люблю смотреть...» Я подумал тогда: кто знает, в какие еще чудеса искусства претворится вот эта синяя дощатая стена, старые афиши на ней, велосипеды у входа, местные щеголи в брюках раструбами, девчушки, щелкающие семечки...

Однажды летом Юрий Алексеевич показывал мне рисунки для «Радуги-дуги». К одному я просто-таки прилип, не оторваться. Такая, знаете, зеленовато-синяя ночь в лесу, страшная! И волк несет дитя. Помните: «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю...» А на опушке леса — фантастический, золотой, немыслимо красивый куст. Диво дивное!.. Я спросил: «Как вы такой куст придумали,

Юрий Алексеевич?» «А я его видел...» — «Ну да, таких не бывает». — «Бывает! Прошлой осенью видел, на реке, за поворотом, у самой плотины, помните?..»

Какой уж там куст был, не знаю, но, конечно, далеко ему до нарисованного. Я понимаю: Юрий Алексеевич что-то такое приметил в кусте, чего никто другой не увидит. А уж как приметил — давай фантазировать!

Вот это, пожалуй, и есть самое главное — васнецовская фантазия. Если мы ее не поймем — ничего тогда в художнике не поймем. Приглядитесь: все его деревья, кусты, небеса, облака, луна, солнце и звезды, все его горы и доли — они особого свойства: васнецовского. И звери его и птицы — тоже особой породы: васнецовской. Их не спутаешь ни с настоящими, что в жизни нас окружают, ни с кем-нибудь другим нарисованными. Васнецовские и все. Открывая книжки Юрия Алексеевича, мы попадаем в сказочный, придуманный и построенный им мир.

Иногда мне кажется, что все эти зайцы и медведи, лисы и белки, козлы и бараны, коты и сороки, населяющие книжки Васнецова, что все они удивительно напоминают самого Юрия Алексеевича — такие же коренастые и уютные, деловитые и чистоплотные, трудолюбивые и добрые; что все эти зверюшки — только маски, а за ними прячется сам Юрий Алексеевич, прищутив от удовольствия голубые свои хитрющие глаза.

А. Крестинский

**НЕВЕРОЯТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ
ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ПИОНЕРА ГЕННАДИЯ
СТРАТОФОНТОВА,
КОТОРЫЙ ХОРОШО УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ
И НЕ РАСТЕРЯЛСЯ
В ТРУДНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ**

Василий Аксенов

Рисунки М. Беломлинского

ПРОЛОГ

Я познакомился с Геннадием несколько лет тому назад в Крыму, на берегу Коктебельской бухты, что недалеко от Феодосии. В парке уже заиграла музыка, уже зажглись фонари и всякого рода мошара повела вокруг них свой бессмысленный, но красивый танец, а скала Хамелеон на восточном берегу бухты все еще была освещена закатным солнцем. В свою очередь, молодой месяц уже висел в зеленоватом небе над горой Сюрюккая. Гора эта, на первый взгляд, кажется осколком Луны или какой-нибудь другой безжизненной планеты, но, приглядевшись, можно заметить, что она напоминает и тот профиль, который великий Пушкин часто рисовал на полях своей рукописи.

В тот год море съело коктебельские пляжи почти до самой бетонной стены, и для отдыхающих были устроены над водой дощатые помосты. Вот по такому помо-

сту я и разгуливал почти в полном одиночестве, размышляя о морских животных, о горных цветах и минералах, о почтовых марках, автомобилях и о спортивных соревнованиях, потрясавших тогда все цивилизованное человечество.

Кроме меня, на помосте находился лишь один человек — рослый, плечистый мальчик с умным и привлекательным лицом. Опершись на перила, он задумчиво смотрел в море, где по гребням бойких, беспорядочно прыгающих волн еще скользили розоватые блики заката, где иногда мелькали острые плавники дельфинов да кто-то мощно плавал стилем баттерфляй.

Пловец этот привлек мое внимание. Из воды ритмично вырывалась могучая спина. Взмахнув огромными руками, пловец бросался грудью на очередную волну и двигался вперед с удивительной скоростью.

— Не знаете, кто это там так здорово плавает? — спросил я мальчика.

— Это моя бабушка, — тихо ответил он.

— Бабушка?! — вскричал я. — Это удивительно.

— Ничего удивительного, — возразил мальчик. — До Великой Отечественной войны она была чемпионом РККА в плавании на сто метров баттерфляем.

— И по прыжкам с трамплина, — помолчав, добавил он.

Едва справившись с изумлением, я осторожно спросил:

— Значит, ваша бабушка служила в армии?

— Да, она была пилотом бомбардировочной авиации...

Бабушка тем временем совсем исчезла в быстро темнеющем море. Я покосился на мальчика. Он смотрел прямо перед собой за еле различимую черту горизонта. Отблеск молодого месяца стоял в его глазах. На груди его я заметил висевший на толстой цепочке якорек с припаянной к нему старинной монетой, чуть ли не испанским дублоном XVI века.

— А вы почему не плаваете со своей бабушкой? — спросил я.

Он покачал головой.

— Да так, не хочется...

— Может, не умеете?

Он быстро взглянул на меня и усмехнулся.

— Просто мне надоело плавать. За последний год мне это занятие немного прискучило.

Что-то таинственное послышалось мне в его голосе, когда он произнес эту довольно странную для мальчика фразу. Еще раз я посмотрел на него, и мне показалось, что он сейчас находится не на коктебельском пляже, а где-то в другом месте, где-то далеко, очень далеко, очень...

— А вы, я вижу, писатель? — проговорил он.

— Как вы догадались? — вновь поразился я.

— У вас мозоль на указательном пальце правой руки. Такие мозоли есть у всех писателей. Конечно, у тех, кто пишет.

Удивлению моему не было конца.

— Позвольте, но как вы увидели этот мозоль в такой темноте?

— У меня довольно острое зрение.

— Ну, хорошо, а если бы я писал на пишущей машинке...

— Тогда я догадался бы по другим признакам.

— Фантастика! — воскликнул я. — Вы меня не разыгрываете?..

— Геннадий, — назвал он свое имя.

Я тоже представился.

— Я достаточно хорошо воспитан, Василий Павлович, — сказал Геннадий, — чтобы не разыгрывать взрослых. — Он глянул в ночное уже море. — Бабушка возвращается.

В темноте слышались только музыка и голоса из парка да плеск волн.

— Все-таки разыгрываете меня, Геннадий...

— Да нет. Она уже в десяти метрах. Я вижу, как она скользит под водой.

— Может быть, вы видите ночью, как днем? Может, вы так называемый никтолоп? — воскликнул я.

— Вы угадали, — просто ответил Геннадий.

Несколько секунд спустя бабушка с шумом вынырнула возле самой лестницы.

— Генаша, ты здесь? — спросила она низким девичьим голосом.

— I'm here, granny! — ответил Геннадий с идеальным английским произношением и добавил на незнакомом мне языке. — Хава свимматора ю лер?

— Бундарбул сера оччи! — с жизнерадостным смехом ответила на том же языке бабушка и стала легко подниматься по лестнице.

ИЗ КОТОРОЙ ДОНОСЯТСЯ ЗВУКИ РАННЕГО ДЕТСТВА ГЕННАДИЯ СТРАТОФОНТОВА И СКРЕЖЕТ УЧИТЕЛЬСКИХ ПЕРЬЕВ, ВЫВОДИВШИХ В ЕГО ДНЕВНИКЕ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПЯТЕРКИ

Геннадий Стратофонтов родился в начале пятидесятих годов в Ленинграде на улице Рубинштейна от незаурядных родителей. Отец его был скромным работником почтамта и вместе с тем заслуженным мастером спорта по альпинизму, участником штурмов многих заоблачных пиков. Маму его, скромного библиотекаря, по примеру свекрови, влекло еще выше — в небо, откуда она постоянно совершала затажные парашютные прыжки в кислородной маске. В связи с этими увлекательными занятиями родителей Геннадий часто оставался один, но отнюдь не скучал. Еще в очень раннем возрасте он научился понимать и уважать папу и маму и предоставил им полную свободу действий.

Часами бродил крошечный мальчик по огромной квартире, не выпуская из рук любимой книги «Водители фрегатов». Квартира была темноватой и таинственной. Большие зеркальные окна ее упирались в стену недавно построенного желтого дома, похожего на чертог султана Мальдивских островов. Мутноватый желтый свет падал на слегка подернутые пылью конторки, пуфы, глобусы, барометры и секстанты. В столовой висел поясной портрет далекого предка Гены, адмирала Стратофонтова, известного путешественника, человека широких передовых взглядов, прославившегося тем, что в 18... году он на своем клипере «Безупречный» зашел в залив Сильвер-Бей эскадру кровавого пирата Рокера Буги. Гена часто останавливался перед портретом предка, смотрел на узкое лицо в пушистых бакенбардах, на голубые океанские глаза и тихо говорил:

— Здравствуй, дедушка. Позволь представить тебе моего друга адмирала Ивана Крузенштерна. Ах, вы знакомы? Ты служил на его шлюпке еще гардемаринком? Очень рад. А вот сидит в кресле другой мой друг, капитан Джеймс Кук, а возле глобуса стоит Дюмон-Дюрвиль, а там у окна Лазарев... Все мои друзья — безупречно храбрые и благородные сердцем люди.

— А где твои родители, Генаша? — спрашивал адмирал.

Геннадий тогда включал радиоточку, и она сразу же сообщала женским голосом:

— Новости спорта. Вчера группа альпинистов во главе с известным спортсменом Эдуардом Стратофонтовым приступила к покорению очередного безымянного семитысячника на Памире... — и мужским голосом: — Мастер парашютного спорта Элла Стратофонтова идет на побитие мирового рекорда американки Мерлин Бушканец.

¹ Я здесь, бабушка (англ.).

Она была похожа на сильно увеличенную копию известной скульптуры «Девушка с веслом», но вблизи, однако, можно было разглядеть в ее лице следы былой красоты.

— Познакомься, бабуля, — сказал Геннадий. — Это писатель Василий Павлович.

— Очень приятно, — пророкотала бабушка, протягивая мне мокрую руку. — Стратофонтова Мария Спиридоновна, подполковник в отставке.

От нее пахло водорослями и здоровьем.

— Пойдемте к нам чай пить, — предложила она.

До утра засиделись мы тогда на веранде их дачи, и из рассказов Марии Спиридоновны и Геннадия сложилась такая поразительная история, что я считал своим долгом пересказать ее читателю.

Адмирал одобрительно качал головой.

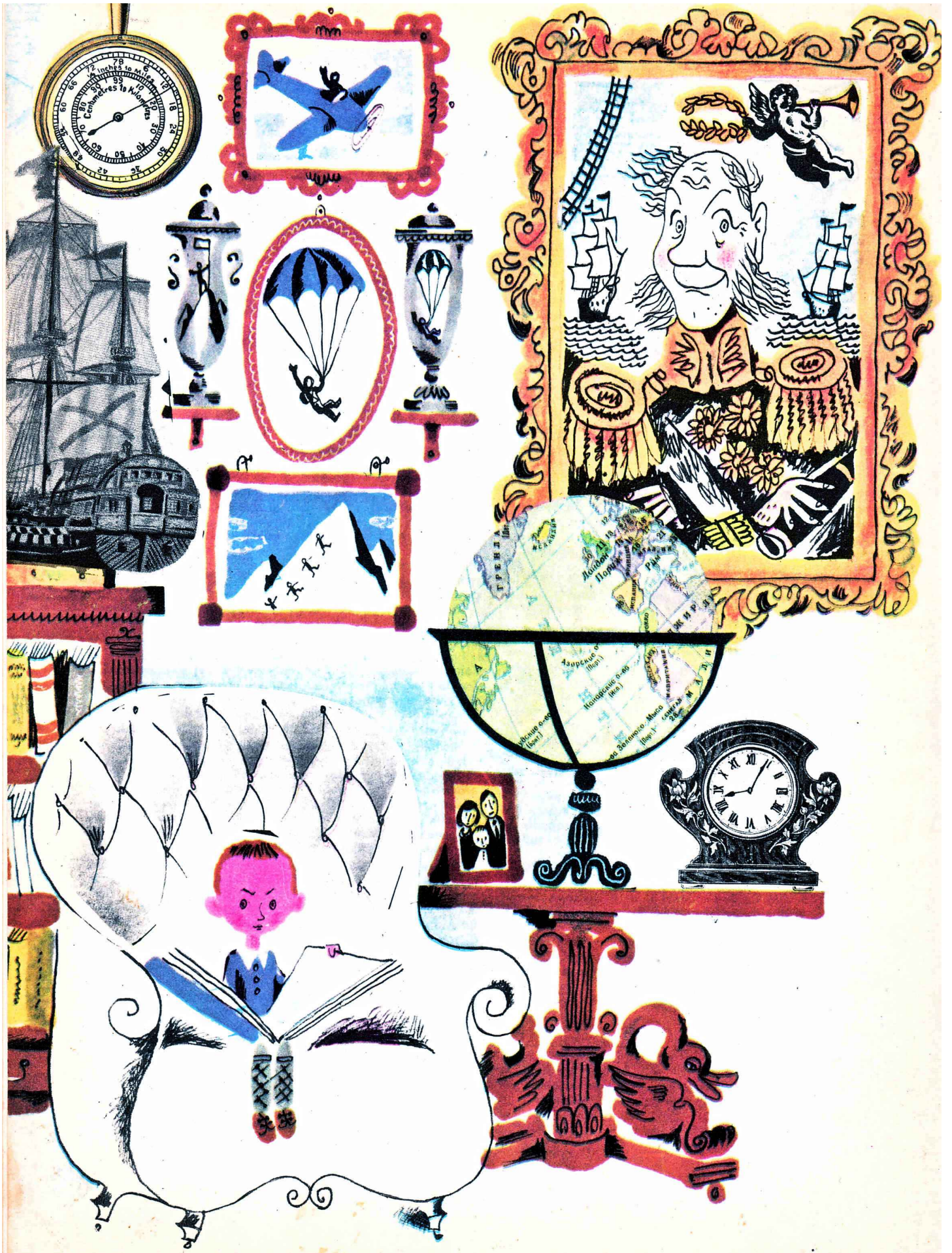
Вечерами Геннадия навещала Унг-Ма, супруга вождя дружественного племени, точнее, соседка Полина Сергеевна. Она кормила мальчика печеными крокодильими яйцами, дюгоньим молоком, дикой козлятиной. После ее визита Геннадий читал «Водители фрегатов» и энциклопедию, совершенствовался в английском языке, а потом отправлялся в далекую экспедицию, то есть в постель. Утром он самостоятельно уходил в детский сад, в свою группу, которую снисходительно называл в письмах к родителям «моя малышовка».

Иногда под окнами Стратофонтовых останавливался военный газик. Солдат распахивал дверку, и из машины выпрыгивала перетянутая портупеей бабушка.

Геннадий очень любил свою бабушку. Бабушка пылала к нему еще более сильным ответным чувством. Друзья могли часами сидеть на диване и беседовать. Бабушка рассказывала внуку о горячих денечках, о воздушных боях над Кенигсбергом и Берлином, а внук пересказывал бабушке содержание прочитанных книг.

Наконец, когда Геннадию перевалило за шесть, на Памире и Тянь-Шане не осталось безымянных семитысячников. Вернулся папа. Мировой рекорд заносчивой американки был побит путем приземления точно в крест с высоты 22.000 метров. Вернулась мама. Энский авиационный полк в торжественной обстановке проводил на заслуженный отдых бабушку. Семья зажила дружно и содержательно.

Время шло. Геннадий успешно овладевал школьной программой, увлеченно работал в пионерской организации, много времени уделял искусству и спорту. Может составить впечатление, что он был совершеннейшим пай-мальчиком, эдаким занудой-тихоней, образцово-показательным любимчиком педагогов. Должен прямо сказать, что такое впечатление было бы неверным. Ничто человеческое было ему не чуждо. Он никогда не отказывал себе в удовольствии трахнуть портфелем по голове какого-нибудь юного прохвоста, обиженного одноклассницу Наталью Вертопрахову, часами мог мять в снегу наперсника детских забав Вальку Брюквина; словом, он рос совершенно нормальным мальчиком. Успехи же его были вызваны недюжинными способностями и поразительной увлеченностью, с которой он подходил к каждому делу. Сверстники любили Геннадия за живой нрав, обширные знания и успехи в спорте. У него было много друзей и среди взрослых — почтовые работники и библиотекари, альпинисты и парашютисты, военнослужащие. Кроме того, у него

было несколько заочных знакомств за пределами нашей страны. Пользуясь своим блестящим английским, Геннадий поддерживал постоянную переписку с мальчиками из Великобритании, Нигерии, Новой Зеландии, Танзании...

Года за два до того, как начались главные события этой книги, Геннадий, ему шел тогда одиннадцатый год, познакомился с Николаем Рикшетниковым. Произошло это в Доме культуры Ленсовета на сеансе одновременной игры против гроссмейстера Михаила Талья.

Гроссмейстер нервничал. Почти не думая, он делал ходы, то и дело тревожно поглядывая на лобастого симпатичного мальчика в белом свитере, сидящего за десятой доской.

«Неужели он примет жертву? — думал Таль, покусывая тонкие губы. — Боже мой, неужели он примет жертву?»

— Примете жертву? — спросил Геннадия сосед слева. Геннадий посмотрел на него. Это был мужчина с худым и до черноты загорелым лицом, с умными и очень живыми глазами, с небольшим шрамом на лице возле носа. Одет он был в обыкновенный серый костюм, но на левой руке у него были массивные часы странной треугольной формы, а правую руку обхватывал брашлет, сделанный из зубов какой-то глубоководной рыбы. «Любопытный молодой человек», — подумал Геннадий и ответил:

— Да, приму.

— Не кажется ли вам, что здесь таится ловушка? — спросил сосед. — Вы же знаете эти жертвы Талья.

— Я все продумал, — спокойно сказал Геннадий. — Никакой ловушки нет, — он мельком взглянул на позицию соседа. — А вот вам грозит мат.

— Как?! Где?! Не может быть! — воскликнул сосед, судорожно оглядел позицию и прошептал: — А ведь верно...

— Спрячьте пешку с-7 в карман, — посоветовал ему из-за плеча Геннадия сизоносый дородный мужчина, от которого исходил какой-то странный, совершенно незнакомый мальчику запах. Так пахнет, должно быть, смесь одеколона и вчерашнего вина.

Геннадий возмущенно посмотрел ему прямо в глаза.

— Как же вам не стыдно?! — локким голосом воскликнул он.

Сизоносый под его взглядом запыхтел, покрылся пятнами и вытащил из кармана две талевских пешки, коня и ладью.

— Возвращается, — шепнул Геннадия сосед слева.

Геннадий повернул голову и поймал обращенный к нему жгучий тревожный взгляд экс-чемпиона мира. Быстро делая ходы, Таль приближался к Геннадию. В зале слышались глухие рыдания побежденных и звонкий смех редких счастливых, сделавших ничью. Матч на ста досках близился к концу. Геннадий снял пешкой белого ферзя и спокойно стал ждать.

— Вам мат, — торопливо сказал Таль сизоносому, шагнул к Геннадию, окинул взглядом доску, вздрогнул и, глубоко заглянув в глаза мальчику, прошептал: — Поздравляю с победой.

В зале начался ужасающий шум. Таль стоял, опершись на стол, и покачивался то ли от усталости, то ли от огорчения.

Сосед слева крепко пожал руку Геннадия.

— Какой вы молодец! Поздравляю!

В гардеробе загорелый сосед подошел к Геннадию. Был он уже в очень интересном кожаном полупальто с многочисленными молниями и в рыжей забавной кепке.

— Еще раз хочу выразить вам свое восхищение, — сказал он и представился: — Рикшетников Николай Ефимович.

— Геннадий Стратофонов, — отрекомендовался наш герой.

Они вместе вышли на улицу. Здесь их обогнал сизо-

носый. Обернувшись, он смерил Геннадия уничтожающим взглядом и хохотнул вызывающе.

— Тоже мне! Яйца курицу учат! А ведь наверное пионер!

Смех его был надменным и грубым, но в нем чувствовалась обида и тоска. Кто знает, сколько надежд связывал этот человек с сегодняшним матчем.

Николай Рикшетников тут же взял его за локоть своей железной рукой.

— Немедленно извинитесь.

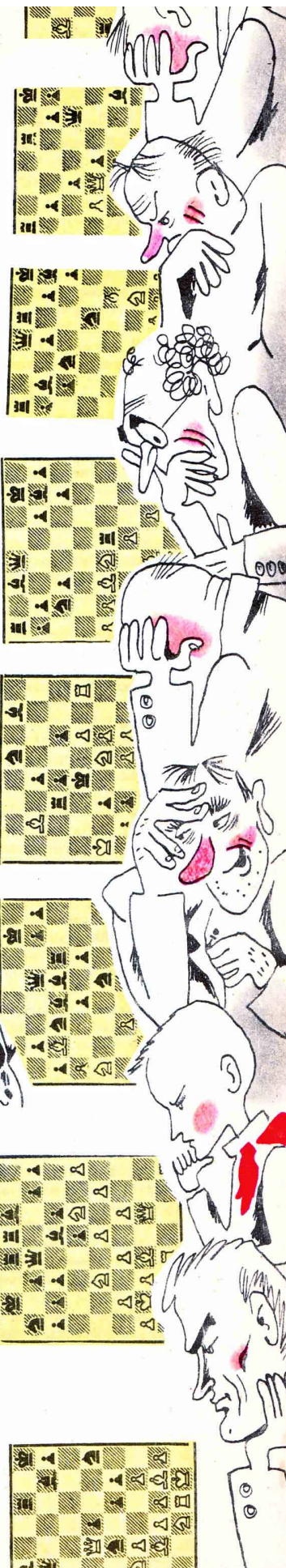
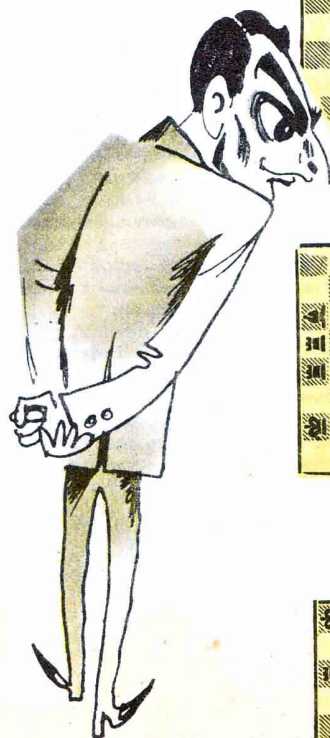
— Немедленно извиняюсь, — сразу же сказал сизоносый и неуклюже потопал к «Гастроному».

Геннадий и Николай Рикшетников медленно пошли по Кировскому проспекту к Неве.

— Стратофонов... — проговорил Николай. — Вы знаете, что был такой путешественник Стратофонов?

— Это мой предок, — сказал Геннадий. — Его портрет висит у нас дома.

— Вот это удивительно! — воскликнул Николай. — Ведь адмирал Стратофонов был любимым героем моего детства. Никогда не забуду описание его битвы с эскадрой Рокера Буги! Может быть, благодаря Стратофонову я и пошел в мореходку?

— А вы моряк?

— Да. Я капитан научно-исследовательского судна «Алеша Попович».

Сердце Геннадия часто забилося.

— Да вы же, наверное, изобразили всю Океанию?!

— Да, изобразил, — скромно ответил Николай.

... Падал мягкий снег. Он покрыл уже скаты и парпеты Петропавловской крепости, тротуары и перила моста.

Внизу колыхалась тяжелая невская вода. За Дворцовым мостом мигали огни большого крейсера, явившегося в город на Октябрьские праздники.

— Ну, а я просто школьник, — сказал Геннадий.

— Я догадался, — сказал Рикшетников.

— В раннем детстве... — сказал Геннадий и взглянул на капитана, не усмехнется ли он. Нет, Рикшетников и не думал усмехаться. Чуть склонив голову, предупредительно и серьезно слушал выдающегося мальчика.

— В раннем детстве я мечтал стать моряком, — продолжал Геннадий. — Путешественником, как мой предок. Я, можно сказать, бредил Океанией. Но, согласитесь, Николай Ефимович, какой смысл сейчас становиться путешественником? Ведь все уже давным-давно открыто, исследовано. Море стало вполне обычным... Эх, надо бы мне родиться хотя бы в XIX веке, а еще лучше в XVII-ом!

— Конечно, сейчас острова не откроешь, — задумчиво проговорил Рикшетников, — и лайнеры пересекают Атлантику за пять дней точно по расписанию. Но, знаете, Гена, океан остается океаном. Он так огромен... Даже гигантские атомные субмарины иной раз пропадают в нем без следа... Знаете, иногда стоишь ночью на мостике, смотришь в море и начинает даже какая-то чертовщина мерещиться, кажется, что там, под тобой, на страшной глубине есть какая-то совершенно неизвестная и недоступная воображению жизнь. Большие глубины, Гена, практически ведь еще не исследованы...

Год назад мы работали милях в двухстах к востоку от архипелага Кьюри. Утром как-то выхожу на палубу — батюшки! — прямо под бортом метрах в десяти чудовищная рыба, величиной со слона. Ярко-красная и будто светящаяся изнутри. Плышет на поверхности, тарашит жуткие буркалы, как будто пощады просит, потом переворачивается на брюхо и точка. Подняли мы ее на палубу. Наш главный ихтиолог чуть в обморок не упал. «Глазам своим не верю! — кричит. — Это же рыба-намадзу!» Оказалось, что это полумифическая глубоководная рыба, существование которой ученые подвергали сомнению. В японских старых книгах говорится, что рыба намадзу предвещает землетрясение. Всплывает на поверхность и подыхает. Ученые считают это чистым вымыслом. Но, между прочим, Гена, через три дня на Кьюри было сильное землетрясение...

— И вы попали в шторм? — спросил Геннадий.

— Ну, нет! — засмеялся Николай. — Капитан Рикшетников уважает мифологию. Мы вовремя драпанули к Большим Эмпиреям.

— Большие Эмпиреи! — воскликнул Гена. — Да ведь это же...

— Совершенно верно, — сказал моряк. — Именно в районе этого архипелага началась многодневная битва «безупречного» с пиратской эскадрой.

— Это чудовище Рокер Буги беспощадно грабил островитян! — гневно сказал Геннадий и сжал кулаки. — Он хотел свить на Эмпиреях свое гнездо!

— Не вышло! — выкрикнул Николай.

Капитан и школьник остановились возле памятника Суворову, посмотрели друг другу в глаза и обменялись крепким рукопожатием.

... Ядро пробило фальшборт, шипящим яростным дьяволом прокатилось по палубе, калеча людей, разрушая предметы.

— Разрешите открыть огонь? — дрожа от возбуждения, спросил лейтенант.

— Еще не время, — спокойно проговорил командир.

Русский клипер неся по узкому проливу вслед за пиратской эскадрой. Расстояние между ним и тремя неуловимыми, но сильно вооруженными барками неумолимо сокращалось.

— Он правильно сделал, что отрезал «Блу Вэйла» от двух других судов, — сказал Николай Рикшетников.

— А потом накрыл его залпом правого борта, — продолжал Геннадий Стратофонов.

... Гром канонады висел над прозрачными до самого дна прибрежными водами. Потрясенные осьминоги вылезали из темных расселин. Дельфины возбужденно прыгали между водяных столбов, удивляясь веселой игре, затеянной их старшими братьями. Жители Больших Эмпиреев живописными группами толпились на прибрежных скалах, наблюдая, как стремительный белокрылый корабль расправляется с их обидчиками, явившимися словно призраки кровавого XVI столетия в просвещенный XIX век.

— Вот так-то, мистер Рокер Буги, — прошептал Геннадий. — Вот так-то. А ведь вы могли бы быть неплохим моряком.

— По некоторым источникам, капитану Буги удалось спастись, — сказал Николай. — Говорят, что он провел остаток своих дней на острове Карбункул.

Рокот мощного мотора вернул собеседников в наши дни. Возле памятника Суворову остановился автобус, из него с беззаботным смехом вывалилась группа иностранных туристов. Щелкая аппаратами, куря табак, жуя и жужжа, европейцы подошли к памятнику полководца, который в былые дни немало потрепал их пращуров. Внимание Геннадия и Николая привлек один из туристов, рослый, сильный мужчина лет сорока. Пальто из дорогого твида обтягивало мощный торс, тяжелые, так называемые «вечные» ботинки оставляли в пушистом снегу широкие следы, по меньшей мере, сорок четвертого размера.

Чрезвычайно крупные черты лица — бананообразный нос, мохнатые гусеницы бровей, похожий на утюг подбородок — находились в странном противоречии с единственной изящной деталью, аккуратно подбритыми усиками.

Держась несколько в стороне от группы, мужчина подошел к памятнику, осмотрел его, неопределенно улыбнулся. Под тонкими усиками мелькнул золотой зуб. Внимательные холодные глаза остановились на капитане и мальчике, чуть расширились, как у застывшего перед прыжком хищника, потом отъехали в сторону. В поисках сигарет мужчина похлопал себя по карманам, растегнул пальто, и в мутном свете фонарей мелькнула галстучная закладка в виде лопаты с припаянной к черенку старинной монетой, чуть ли не испанским дублоном XVI века. Недобро улыбаясь, он смотрел на все, что дорого каждому ленинградцу, каждому советскому человеку, да и просто человеку доброй воли — на шпиль Петропавловки, на Ростральные колонны, на арки мостов.

— На редкость неприятный человек, — сказал Геннадий.

У него еще в раннем детстве выработалась одна весьма полезная привычка: некоторые мелькающие в толпе лица он усилием воли фиксировал в своей памяти. Так и сейчас он прищурился на неприятного незнакомца, как бы сфотографировал его на всякий случай.

Этот вечер капитан провел в кругу семьи Стратофоновых. Родители Геннадия Элла и Эдуард, а также бабушка Мария Спиридоновна, очаровали моряка. В новых знакомых он сразу угадал людей своего круга, людей большого риска, безграничной храбрости и благородства. Так началась дружба капитана научно-исследовательского дизельэлектрохода «Алеша Попович» с потомками адмирала Стратофонтова и прежде всего — со всесторонне одаренным школьником Геной.

Под влиянием этой дружбы Геннадий вступил в клуб «Юный моряк» и вскоре стал там одним из первых активистов. Он научился обращаться с секстантом и гирокомпасом, прокладывая курс на штурманских картах, разбираться в лоциях, в международном своде сигналов, грести, нырять в аквалангом, извлекать из моря необходимые для жизни вещества.

Возвращаясь из своих дальних рейсов, Рикшетников немедленно являлся к Стратофоновым. О, эти прекрасные вечера под медной люстрой, под благожелательным голубым взглядом адмирала! О, эти рассказы о трудной морской работе, о далеких портах Ла-Валетта, Дубровник, Джакарта, Перт, о дружбе и силе духа!

Между тем шли недели, месяцы и даже годы. Весной 196... года, когда Геннадий окончил шестой класс, капитан Рикшетников прилетел в Ленинград из дальневосточного порта Находка.

— Сильно оброс «Алеша Попович» морскими желудами, — объяснил он. — Поставили его в док почистить, чтобы не обижался.

Бабушка Стратофонтова в это время с невероятным упорством соорудила большой кремовый торт в честь

своего любимца. Руки ее, непривычные к женскому труду, плохо осуществляли грандиозный замысел, и вскоре мужчины общими усилиями водрузили на стол кремовое чудовище, похожее на контрольную башню аэродрома.

— Куда же вы теперь собираетесь, Николай? — спросила мама Элла, когда башня была уже скрыта до основания.

Рикшетников смущенно хмыкнул и, глядя в скатерть, проговорил:

— Представьте себе, друзья... как это ни странно, но... все это лето мы будем исследовать прибрежный шельф в районе архипелага Большие Эмпирии...

— Я!.. — вскричал при этих словах Геннадий и осекся.

— Что?! — вскричала бабушка и сжала под столом скатерть.

За столом воцарилось молчание, нарушаемое лишь сильным стуком Генашиного сердца. Потом все медленно повернулось к портрету адмирала. Адмирал мягко, отечески улыбнулся. Похоже было на то, что он все уже знал наперед.

— А почему бы и нет? — проговорил папа Эдуард, вспомнив горы.

— Я за! — коротко сказала мама Элла, вспомнив небо.

— Двух мнений тут не может быть! — покрывшись холодным потом, заявила Мария Спиридоновна и вспомнила все.

— В принципе это возможно, если будет ходатайство вашего клуба, — почесав затылок, сказал Геннадию Николай Рикшетников.

Через неделю после этого разговора новоиспеченный моряк, лаборант экспедиции Геннадий Стратофонов в 17 часов 47 минут на набережной Кутузова совершенно случайно встретил одноклассницу Наташу Вертопрахову, надменное существо, чем-то напоминающее морского конька.

Наташа была целеустремленной девочкой, каждый час ее был расписан, и ежедневно ее можно было случайно встретить на набережной Кутузова в 17.47 по пути из секции художественной гимнастики.

— Аа, Наташка, — рассеянно сказал Геннадий и остановился. — Привет-привет! Как дела?

— Ничего себе, — ответила Наташа, не прекращая движения. — Работаю по программе мастеров.

— Соревнования скоро?

— Ох, и не говори! Волнуюсь страшно! В начале июня наша команда едет в Краков. Представляешь, в Краков?!

— А я к Большим Эмпириям подаюсь, на все лето в экспедицию, — сказал Геннадий. — На судне «Алеша Попович»...

— Пожелай мне ни пуха ни пера, — сказала Наташа и протянула ему руку. Он посмотрел в синие глаза и увидел там только пьедестал почета и неверное мерцание будущей славы.

— Ни пуха ни пера, — пробормотал он.

— К черту! — с чувством сказала Наташа и стала стремительно удаляться.

Геннадий некоторое время смотрел ей вслед, потом отвернулся и едва не был сбит с ног бегущим Валькой Брюквинной.

— Валька, а я к Большим Эмпириям подаюсь на «Алеше Поповиче»! — крикнул Геннадий, хватая его за плечи.

— Да? Ну, счастливо! — Брюквин вырвался. — Приедем — расскажешь!

Не первой свежести подметки наперсника детских забав некоторое время еще мелькали перед недоуменным взором Геннадия, а потом растворились в предвечернем золотистом свечении, свойственном только одному городу на земле — Ленинграду.

На этом можно закончить первую вступительную главу. Впрочем... нет, я совершенно забыл сообщить

читателю об одном, на первый взгляд, пустяковом случае. Дело в том, что дня через три после первой встречи Геннадия и Николая Рикошетникова на адрес Стратофоновых пришло странное письмо. На бланке гостиницы «Астория» крупно было начертано несколько слов:¹

Mr. Stratofontov esq.
I'll never forget the
Silver-bay. R.B.

ГЛАВА II

В КОТОРОЙ СЛЫШИТСЯ РЕВ ШТОРМА,
БЕЗОБРАЗНО ХЛЮПАЕТ
СВАРЕННЫЙ НАКАНУНЕ БОРЩ,
А В КОНЦЕ ПОД ПЕНИЕ СКРИПКИ
БУЛЬКАЕТ СУП ИЗ КАРАКАТИЦЫ

Уже двое суток десятибалльный шторм трепал «Алешу Поповича». Он налетел среди ночи, через два часа после выхода из бухты Находка, к утру набрал полную силу и больше уже не ослабевал в течение всего времени, пока «Попович» пересекал Японское море, держа курс на Сангарский пролив.

Геннадий, разумеется, за это время ни разу не прилег. Во-первых, это был его первый выход в море, во-вторых, первый в его жизни шторм, да еще и какой — десятибалльный! Вот ведь чертовское везение! Весь в синяках, от стенки к стенке, падая в тартарары и вздымаясь под небеса вместе с палубой, Геннадий облизал все судно. Конечно, забраться на койку ему мешало жгучее любопытство, но, кроме того, он опасался, как бы не поймала его в горизонтальном положении морская болезнь, как бы сосед по каюте судовой плотник Володя Телескопов не стал свидетелем позора.

Пока все было, как говорится, о'кей. Глядя с ходового мостика на вздымающуюся перед «Алешей Поповичем» чудовищную, дымящуюся водяной пылью стену, Геннадий только лихо посвистывал сквозь зубы. Нервы у него сдали лишь тогда, когда он увидел «тонущий» танкер — груженный, низкосидящий, захлестываемый волнами, благополучно шлепающий в Иокогаму.

Теперь все было кончено. Теперь все, весь экипаж, узнают, что потомок знаменитого адмирала на самом деле слабохарактерный салажонок и ничего больше.

¹ Господину Эдуарду Стратофонову, эсквайру. Я никогда не забуду Сильвер-Бей. Р. Б. (англ.).

Папа Эдуард отправился тогда в «Асторию», чтобы выяснить, кто скрывался под инициалами Р. Б. В книге гостей значились:

Рикардо Барракуда

Рональд Бьюик

Ростан Бизе

Раматраканг Бонгнавилатронг

Рихард Бурш

Ростислав Боченкин-Борев

Все эти лица категорически отрицали свое авторство. Папа Эдуард, пристыженный, покинул «Асторию», решив, что это розыгрыш друзей почтмейстеров или альпинистов.

Глубоко удрученный Геннадий выскользнул из рулевой рубки, кубарем слетел вниз по трапу на вторую палубу, побежал по длинному тускло освещенному коридору мимо кают, за дверьми которых слышались слабые стоны ученой братии, налег плечом на стальную дверь...

В лицо ему с невероятной силой ударил ветер. Судно в это время кренилось на правый борт, и страшная вихревая пучина была совсем рядом. Ударилла какая-то партизанствующая волнишка величиной с кита, накрыла палубу, потащила Геннадия к фальшборту. Руки мальчика судорожно вцепились в планшир.

«Алеша Попович» медленно выпрямлялся. Вода, клочка, уходила в портики. Геннадий сделал несколько шагов к корме и уцепился за какую-то стойку. Он оказался в середине судна, как бы в центре раскачивающейся доски. Здесь качка чувствовалась меньше. Электротород зарывался носом, а корма быстро шла вверх, закрывая полнеба. Вот по всему корпусу прошла сильная дрожь — это обнажился винт.

Метрах в десяти от Геннадия распахнулась дверь камбуза, и два чумазы артельщика выволокли на палубу огромный котел со вчерашним борщом. Нельзя сказать, что во время шторма экипаж «Алешы Поповича» отличался повышенным аппетитом. Артельщики, поднатужившись, подняли котел и вывалили его дивное содержимое за борт.

След за этим произошло странное событие. Борщ, наваристый, янтарно-багрово-зеленоватый борщ, не ухнул, как ему полагалось, в пучину, а в силу каких-то необъяснимых аэродинамических вихревых причин по-

вис на несколько мгновений в воздухе. Больше того, он уплотнился и висел теперь перед Геннадием громадным переливающимся шаром с жировой бородой. Янтарные капли уже долетали до лица юного лаборанта.

«Вот борщ, — медленно подумал Геннадий. — Вот вчерашний борщ, и он висит. Ой, нет — он движется! Он... он движется прямо на меня! Ой!»

Борщ, повисев в воздухе несколько мгновений, ринулся на Геннадия. Вскрикнув от ужаса, мальчик бросился наутек к корме. Артельщики, разинув рты, наблюдали эту невероятную сцену. Геннадий со скоростью спринтера бежал к корме. Борщ настигал его со скоростью мотоцикла.

Гена уже чувствовал за своей спиной нехорошее дыхание борща. Собрав все силы, он сделал рывок, вырвался из-под навеса, вильнул влево и спрятался за спасательной шлюпкой, уцепившись за леера. Борщ, вылетев из-под навеса, взмыл вверх. Спустя минуту, вообразив, что опасность миновала, Гена выполз из-за шлюпки. Борщ, однако, не улетал. Снова найдя мертвую точку среди безумных воздушных струй, он висел теперь прямо над незадачливым лаборантом. Потрясенный и загипнотизированный, Гена уже не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Несколько мгновений спустя борщ, обессилев, рухнул ему на голову.

А теперь, дорогой читатель, попробуй представить себя на месте моего героя. Вообрази себя потомком великого путешественника, человека широких передовых взглядов, вообрази себя лучшим питомцем «Клуба юных моряков», победителем Таля, другом капитана Рикшетникова, вообрази, что ты совершаешь первое в своей жизни морское путешествие к архипелагу фамильной славы и представь себя сидящим на палубе в центре огромного жирного хлюпающего борща, представь себя с короной из прокисшей свеклы на голове, с омерзительной капустной бородой, с карманами, полными говядины и картофеля. Мне бы хотелось, чтобы ты, читатель, содрогнулся от ужаса, а затем по достоинству оценил мужество и силу духа моего героя.

Геннадий не бросился к борту топить. Встав из борща, он подошел вплотную к потрясенным артельщикам: — Может быть, вам смешно? — звенящим голосом спросил он.

— Чего же тут смешного, Генка, — проговорили артельщики. — Плакать хочется.

Они, действительно, всхлипывали. Такого зрелища они не видели никогда раньше и не увидели позже.

Геннадий резко повернулся и стал спускаться по трапу.

Сосед Геннадия по каюте, плотник высшего разряда Володя Телескопов, как и большинство обитателей «Алеша Поповича», летал в это время на своей койке вверх-вниз-влево-вправо, читал «Сборник гималайских сказок», хохотал и покрикивал:

— Вот дает! Вот дает!

Неизвестно к чему относилось это выразительное восклицание — к шторму или к гималайскому фольклору.

— Эге, Генка, поздравляю! — приветствовал он вошедшего в каюту Геннадия. — Я вижу, тебя борщ догнал!

— Ха-ха-ха! — нервным мужественным хохотом расхохотался мальчик. — Представьте себе, Владимир, вы близки к истине.

— Это что! У нас как-то раз, в Чугуевском карьере, Марика Ибатуллина суп с клецками догнал, — оживленно заговорил Телескопов. — А самый, Генаша, ужасный случай был в Клайпеде, когда Гришку Офштейна лапша накрыла.

— Значит, это не первый случай в мировой практике? — ободрившись, спросил Геннадий.

— Отнюдь не первый! — закричал Телескопов. Он на минуту задумался, а потом уверенно сказал: — Третий случай.

Измученный мальчик погрузился в глубокий сон. Он спал много часов подряд и не видел, как спустились сумерки, как «Алеша Попович» вошел в пролив, как утих шторм и как утром открылся залитый солнцем, мерно вздыхающий и, словно подернутый тонкой пластиковой пленкой, Тихий океан. Не видел он и маленьких японских шхун, с которых рыбаки в ярких куртках тянули невидимые лески. Они были похожи на фокусников или волшебников, эти рыбаки, и казалось, что серебристые извивающиеся рыбины выскакивают из воды прямо к ним на палубу, подчиняясь их резким таинственным пассам. Геннадий, к сожалению, этих рыбаков не видел, как не видел и множества встречных судов и чудовищной громадины американского авианосца «Форрестол», что не солоно хлебавши ковылял домой от берегов Вьетнама.

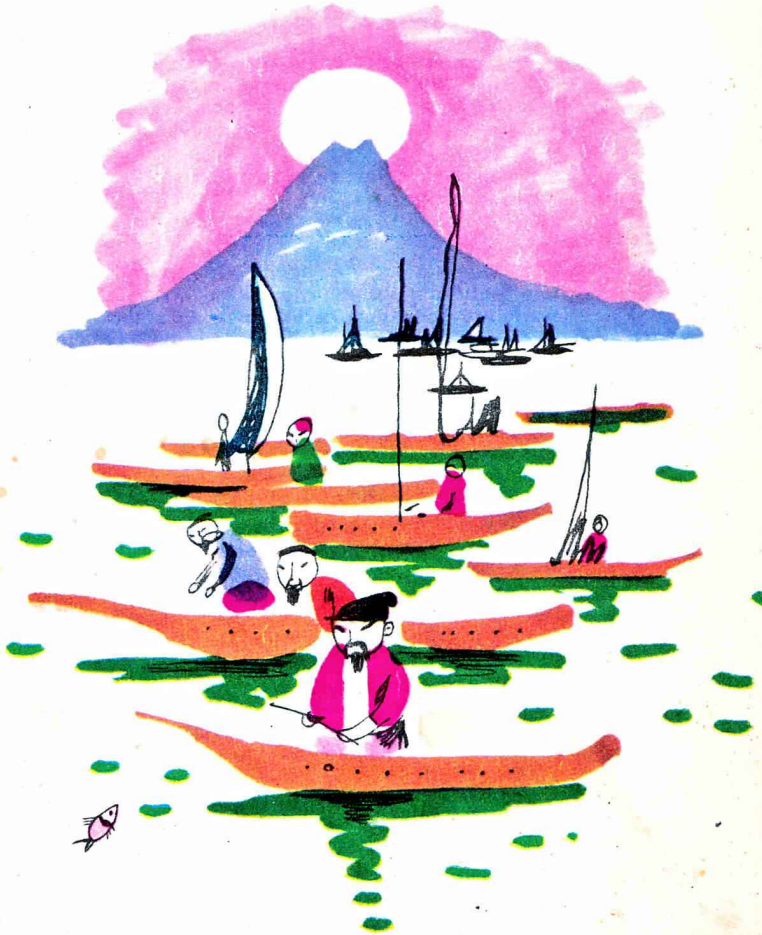
Проснулся Геннадий только под вечер, когда по судовой трансляции раздался металлический голос:

— Внимание! Наше судно находится при подходе к акватории Иокогамского порта.

Багровый закатный туман висел над Иокогамой, а над этим туманом в высоком прозрачном небе четко вырисовывалась верхушка священной горы Фудзи.

Когда сумерки ступились, волшебное видение Фудзи растворилось и марево разноцветных неоновых огней затрепетало над огромной Иокогамой и необозримым Токио.

На верхнюю палубу вышел из своей каюты капитан Рикшетников. Он только что закончил необходимые

формальности с японской таможенной службой, с пограничниками и карантинными врачами и теперь собирался отправиться в город. Ему предстояло нелегкое путешествие по Токио: надо было найти Генеральное консульство республики Большие Эмпиреи и Карбункул.

Рикошетников огляделся и увидел, что палуба почти пуста. Иногда по ней деловито пробегали члены экипажа с утюгами или галстуками в руках. Все моряки и ученые «Алеши Поповича» уже бывали в Токио и сейчас готовились к встречам со своими японскими друзьями. Одна лишь маленькая фигурка одиноко сидела на кнехте и задумчиво смотрела на гигантский таинственный город.

Рикошетников, разумеется, уже знал о плачевном эпизоде с борщом. Разумеется, он в душе чуть не лопнул от смеха, вообразив погоню вчерашнего борща за живым человеком, но усилием воли сохранил невозмутимость, хотя бы в память русских морских традиций.

Сейчас Рикошетников и не подозревал, что душа Геннадия полна ликования.

«Ух, ты, Япония, Токио, Иокогама! — думал в эти ми- ги Геннадий. — Вот я сижу на баке корабля, и вот передо мной загадочный вечерний город с одиннадцатимиллионным населением. Увидали бы меня сейчас наши ребята с улицы Рубинштейна: Валька Брюквин или Наташка Вертопрахова!»

Да, Япония была перед ним, и до нее можно было дотронуться пальцем, можно было полежать на ней, попрыгать или просто по ней пройти. И неужели же, неужели даже совершенно фантастические Большие Эмпиреи вот так же реально скоро предстанут перед ним? Геннадий был, конечно, вполне здравомыслящим мальчиком, но все-таки очень долго не покидала его мысль о том, что разные другие страны существуют только в книгах и в кино, что взрослые все это выдумали для того, чтобы детям не так скучно было учить географию.

— Геннадий, не хотите ли сходить со мной в город? — спросил Рикошетников.

Геннадий, ликуя и подпрыгивая в душе, спокойно изъясил желание.

Они спустились по трапу, прошли по причалу и вошли в здание морского порта, где по стеклянным коридорам двигались вереницы пассажиров из обеих Америк, Австралии, Азии, Океании и Европы, пересекаясь на разных этажах и сливаясь в огромном зале в гудящую пеструю толпу.

Рикошетников уверенно пробрался сквозь толпу к конторе автопрокатной компании «Херц» и арендовал там двухместный скоростной автомобиль «бентли». Через полчаса друзья уже мчались к Токио по висящей над сонмом маленьких домиков бетонной автостраде.

Центр Токио — это горная страна из стали, алюминия и стекла, а весь Токио — это равнина маленьких, двух- и одноэтажных домиков. Если какой-нибудь житель столицы пригласит вас в гости, он обязательно нарисует для вас схему своего квартала, укажет стрелочкой свой дом, пунктиром отметит путь от магистрали. Дело в том, что в Токио нет улиц, вернее — улицы не имеют названий. Названия имеют только кварталы и районы. Когда говорят: главная улица Гиндза — это неверно. Нет улицы Гиндза, есть район Гиндза. Разобраться в этой системе непривычному человеку чрезвычайно трудно.

Проколевив битый час по забитым людьми и машинами улочкам района Синдзюко, Рикошетников и Стратофонов потеряли надежду найти консульство нужной им республики.

Полицейские и прохожие, услышав название «Большие Эмпиреи и Карбункул», начинали безумно хохотать и так слабели от смеха, что толку добиться было трудно.

Рикошетников уже было махнул рукой, как вдруг при- паший к ветровому стеклу Геннадий воскликнул:

— Остановитесь, Николай Ефимович!

Рикошетников резко затормозил. Перед ним был ничем не примечательный двухэтажный домик в четыре окна, от тротуара до крыши покрытый светящимися и несветящимися вывесками. Вывески гласили:

УРОКИ ИГРЫ НА СКРИПКЕ!

ЕВРОПЕЙСКАЯ,
ЯПОНСКАЯ
И ИНДИЙСКАЯ
КУХНЯ!

Филателист,
СТОЙ!
Здесь
самые редкие
МАРКИ!

Секреты
вечной молодости!
Гадаем по руке!
Бокс, дзюдо, каратэ!

Сувениры на любой вкус!
Продажа кактусов, раковин
и камней!
Певчие птицы и меха!

Парижская косметика, лондонские
запонки, носки из Чикаго!
Подводные зажигалки
и инфракрасные очки!

А между гирляндой чикагских носков и чучелом филина на освещенной витрине этого обычного токийского домика помещалась маленькая, с почтовую открытку, эмалированная табличка:

„Консульство
республики
Большие Эмпиреи
и Карбункул“

Рикошетников и Геннадий вошли в дом и оказались в небольшом зальчике, стены которого были увешаны самурайскими мечами, масками театра «Но», панцирями гигантских черепах, челюстями и мослами непонятных животных. Полки были заставлены старинными фоллиантами с медными застёжками, банками с маринованными чудищами, кактусами, раковинами и камнями. В конце зальчика обнаружилась стойка и четыре высоких стула перед ней. Большой телевизор соседствовал со старинным граммофоном.

За стойкой стоял, широко улыбаясь, тощий высокий старик неопределенной национальности, в белой куртке и белой шапочке.

— Гуд ивнинг, — сказали друзья.

Несколько секунд старик не двигался, потом, с видимым усилием обрвав свою затянувшуюся улыбку, быстро зашевелился и заговорил:

— Добрый вечер, господа! Прежде всего вам надо закусить, прежде всего закусить. Присаживайтесь, сэр! У мальчика голодный вид, сэр! Старый Старжен Фиц знает, чем угостить такого отличного карапуза!

Он жутко подмигнул Геннадию и снял крышки с нескольких кастрюлек, расположенных у него за стойкой. Пар, поднявшийся из кастрюлек, был так аппетитен, что Геннадий даже забыл обидного до боли в сердце, до звона в ушах обидного «карапуза».

Старик между тем, ловко орудуя разливательной ложкой и деревянными палочками «хаши», продолжал улыбаться. Вдоль всей стойки тянулась металлическая полоса электрической жаровни. Старик включил ее, смазал маслом то место, перед которым сидели гости, масло затрещало, старик бросил на жаровню какие-то корни, что-то вроде грибов, слизистые комочки устриц, ломтики мяса; в черные фаянсовые пиалы старик налил супу, в маленькие блюдечки наложил какой-то зеленой пасты.

— Ручаюсь, господа, вам никогда не забыть кухни старого Старжена Фица! Почему бы юному джентльмену не отведать паштет из морского ежа? Сэр, отхлебните этого окинавского супа из каракатицы и вы уже не оторветесь! Не желаете ли сырой рыбы «сашими»? Она так нежна, так нежна, так нежна, так нежна...

Старик, словно испорченная пластинка, заплулся на «так нежна» и повторял эти слова все тише и тише, а потом совсем затих и застыл с широкой безжизненной улыбкой на устах.

Проголодавшиеся друзья набросились на удивительную еду и даже забыли на какое-то время о цели своего прихода. Старик между тем вышел из оцепенения, пролез под стойку в зал и заиграл на скрипке. Он подходил со скрипкой к гостям, склонялся то к мальчику, то к капитану, вкрадчиво и ласково шептал:

— Носки, галстуки, кактусы, шпильки, замки, открытки...

Не прерывая игры на скрипке, он несколько раз взмахнул над головами друзей самурайским мечом, дал холостую очередь из винтовки М-14, показал несколько приемов дзюдо и ударил страшным свингом по чучелу медведя-панды, скромно стоящему в углу зала. Потом он подsunул Геннадию альбом с «самыми редкими марками», схватил свободную от еды ладонь капитана и снова зашептал:

— Феноменальное сочетание физических и духовных качеств, сэр, приведет вас к триумфу. Все-таки, сэр, сохраняйте осторожность в первую неделю новолуния... Старый Старжен Фиц, сэр, лучший хиромант Юго-Восточной Азии, и если бы не интриги...

— Простите, мистер Старжен Фиц, — сказал Рикошетников, осторожно освобождая свою руку для собственных надобностей. — Мы пришли сюда для того, чтобы повидать консула республики Большие Эмпиреи и Карбункул...

Старик вдруг отпрыгнул в сторону с криком «о-ле!» и, обращаясь к медведю-панду, филину, маскам и маринованным чудищам, торжествующе воскликнул:

— Слышали?!

После этого он нырнул под стойку, скрылся за бамбуковой шторой и через минуту явился оттуда в совершенно уже новом облиии. Преисполненный достоинства дипломат в мундире, расшитом золотыми нитями, с высоким стоячим воротником покровительственно и любезно смотрел на гостей. Лишь забытая на голове поварская шапочка напоминала о прежнем Старжене Фице.

— К вашим услугам, господа, — сдержанно поклонился генеральный консул.

— Мы советские моряки, господин консул, — после минутной растерянности пробормотал Рикошетников. — Я — капитан научно-исследовательского судна «Алеша Попович» Николай Рикошетников, а это мой друг Геннадий Эдуардович Стратофонтов.

— Стратофонтов? — поднял правую бровь генеральный консул. — Не принадлежите ли вы, сэр, к одной из ветвей генеалогического древа национального героя нашей республики русского адмирала Стратофудо, памятник которому возвышается в столице нашей страны Оук-Порте?

— Геннадий как раз является ветвью адмирала Стратофудова, но отнюдь не Стратофудо, — сказал капитан.

Консул улыбнулся.

— Так жители нашей страны переименовали это славное имя на свой манер.

— Значит, мы увидим памятник моему предку? — воскликнул Геннадий. — Николай Ефимович, это потрясающе! Памятник моему дедушке!

— Вы собираетесь посетить Большие Эмпиреи? — осторожно спросил консул.

— Как раз по этому поводу мы и пришли к вам, сэр, — сказал Рикошетников. — «Алеша Попович» будет все лето исследовать шельф в районе архипелага и знаменитую впадину Яу. Мы хотели бы получить согласие вашего правительства на заходы в ваши порты и гавани.

— На вашем судне есть футбольная команда? — быстро спросил консул.

— Что-о? Футбольная команда? Да, разумеется, у нас есть футбольная команда...

— Тогда все в порядке. Футбол — это главная страсть нашей республики и президента. Вы получите право захода во все гавани Больших Эмпиреев.

— И Карбункула, — добавил Рикошетников.

— Во все гавани и порты Больших Эмпиреев, — повторил консул.

— Ну, конечно, и Карбункула? — весело спросил Рикошетников.

Мимолетная тучка проскользнула по лицу Старжена Фица.

— На Карбункуле не играют в футбол, — сухо сказал он.

Рикошетников не обратил внимания на странный тон, каким были сказаны эти слова, извлек из своего портфеля судовые бумаги и приступил к обсуждению формальностей.

«Почему же на Карбункуле не играют в футбол? — подумал Геннадий. — И почему консул помрачнел, когда сказал об этом?»

— Ну, все в порядке, — сказал Рикошетников, закрывая свой портфель.

— Наконец-то можно снять проклятый мундир! — воскликнул Старжен Фиц. — Надеваю я его, господа, не чаще одного раза в десять лет, но все-таки терпеть не могу. Что вам приготовить, господа? Итальянскую пиццу, аргентинское асадо, индийский керрирайс или, может быть, русский борщ?

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул Геннадий. Он побагровел и вытянулся, как струна.

— Просто повеяло воспоминаниями детства, — затараторил вдруг по-русски Старжен Фиц. — Как вы вошли, господа, так сразу пахло нашим русским привольем,

березовым соком, борщом... Ведь я, господа, родился в Санкт-Петербурге и покинул его шестьдесят лет назад в вашем возрасте, милостивый государь, — он почтительно поклонился Геннадию. — Судьба мотала меня по всему миру, господа, но об этом не будем. Единственная страна, где мне не довелось побывать, это республика Большие Эмпиреи и Карбункул... Всего доброго, господа, всего доброго, но прежде прошу оплатить счет. Ваш ужин, господа, стоил 3000 иен, игра на скрипке 450 иен, демонстрация приемов бокса и дзюдо 15 иен. Извините, господа, я бы не взял с вас денег, но мое правительство не платит мне жалование уже двадцать четыре года. Приходится изворачиваться, господа, старость — не радость... Прежде старый Старжен Фиц зарабатывал на велогонках, сейчас соль в коленных суставах, господа...

Консул, видимо, мог бы так болтать еще очень долго, но моряки направились к выходу. Старжен Фиц проводил их до дверей, всучив на дорогу чикагский галстук, кактус, раковину и банку с сороконожкой за 127 иен.

— Ах, господа, — тараторил он уже в дверях, — говорят, что страна, которую я здесь представляю, земной рай. Хочу вам дать последний полезный совет, господа. Обязательно постарайтесь в Оук-Порте познакомиться с мадам Накамура-Бранчковской. Недавно эта леди посетила Токио, и старый Старжен Фиц был просто очарован...

— Чем же знаменита эта дама? — усмехнулся Рикошетников. Чудак-консул успел уже порядком надоесть ему.

— Ах, это просто совершенство! Убедительно советую не избегать приятнейшего знакомства с этой богатой, импозантной и попросту красивой женщиной.

— Я никогда не чурался красивых дам, — улыбнулся капитан.

— Это похвально, это похвально, это похвально... — консул оцепенел с широкой бессмысленной улыбкой на устах.

По дороге к порту Геннадий и капитан во всех подробностях вспоминали визит к «генеральному консулу» и весело хохотали.

В районе Гиндзы их «бентли» попал в автомобильную пробку. Джазовые обвалы из окон баров, крики зазывал и уличных торговцев, полицейские свистки и сирены, клаксоны автомобилей чуть не оглушили их. В небе, освещенный скрещенными лучами, поворачивался рекламный автомобиль, ниже то хмурилась, то расплывалась в улыбке гигантская неоновая рожа, все кричало, мелькало, подмаргивало. Световая газета на крыше вещала:

„Сегодня в Токио убито 15, ранено 307.

Битлы заявили протест министерству внутренних дел Англии.

Исчезновение панамского сухогруза в ста милях от Гонконга.

Потеряна связь с яхтой шейха Абу-Даби, стоимость которой оценивается в 15 млн....

Самолет индийских ВВС захватили неизвестные торпедные катера.

Новые пираты?..

ГЛАВА III

В КОТОРОЙ НАУЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ ПРЕРЫВАЮТСЯ ТЯВКАНЬЕМ „РЖАВОЙ АКУЛЫ“

Стоял полный штиль. Вот уже неделю плавучий институт в идеальных условиях исследовал семикилометровую впадину Яу. Ничто не мешало ученым опускать дночерпалки и тралы, запускать радиозонды. Эхолоты прощупывали глубину. На палубах «Алеши Поповича» царила веселая суета. Казалось, что это кусок черноморского пляжа: все ученые и моряки были в плавках и темных очках.

Неподвижный океан горел с яркостью вольтовой дуги. Иногда в слепящем мареве трепещущими пятнами пролетали стайки летучих рыб.

Геннадий никак не мог свыкнуться с мыслью, что под днищем их судна такая гигантская толща воды: четырнадцать Останкинских телебашен! Подолгу он стоял, опершись на планшир, глядя, как из темноты в прозрачные слои выплывают акулы. Эти мерзкие твари постоянно кружили вокруг судна и испарялись только тогда, когда появлялись быстроглазые, иронически улыбающиеся дельфины-афалины.

— Почему же все-таки целая стая акул боится одного единственного дельфина? — спрашивал Гена своего непосредственного руководителя доктора биологических наук Верестищев.

— Дельфин отважен, а акула труслива, — отвечал Самсон Александрович. — Акула, Гена, это своего рода морской фашист.

— Вы думаете, что фашизм труслив? — пылливо спрашивал мальчик. — Но ведь он всегда нападает первым...

— Это сложная проблема, Гена, очень сложная, — задумчиво говорил Верестищев. — Всегда ли смел тот, кто нападает первым...

Препарируя моллюсков и глубоководных рыб, ученый и лаборант часто вели содержательные беседы, которые иной раз соскальзывали к философской плоскости.

— Знаете ли вы, Гена, — сказал как-то Верестищев, — как индонезийские рыбаки мстят акулам, когда от их зубов погибает человек? Они вылавливают хищника, разжимают ему челюсти, засовывают ему в желудок живого морского ежа и выпускают в море. Акула обречена на долгие нестерпимые муки.

— Бр-р-р-р, — содрогнулся Геннадий. — Все-таки это слишком жестоко по отношению к бессмысленной твари...

— Акулы кажутся этим рыбакам не животными, а враждебным племенем.

— Тем более это жестоко! — воскликнул Геннадий. — Рубанули бы гадину — и дело с концом...

— Это очень сложная этическая проблема, — задумчиво сказал Верестищев. — Вы мыслите, Геннадий, не по возрасту серьезно. Давайте-ка займемся чем-нибудь попроще. Вот перед нами медуза...

Они погрузились пинцетами в довольно-таки неаппетитное желе распластанной медузы.

— Знаете ли вы, Гена, что акустический аппарат медузы угадывает приближение шторма больше чем за сутки? — спросил Верестищев.

— А нельзя ли сделать такой прибор, как этот аппарат медузы? — полюбопытствовал Гена.

— Вы меня поражаете, Геннадий! — воскликнул Верестищев. — Как раз над этой проблемой работает один отдел в нашем институте. Вам надо быть ученым, мой мальчик!

Однажды, проснувшись, Геннадий очень удивился, не увидев на полу расчерченного жалюзи солнечного коврика. Тусклый серый свет еле-еле освещал каюту. Иллюминатор, казалось, был задраен брезентом.

— Привет, Генок, — сказал Телескопов. — Тебя с туманом, а меня с халтуркой.

Он сидел на своей койке и плотничал, плотничал тихо и сокровенно, как в детстве.

— Доктору клетку сочиняю, — объяснил он. — Всю дорогу доктор не отвечал взаимопониманием, а сейчас клеточку заказал, удача. Кенара он ночью поймал, доктор наш золотой.

— Как так кенара? — поразился Гена.

— Ну, может, не кенара, так попку, а может, еще какого черта, — сказал, пошвыстывая, Телескопов.

— Но ведь кенар или попугай — это береговые птицы.

— Да, видать, к Эмпиреям этим замечательным подгребаем.

Геннадий вышел на палубу. Видимость была не больше полукабельтова. «Алеша Попович» двигался самым малым, каждые две минуты сигнала туманной сиреной. Трое парней готовили к спуску за борт двухсотлитровый батометр.

Вдруг распахнулась дверь радиорубки, и на пороге появился радист Витя Половинчатый.

— Где капитан?! — гаркнул он, округляя глаза до полной шаровидности. Он перепрыгнул через комингс и побежал к капитанской каюте.

— Николай Ефимович! В эфире СОС! СОС!

... Весь командный состав «Алеша Поповича» сгрудился в тесной радиорубке. Витя Половинчатый возбужденно говорил и писал на кусочках бумаги.

— Очень слабые сигналы... СОС... Запрашиваю: кто терпит бедствие?... Молчат... Я советское судно «Алеша Попович»... координаты... молчат... вот, товарищи... тише! Передают международным кодом... шлюпку с пассажирского теплохода «Ван-Дейк» преследует неизвестная подводная лодка. Пользуясь туманом и пуская дымовые шашки, пытаемся скрыться... В шлюпке 63 человека, есть женщины и дети... СОС... наши координаты...

— Они в двух милях отсюда! — воскликнул Рикшетников.

— Что за подводная лодка? Неужели эти газетные сенсации с пиратами... — пробормотал глава экспедиции Шлиер-Довейко. — Какое принимаем решение, Николай Ефимович?

Несколько секунд Рикшетников молчал, опустив голову. Рисковать кораблем? Что это за безумная субмарина? Шестьдесят три человека, женщины, дети... Осмелятся ли бандиты напасть на советское судно?

Все собравшиеся в радиорубке затаили дыхание. Никто не смотрел на капитана. Все ждали его решения. В море каждое слово капитана — непреложный закон.

— Идем на сближение, — тихо сказал Рикшетников и бросился к дверям.

...Туманная сирена «Алеша Поповича» выла теперь без перерыва. Судно шло средним ходом. Все свободные от вахты моряки и ученые толпились на баке. Снова уже совсем близко дважды бухнула пушка. Словно огонек сигареты, повисла в тумане красная парашютная ракета. Послышались резкие свистки, желтый глазок слабого шлюпочного прожектора выплыл из тумана, и вскоре появились очертания большой спасательной шлюпки под излохмаченным, никчемно висящим парусом. Казалось, что не расстояние, а туман приглушает крики людей, зовущих на помощь. Шлюпка была переполнена. Ясно было, что даже при волнении в четыре балла она неминуемо пошла бы ко дну. Сейчас люди, забыв об опасности, встали во весь рост и размахивали руками, но криков их не было слышно, рев туманной сирены «Алеша Поповича» прорезали только свистки рулевого. «Алеша Попович», подчиняясь приказам капитана, осторожно маневрировал и сближался со шлюпкой. Сирена вскоре была выключена, и до слуха скованных напряжением людей донесся хриплый голос со шлюпки:

— Help us! Russian ship, help us!

И сразу же после этого крика в тумане возникли очертания большой подводной лодки. На мостике лодки замелькал огонек. Международным кодом было передано приказание:

— Остановить двигатели!

Николай Рикшетников, не вынимая из рта трубки, отдал команду. «Алеша Попович» просигналил:

1 Помогите нам! Русский корабль, помогите! (англ.).

— Кто приказывает?

Лодка в свою очередь запросила:

— Чье судно?

— Советский научный корабль «Алеша Попович», — ответил Рикшетников. — Кто вы?

Несколько минут лодка хранила молчание, разворачиваясь носом к «Алеше Поповичу». На мостике ее было видно движение. Спасательная шлюпка раскачивалась уже не более чем в пятидесяти метрах от судна. Слышен был даже женский плач.

— Повторяю — остановить машины! — засигналила лодка. — Через пять минут открываем огни!

— Прекратите пиратские действия, — ответил Рикшетников и яростно заорал:

— Спустить штурм-трап, принять людей со шлюпки! В тот момент, когда первые измученные люди со шлюпки упали на руки моряков «Алеша Поповича», неизвестная подводная лодка дважды плюнула огнем. Многоопытный Шлиер-Довейко сразу определил по голосу скорострельную пушку «Расти шарк» («Ржавая акула») времен второй мировой войны. Снаряды упали в воду возле самого борта и перевернули шлюпку с «Ван-Дейка». Ужасные крики прорезали туман. Гена опомнился только в воде, куда почти безотчетно бросился на помощь несчастным. Многие моряки с «Алеша Поповича» последовали его примеру.

Вынырнув из теплой воды, Гена увидел прямо перед собой торжественно идущую ко дну старую леди с визжащим морсом в руках. Сильной рукой мальчик обхватил костлявое тело и по всем правилам спасения на воде перевернулся на спину. Вода возле правого борта бурлила.

Два сильных прожектора с «Алеша Поповича» рассеяли туман и уперлись в рубку подводной лодки. Никаких знаков различия на ее корпусе не было. На мостике лодки видно было несколько мужских фигур в синих куртках. Двое мужчин присели возле тупорылой «Расти шарк».

Шли томительные минуты. Моряки «Алеша Поповича» продолжали спасение людей с «Ван-Дейка». Геннадий помог старой леди уцепиться за канат штурм-трапа и бросился на помощь бородачу, за шею которого уцепились двое визжащих карапузов.

Витя Половинчатый без устали передавал в эфир:

— Всем! Всем! Всем! Я — советское научно-исследовательское судно «Алеша Попович», спасаю людей с теплохода «Ван-Дейк». Неизвестная подводная лодка ведет артиллерийский огонь. Наши координаты...

Первым откликнулся учебный корвет индийских военно-морских сил, но он находился на расстоянии не менее пяти ходовых часов. Помощи от республики Большие Эмпирей и Карбункул ждать было нечего. Насколько знал Рикшетников, военно-морские силы этой страны состояли из таможенно-погранично-карантинного катера «Голиаф» и корабля-музея «Рыцари ночи».

— Похоже на то, что наше дело табак, — проговорил умудренный опытом Шлиер-Довейко.

— Мне кажется, что бандиты сами оказались в неприятном положении, — сказал Рикшетников. — Конечно, они могут уничтожить нас в два счета, но они уже обнаружили себя...

— Разве они не обнаружили себя при нападении на «Ван-Дейк»?

Рикшетников пожал плечами.

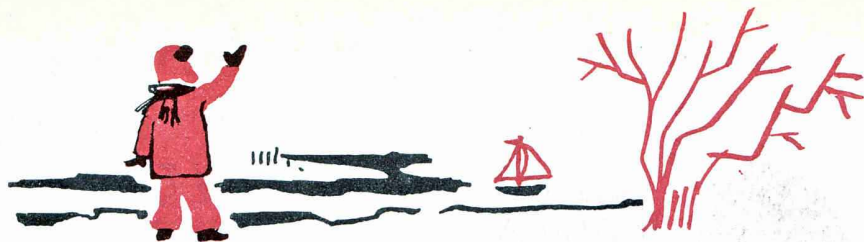
— Панамский сухогруз и яхта шейха Абу-Даби исчезли, не подав о себе никаких сигналов. Как произошло нападение на «Ван-Дейк», мы пока не знаем...

— Вы думаете... — начал было Шлиер-Довейко, но в это время рулевой Барабанчиков закричал:

— Они погружаются!

Пушка пиратской субмарины быстро уходила в глубь корпуса. Люди с мостика исчезли. Лодка погрузилась.

ЧЕЛОВЕК ОТКРЫЛ ВЕСНУ...

Человек открыл весну:
За порог он вышел,
И увидел ручеек,
И капель услышал.
И услышал, как в саду
Распевает зяблик.
И тогда он смастерил
Из коры кораблик.
Он пустил его в ручей,
Маленький и звонкий,

Пробежал по бережку,
Помахал ручонкой.
«Ты плыви, кораблик мой,
Далеко-далёко!
Ты до моря доплыви,
До Владивостока.
Ты всем людям Расскажи,
Что зима устала,
Что состарилась она,
Что весна настала!»

ПЕТУХИ

Вьется пух, вьется пух,
Бьется с петухом петух.
Рыжий с черным бьется.
Черный с рыжим бьется.
Каждый не сдается.
Встало солнышко над лугом
И, разгоряченное,
Утонуло в тучах пуха
Рыжего и черного.
Стало мрачно в огороде.
Мрачно в поле и в лесу.
С фонарями ходят люди
Днем, в двенадцатом часу.
Два прохожих под дубами
В темноте столкнулись лбами.

Днем в домах включают свет.
Солнца нет, солнца нет!
Стало холодно речушкам
И полям, еще не сжатым.
Стало холодно лягушкам,
И козлятам, и ежатам.
Вьется, вьется пух куриный
Выше крыши и ольхи.
Что вы, что вы натворили,
Петухи?!

Саша Шильцев

г. Архангельск,
пос. Новая Жаровиха

Рисунок Ю. Лебедева

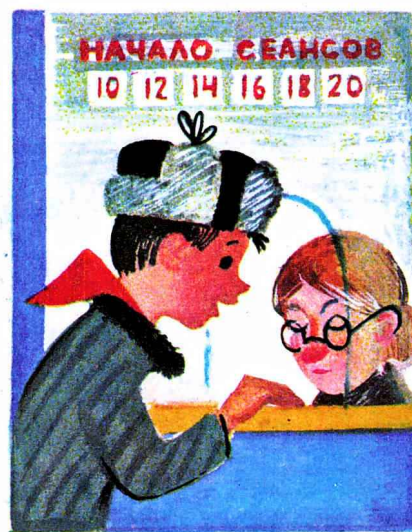

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ...

Александр Ремез

Рисунки И. Казаковой

ПОНЕДЕЛЬНИК. Все школьники боятся трех вещей — директора, двойки и контрольной. Но каждый школьник из этих трех страшных вещей чего-то боится больше всего. Я не слишком боялся двоек, еще меньше директора, но контрольных, особенно контрольных по алгебре, я боялся. Страшно темное дело эти контрольные.

В понедельник наш 7-б должен был писать двухчасовую работу по алгебре. Работа обещала быть сложной и очень ответственной. Нашему 7-б предстояло показать свои знания по материалу двух прошедших четвертей.

Мне показывать было нечего.

Все воскресенье, накануне, меня мучил страх перед этой контрольной. Даже в воскресенье мне было невесело.

А в понедельник я долго не хотел вставать. Лежал, закутавшись в теплое одеяло, и думал о том, как было бы хорошо сейчас заболеть. Или мороз тридцать градусов. А из репродуктора несло бодрое: «Ноги врозь — ноги вместе». Прыжки — последнее упражнение. Пора вставать. «Ноги вместе». И бодрый голос диктора еще раз напомнил мне о том, что у меня сегодня контрольная. Что писать ее нужно два часа, а списать будет не с кого.

«Ноги врозь — ноги вместе». Он издевался надо мной — неизвестный диктор, давно написавший все контрольные.

Я нырнул под одеяло, и голос из репродуктора заглох. А страх перед контрольной нырнул под одеяло вместе со мной.

Под одеялом мне виделся молчаливый, ушедший в двойные листы клетчатой бумаги класс, наш учитель Алексей Тихонович и аккуратно выписанные его рукой белые примеры на черной доске. Ребята сидели за партами и, не подымая головы, что-то упрямо писали на белых клетчатых листах. Все. Не только Юрка Миньковский, который, когда пишет контрольную, забывает, как его зовут. Нет, и Ленька Уланов, мой сосед. Ленька, который обычно вертится весь урок в поисках шпаргалки, и Машка Солнцева, которая всегда ухитряется списывать. И даже Димка Муравьев, который обыкновенно сдает чистые листы с аккуратно выведенными именем и фамилией. Стояла непривычная тишина. Бесшумно скользили по бумаге разноцветные шариковые ручки. Все решали, чертили, подсчитывали. А на все это с черной доски смотрели страшные белые примеры.

Одно место было свободным. Чье? Мое, конечно. Я — Поляков Александр — сегодня отсутствую. Сегодня в классном журнале против моей фамилии поставят букву «н» — нет, мол, его. Заболел.

Но тут под теплое, спасительное одеяло пробилась позывная «Пионерской зорьки». И я понял, что все это так, фантазия. А по-настоящему мне придется писать контрольную. Так оно всегда выходит, по-настоящему.

И я пошел в школу. Я вышел на троллейбусную остановку. Я снова представил себе контрольную, и мне стало холодно в моем зимнем пальто.

А вокруг спешили по своим будничным делам разные взрослые люди. У всех этих взрослых людей не было сегодня двухчасовой контрольной работы. Я позавидовал им и пожалел себя.

А троллейбус все не шел и не шел. И я, незаметно для себя, начал медленно идти в сторону от остановки. И от школы — тоже.

Почему так случилось — я и сам понять не мог.

В кинотеатре «Титан» шел фильм «Ричард III». Фильм был двухсерийный. Я отсчитал 50 копеек.

ВТОРНИК. «Ноги врозь — ноги вместе. Ноги врозь — ноги вместе». Я делал зарядку под веселый голос диктора. Я торопился в школу. Как обычно. Как до вчерашнего понедельника.

«Ноги врозь — ноги вместе».

Сегодня контрольной не было. Беспокоиться нечего.

Умылся. Позавтракал. Положил в портфель алгебру. Сунул английский. Запихнул физику. Сверху историей придавил.

Вышел на остановку, смотрю — Димка Муравьев. Мы часто вместе с ним в школу ездили.

— Ну, как вчерашняя контра? — Димка сплюнул мимо урны и плотнее сжал под мышкой коричневый портфель с безнадежно болтающейся ручкой.

Этот самый вопрос я ему хотел задать. Но задал он. А я не ответил. И мы оба все поняли.

— Ты что это — в школу собрался?

— Конечно. А что?

— Ничего. Справочка есть? Какая? Из поликлиники.

— Зачем справочка? Я же один день пропустил. Мог же я дома лечиться, без поликлиники.

— Не считается. Я на этом «домашнем лечении» уже раз погорел. Справочка нужна.

Бодрое утреннее настроение начало улетучиваться. О справке я и не думал.

— Конечно, если у нас в поликлинике хорошо попросить, то дадут. Там их, справок этих, пруд пруди, — ободрил меня Димка.

— Что же ты не попросил?

— Я просил. Не дали. Старуха какая-то скверная попалась. Симулянт-ом обозвала. Сегодня не ее смена, так что достану. Сегодня Анина смена. Аня? Практикантка в поликлинике такая. Всем справки достает. Сочувствует.

— И мне может достать? — нерешительно спросил я.

— Конечно. Что ты — хуже других?

Димка был моим другом. И сейчас он хотел мне только добра.

К остановке подошел троллейбус. Мой троллейбус — номер одиннадцатый. Я двинулся к задней площадке.

— Зачем без справки рисковать? — затарахтел Димка. — Завтра со справками в школу и заявимся. Пожалуйста, Ирина Ивановна — у нас уважительная причина. У нас справочки.

Я вернулся на панель. Конечно, со справками надежнее.

— А справки точно будут?

— Ты на Аню положишь — достанет.

Троллейбус медленно отошел от остановки.

Ну и что, — подумал я, — еще один день. Последний. Завтра со справками и... Димка прав — без справок не поверят. Подозрительно, скажут — за один день выздоровел. А два дня и справка — это уже кое-что.

Троллейбус исчез за углом. Он поехал к алгебре, английскому, физике и истории.

Подождут — решил я. До среды.

СРЕДА. Мы встретились на той же остановке.

— Ну, принес справки? — спросил я.

— Ты литературу выучил? — будто не услышал Димка.

Я литературу не выучил. Я только сейчас вспомнил, что был задан монолог Чацкого «А судьи кто?». Просто из головы вылетело. Вот не был два дня в школе и о домашнем задании забыл.

— Нет, — ответил я. — А где справки?

— Я тоже, — поддержал меня Димка. — А «Геша», между прочим, обещал мальчишек первыми спросить.

— Ничего. Главное — справки есть?

— Слушай, — он сплюнул. — Аня, эта самая, еще не пришла. Опять та старуха дежурила. И слушать не стала.

— Как же так, — сказал я, — ты же говорил.

— Говорил, говорил! — Димка подбросил и поймал на лету портфель. — Значит, график переменяли. Сегодня обязательно еще раз схожу.

— А в школу?

— Что ты! «А судьи кто?» — выучил? То-то, без справок нельзя.

— А до завтра достанешь?

— Само собой. Подожди еще день. Завтра — верняк.

Мы шли по утреннему полутемному Невскому и молчали. С одной стороны — не нужно было получать двойку за монолог Чацкого, а с другой...

Я еще не знал, что было с другой стороны.

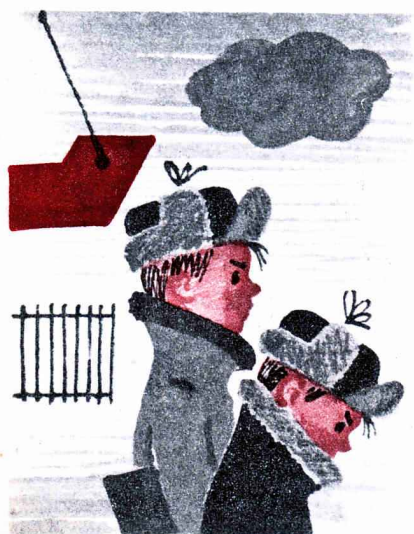
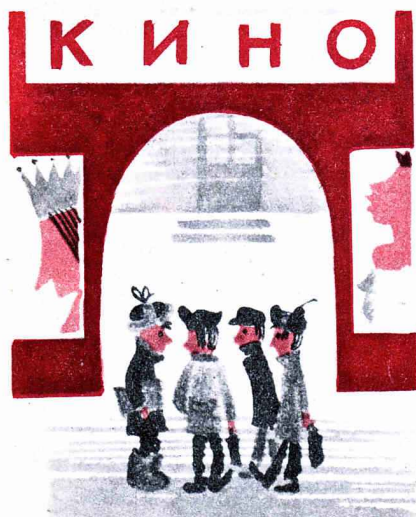
Меня не мог вызвать ни один учитель. И целых шесть часов — от 9 до 15 — я мог полностью собой распоряжаться. Ходить в кино на любые фильмы. Менять марки. Дышать свежим воздухом. Читать художественную литературу. И время было разделено для меня не на сорокапятиминутные уроки, а на полуторачасовые киносеансы.

Особенно весело прогуливать, если рядом с тобой прогуливает хороший товарищ. Такой, как Димка. Который всегда готов достать тебе справку.

Короче, мне понравилось прогуливать.

Но... хорошего понемножку, — решил я. В четверг — в школу.

ЧЕТВЕРГ. Но в четверг справки опять не оказалось.

Может быть, кончилась практика у доброй Ани? А может быть, она, как и ее скверная предшественница, тоже обозвала Димку симулянтом. Как бы то ни было — справок Димка не принес и в четверг. И хотя он обещал еще раз сходить в поликлинику, я понял, что он опять тянет время. Ясно: справок не будет.

Идти в кино уже не хотелось. Но куда-то надо идти!

— А что, обязательно в кино нужно? — горячился Димка. А если в ЦПКиО?

— Да что ты, далеко! — протянул я.

— У тебя что, времени нет? Решено. Едем в ЦПКиО. На аттракционы. На самолетах покатаемся.

— Слушай, Димка, — спросил я, — когда же мы теперь в школу пойдем? Что скажем? Мы же по четыре дня пропустили.

— До конца недели надо мотать. Пойдем с понедельника. Может, забудут. Сойдет! Ну, тронулись!

Мы приехали к ЦПКиО имени Кирова и сели у главного входа на скамейку — ждать. Было еще рано. Парк не проснулся. Мы сидели и разговаривали о разном. О марках. О кино. О хоккейных матчах.

И тут с другого конца скамейки донесся смех. Мы обернулись. Две девочки. Девочки как девочки — в пальто, вязаных шапочках. Класа так из седьмого. Я на них и внимания обращать не стал бы. А Димка шепнул мне: «Мотают!» — и спросил их:

— Чего смеетесь?

— Смешно, вот и смеемся, — сказала старшая, в светлом пальто и красной шапочке.

Если, как утверждал Димка, эти девочки мотают, они мне нравятся. Значит, не мы одни.

— А почему вы, мальчики, не в школе? — спросила вторая, маленького роста, вся рыжая и в веснушках.

— А вы почему, девочки, не в школе? — передразнил ее Димка.

— У нас сегодня День здоровья. А у вас? — отпаривала рыжая своим писклявым голосом.

Мне сразу стало не по себе. Димке тоже ответ не понравился.

— Ну и идите — дышите свежим воздухом, — буркнул он в ответ.

— Мы и дышим, — вмешалась Красная шапочка. — Вам, кажется, не мешаем.

— Пошли, — бросил мне Димка, — ну их, пятиклашек этих.

И мы пересели на другую скамейку.

Говорить уже не хотелось. Ни о редких марках африканской страны Бурунди. Ни о фильме «Золотая пуля».

— У нас-то День здоровья! — крикнула рыжая. — А вы почему не в школе?

И я с ненавистью взглянул на свой портфель.

ПЯТНИЦА. В курительной комнате кинотеатра «Знание» проходила неофициальная встреча прогульщиков Куйбышевского района. В кулуарах завязывались новые знакомства и теплые душевные разговоры, прерываемые лишь трелями звонков.

Ветераны, застрахованные от провалов многолетним опытом, осмелели настолько, что прогуливали без портфелей, оставляя их дома.

Новички, сжимавшие под мышками папки и портфели, толкались среди своих, не желая попадаться на глаза работникам кинотеатра. Все это были зимние прогульщики.

В этом деле есть своя сезонность. Ученик, прогуливающий в теплые дни, заметно отличается от прогуливающего в холодные и ненастные. Первый расходует больше денег, чем его зимний коллега. В мае жарко, прогульщик тоже человек, и ему тоже хочется кваса, мороженого и воды с цитрусовым сиропом. Зимний прогульщик не застрахован от крепчайших морозов, которые он выдерживает лишь с помощью отопительной системы кинотеатров.

Вообще экономическая сторона вопроса играет наряду со стороной моральной (терзания совести) большую роль. Без денег профессиональный прогульщик существовать не может, иначе он превращается в празднующегося человека.

Деньги достаются самыми разными путями, не всегда безукоризненно честными. Устраиваются турниры по игре в «трясучку». Сдаются учебники и бутылки. Вся изобретательность прогульщика направлена на обнаружение и присвоение денежных знаков. Трудно обвинять прогульщика в нечестности. Поверьте, судьба его и без того нелегка. Но вот что следует

запомнить. Настоящий прогульщик верен заповеди «не укради». Ворующий прогульщик опять же не есть чистый прогульщик, и чистые прогульщики такого всегда будут презирать.

— Сколько? — спросил меня какой-то парень одних со мной лет.

— Что — сколько? — не понял я.

— Ну, мотаешь сколько? — он презрительно сплюнул и вынул из кармана пачку сигарет «Сфинкс».

— Пятый день, — сказал я и думал, что сейчас этот тип с сигаретами будет чрезвычайно удивлен.

— Только-то, — протянул он, зажигая сигарету и пуская дым кольцами прямо мне в лицо. — Я вот месяц, и то еще не конец.

— Почему же ты в школу идти не хочешь? — это был очень важный для меня вопрос.

— В школу? А что я там забыл? Надоело мне. Что это такое? Восьмой год — и все уроки, уроки, уроки...

— Ты что, так никогда в школу и не пойдешь? — испугался я.

— Пойду. С Нового года. Вот и курить брошу.

У каждого прогульщика своя судьба, свои взаимоотношения с семьей и школой.

Один прогуливал весь декабрь по причине, как он выразился, нервного переутомления.

Другой просто любил ходить в кино и не любил — в школу.

Третий не пошел в школу, так как четверть все равно кончалась.

Был ученик, которого толкнула на прогул незаслуженная обида со стороны учителя пения. Он воспринимал свой прогул как протест и очень тем гордился.

А этому вот — с сигаретами — надоело.

Зазвенел звонок. Прогульщики сорвались с мест и побежали по лестнице наверх. Мы — тоже.

Когда показывали журнал «Новости строительства» — я задал себе вопрос. — А я-то сам почему прогуливаю?

Контрольная? Контрольная была в понедельник.

Сегодня пятница.

СУББОТА. Димка назначил встречу у кинотеатра «Титан» в 8.30.

В 8.30 у стены магазина детской литературы, беспомощно прижав к груди портфель, стоял Димка. А рядом с ним Евгения Ивановна, географичка. Судя по всему, события для Муравьева складывались неудачно.

Я понял: они ехали до Невского на одном троллейбусе, а на Невском Димка вдруг вышел. Это вызвало подозрение со стороны Евгении Ивановны, тем более что Муравьев не был у нее уже на двух уроках. Короче, она вышла из троллейбуса вслед за Димкой и судьба моего приятеля была решена.

Я пожалел Димку. И себя тоже.

Я шел по хмурому, утреннему Невскому проспекту. Как в среду. Но в среду был Димка, была надежда на справку. И вообще, веселее было.

С одной стороны — прогуливать здорово, а с другой...

...Иду по улице и думаю: а вдруг вот этот прохожий с кожаным портфелем — директор нашей школы. А вдруг — эта женщина в белой шубке — мамина знакомая? В троллейбус войти — не нарваться бы на кого. Еще родителей встретишь! Страшно!

Иду по Невскому. Люди спешат вокруг. Суббота. Выходной.

Все в театры торопятся, в кино, на аттракционы. И весело им, и свободно. Пять дней работали — два отдыхают...

С одной стороны, прогуливать вроде бы и неплохо, а с другой...

У каждого явления есть свои положительные и отрицательные стороны. Это как-то наш историк сказал.

Прав. Должно быть, сам прогуливал.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Александр Поляков, герой рассказа А. Ремеза, ученика 9 класса 213 школы, говорит: «С одной стороны, вроде бы неплохо прогулять, а с другой...»

А ВЫ КАК ДУМАЕТЕ?

Ждем ваших писем.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 14-й

ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ

КУРИЛЬСКИЕ РЫБАКИ

Наши корреспонденты побывали на Курильских островах.

Пароход подходил к острову Шикотан. Впереди показались огни: один... второй... третий... Скоро все море было в огнях. Они качались на воде — целый ночной город. Подоспели ближе. Это оказались рыбацьи суда. Каждый траулер — как освещенный дом. С борта у каждого к воде опущены большие лампы — светильники. Из ламп било вниз

голубое пламя. Призрачный синий свет дрожал на воде. Потом свет переключили, и светильники вспыхнули красным светом. Вода под ними закипела.

— Рыба, рыба играет! — закричали на пароходе.

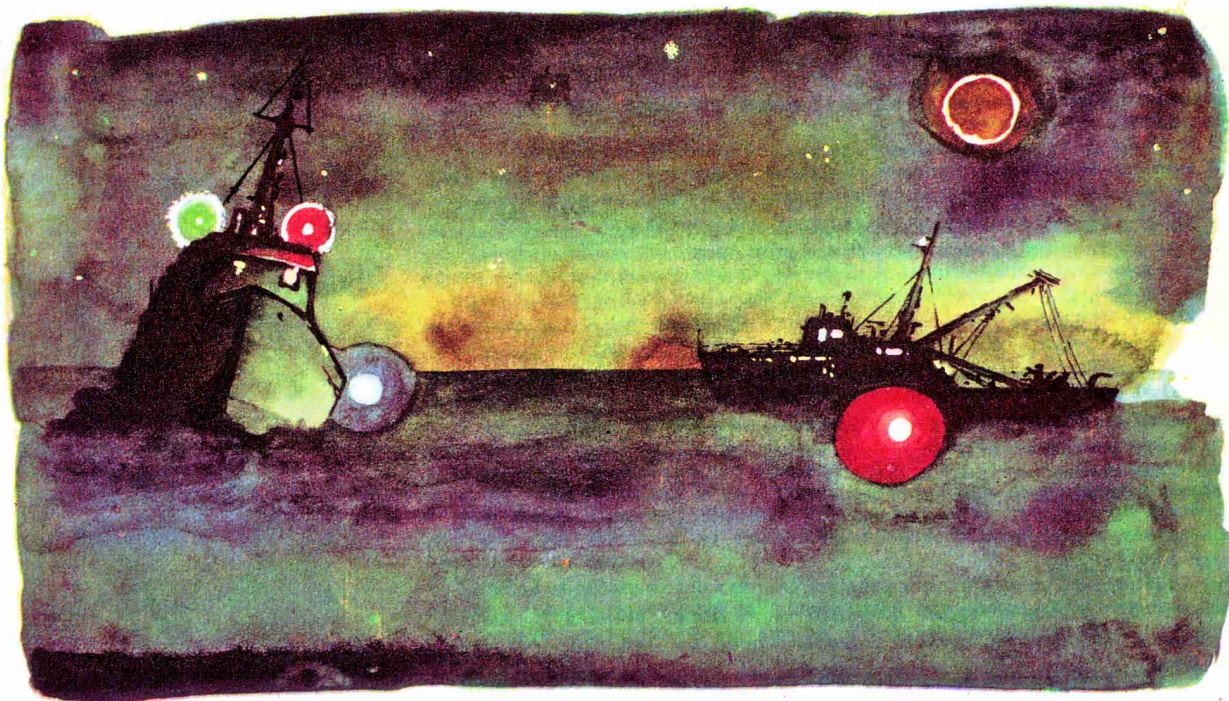
Но один моряк объяснил — рыба не играет, идет сайровый лов. Сайру ловят на свет. Ее приманивают к борту синим светом и подводят под стаю ловушку — трал. Потом включают красный свет,

рыба пугается и «садится» в ловушку. Сеть подтягивают, опускают в нее шланг рыбонасоса и рыбу вместе с водой перекачивают из океана на палубу судна.

Пришли на остров. У пирсов уже стояли десятки судов. С них на транспортеры сгружали ящики с рыбой. Пошелкивая, двигались резиновые ленты. Ящики шли потоком.

Шла сайра.

Курильчане выполняли план.

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

ВОЛНЫ ДОБРЫЕ И ЗЛЫЕ

Волны бывают разные. Маленькая волна нежит, ласково покачивает шлюпку, едва заметно шевелит корабль. Это волна добрая.

Злыми волны становятся в шторм. Волны разрушают плоти-

Моряки народ аккуратный. Для волн у них, так же как и для ветра, есть своя шкала.

Ноль баллов — вода как зеркало.

Один балл — рябь.

Два балла — появились волны.

Три — уже есть барашки.

Четыре, пять — все море покрыто барашками. Погода испортилась.

Шесть баллов — волны громоздятся друг на друга.

Семь, восемь — гороподобные волны с грохотом рушатся и покрывают пеной все море. Шлюпке в таком море не место, малому судну — беда.

Девять баллов — как в пропасть проваливается судно, попадая между волнами. Туча брызг, грохот, с борта на борт валится суд-

но. В таком море плохо самому большому кораблю.

В шкале волнения девять баллов — предел.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА ОТВЕЧАЕТ

... Мы увлекаемся подводным плаванием — но трубки у нас без клапанов. И где есть схемы, найти не можем.

Молчанов Саша (г. Котов)

Пользуйтесь открытыми трубками. Все известные пока системы клапанов никуда не годятся и небезопасны для ныряльщика.

ны, сносят в портах причалы, разбивают о камни суда.

Моряк скажет: баллов до трех волны — добрые, свыше пяти — злые.

Что это за баллы?

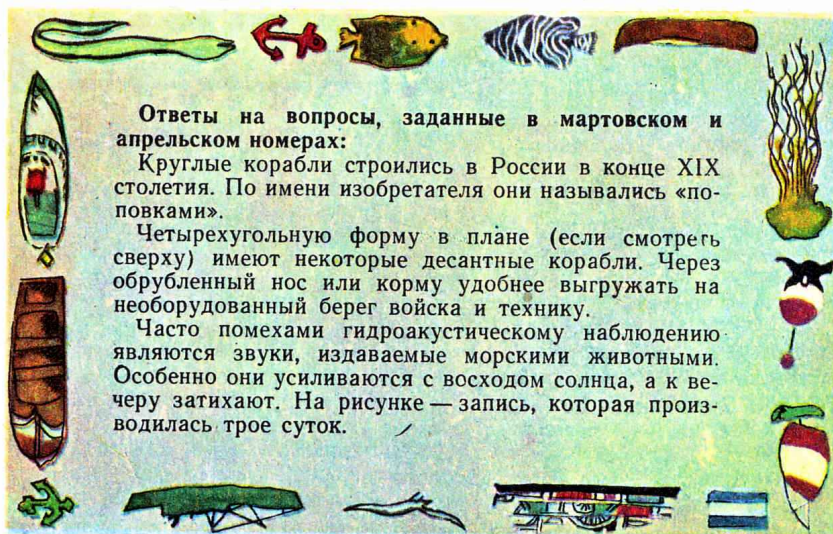

Три вопроса Морской викторины:

1. Какой корабль Тихоокеанского флота называют часто «Тихоокеанской «Авророй»?

2. Бывает ли у кораблей винт в носу?

3. Что за дельфины (какого вида) выступают в цирках и снимаются в качестве артистов в кино?

Ответы на вопросы, заданные в мартовском и апрельском номерах:

Круглые корабли строились в России в конце XIX столетия. По имени изобретателя они назывались «поповками».

Четырехугольную форму в плане (если смотреть сверху) имеют некоторые десантные корабли. Через обрубленный нос или корму удобнее выгружать на необорудованный берег войска и технику.

Часто помехами гидроакустическому наблюдению являются звуки, издаваемые морскими животными. Особенно они усиливаются с восходом солнца, а к вечеру затихают. На рисунке — запись, которая производилась трое суток.

КОНСУЛЬТАЦИЮ ДАЕТ ГРОССМЕЙСТЕР

О борьбе короля с пешкой против одинокого короля заканчивает рассказ международный гроссмейстер Юрий Авербах.

— Поставьте фигуры так — белые: Kpd4, p.d3; черные: Kpd6. Тут белый король впереди пешки, черный — в оппозиции. В таких положениях результат зависит от очереди хода.

Если сейчас ход черных, то их король вынужден уступить белому дорогу:

1... Kpc6 2.Kpe5 Kpd7 3.Kpd5! — белые занимают оппозицию, не позволяя сделать это черным. (Например: 3.d4? Kpe7 4.Kpd5 Kpd7 и т. д. с ничьей).

3... Kpe7 4.Kpc6 Kpe6 5.d4 Kpe7 6.d5 Kpd8 7. Kpd6!

Опять важно было занять оппозицию! Если же 7.d6?, то Kpc8 8.d7+Kpd8 — ничья.

7... Kpe8 8.Kpc7, и пешка легко проходит в ферзи.

Если же в рассмотренном положении ход белых, то — ничья:

1.Kpc4 Kpc6 2.Kpd4 Kpd6 3.Kpe4 Kpe6 — черный король не пропускает белого. А при движении пешки — 4.d4 — получится ничейная позиция типа «король рядом с пешкой» (см. «Костер» № 6).

Разобранное положение, где король стоит перед своей пешкой, а вражеский — в оппозиции, называется критическим. В нем выгодно, чтобы ход был за противником. Тогда, если пешка ваша, то вы выиграете, если же у вас одинокий король — вы добьетесь ничьей. Но запомните: если в критической позиции король сильнейшей стороны уже на 6-ой горизонтали, то пешка проходит в ферзи, чей бы ход ни был. Например, белые: Kpf6, pf5; черные: Kpf8. При ходе черных — 1... Kpe8 2.Kpg7 и т. д. А при ходе белых — 1.Kpe6 Kpe8 2.f6 Kpf8 3.f7 Kpg7 4. Kpe7 с победой.

И еще два важных добавочных примера.

Белые Kpd5, p.d3; черные: Kpd7.

Тут король белых впереди своей пешки не на один, а на два ряда. Это позволяет им выиграть и при своем ходе. 1.d4! — передавая очередь хода противнику. А дальше — как в критической позиции.

Белые: Кра5, п.а3; черные: Кра7.

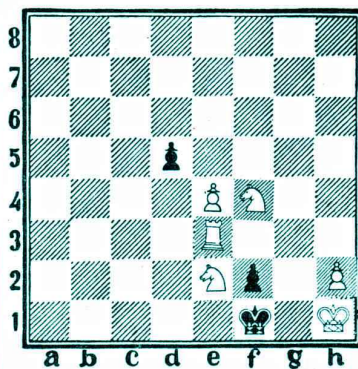
Здесь пешка ладейная, а на нее выведенные правила не распространяются — она в ферзи не проходит: 1.a4 Кра8 2.Кра6 Kpb6 3.Kpb6 Кра8 4.a5 Kpb8 5.a6 Кра8 6.a7 — пат. Ничья.

АРЧЕБЕК

НОВОСТИ ШАХМАТНОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Рыцарь АРЧЕБЕКА Сергей Хабаров (Путивль) уловил позывные сигналы из космоса. Расшифровав их, он установил, что сигналами была передана шахматная позиция! Вы ее видите на диаграмме.

Позиция сопровождалась указанием о мате в три хода. Сергей был в недоумении: почему в три, а не в один — ходом 1.Kg3X? Не будь Хабаров одним из лучших рыцарей, он, возможно, спасовал бы перед возникшими трудностями. Однако архебековский опыт выручил его: он открыл, что мат дают не белые, а черные! Причем они не хотят этого, но белые заставляют их дать мат в три хода белому королю! Открытие архебековца названо «задачей Хабарова».

Такое противоречащее нашим представлениям о шахматах задание не говорит ли о том, что сигналы, принятые Сергеем Хабаровым, исходят от какого-то из антимиров?

СТОЛ НАХОДОК

При АРЧЕБЕКЕ открывается «Стол находок». Однако не думайте, что вам следует присылать сюда найденные галоши или кем-то забытый в трамвае зонтик. Нет. Находки здесь будут приниматься только шахматные или шашечные. Найдете мат в три хода в задаче Бориса Салюка (Полонное) — белые: Kpb1, Lb2, Kd7; черные: Кра3, пп.а5, а7 — шлите в «Стол находок». Обнаружите мат в четыре хода в задаче Андрея Яковлева (Пермь) — белые: Kph8, Lh2, Cg1, пп. е4, е5, f2, g3; черные: Kpg6, пп. е6, f3, g2 — отправляйте в «Стол находок». Наш девиз: кто ищет, тот всегда найдет!

ПРИКАЗ № 7

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Шахматистам — А) доложить об открытии Сергея Хабарова. Выслать в «Стол находок» решения задач — Б) Бориса Салюка и В) Андрея Яковлева.

§ 2. Рыцарям — показать, как белым спастись на ничью в позиции — белые: Kpa1, Ld3; черные: Кра3, Фс2, Lh3, Cb5, Cb8, Kb4, Kb7, п.б3.

§ 3. Шашкистам — найти комбинации архебековца Сергея Ковалева (Южно-Сахалинск) — А) белые: b2, d2, e3, f4, g3, g5, h6 (7); черные: a3, a5, a7, c5, c7, e7, h8 (7). Б) белые: a7, c1, c3, e3, e5, f4, g5 (7); черные: a3, b6, b8, c5, c7, e7, f8, g7 (8). В) белые: b2, d2, d4, e3, f4, g1, h2, h6 (8); черные: b4, b6, d6, e7, f6, f8, h4, h8 (8).

§ 4. Срок — до 1 октября. Помечайте на конвертах: АРЧЕБЕК. Указывайте свой адрес!

§ 5. Рапорт присылайте один раз. Поправки и дополнения не принимаются!

Шахмат-адмирал Ферзьберри

СТРАННЫЙ ШОФЕР

УГОЛЁК № 7

Подарили мне машину,
заглянул в ее кабину:
на меня смотрел в упор
очень маленький шофер.

Он руками в руль вцепился,
видно, очень торопился,
жал ногою на педаль
и куда-то мчался вдаль.

Я ходил в кино —
он мчался.
Я смотрел в окно —
он мчался.
Выходил я на балкон —
мчался,
мчался,
мчался он!

Сколько рощ, полей и речек
видел этот человечек!
Деревень и городов!
Улиц, башен и мостов!

1

Дядя Дятел, ведь тепло,
что же ты залез в дупло?
— Я еще не дядя Дятел,
я детеныш, я дитятел!

В. Фетисов

Две буквы вынь из алфавита,
и зашипят они сердито.

М. Еремич

БАШМАЧКИ

На зиму глядя, кукушка потеряла в тайге башмачок. Стала искать его. Потеряла и второй. А летом, где они упали, повыврастали на стебельках красивые кукушкины башмачки — цветы. Надеть их, понятно, нельзя, а только смотреть можно.

Ив. Костыря

3

Вот бы мне
к нему в кабину!
Вот бы мне
вести машину!
Хоть немного, хоть полдня.
Но не слышит он меня!
Перед ним —
дворы и парки,
перед ним —
дворцы и арки,

время дорого ему,
и помощник — ни к чему.
Я в саду —
он мчится, мчится.
Спать иду —
он мчится, мчится.
Кофе пью, жую батон —
мчится,
мчится,
мчится он!

Александр Кушнер

На платформе Лисий Нос
в электричку входит пес.
Ясно по названию —
родом из Испании.

А его далекий предок
жил когда-то под Мадридом
и водил его по средам
на охоту дон Родриго.

И, как требовал обычай,
верный пес носил добычу,
и махал своим хвостом,
и не думал он о том,

что его потомок где-то
будет ездить по билету,
что увидит снег и ель
ленинградский спаниель.

... От платформы Лисий Нос
в электричке едет пес.
Он в хозяина влюблен,
он влюблен в охоту.
А хозяин —
славный дон
штукатур Федотов.

Олег Тарутин

ФОРМУЛА ВОЛИ

Мне было лет десять, когда я впервые услышал о силе воли. Мы переехали на новую квартиру, и нашим соседом стал чудакостарик Степан Порфирьевич, обладатель коллекции картин и обширной библиотеки. Зимой сосед ходил без шапки, а летом — в застегнутом на все пуговицы суконном пиджаке. Говорили: у старика железная воля!

Мы, ребята, бросали все дела, когда Степан Порфирьевич проходил мимо, но он обычно смотрел куда-то поверх наших голов.

Это обрадовало Степана Порфирьевича. Он немедленно раскрыл передо мной книгу и пояснил:

— Духу, как и телу, нужен тренинг. Ежедневный!

Страница была испещрена крохотными фигурками бородатых старцев в тюрбанах и набедренных повязках. Я не знал, чему удивляться больше, то ли худобе старцев, то ли диковинности их поз.

— Если, стоя на левой ноге, правой ногой окружить шею и дышать попеременно левой и правой ноздрей... — сосед попытался принять именно такое положение, но оступился и заметил:

— Возраст... Впрочем, тебе будет легче добиться цели!

— Какой?

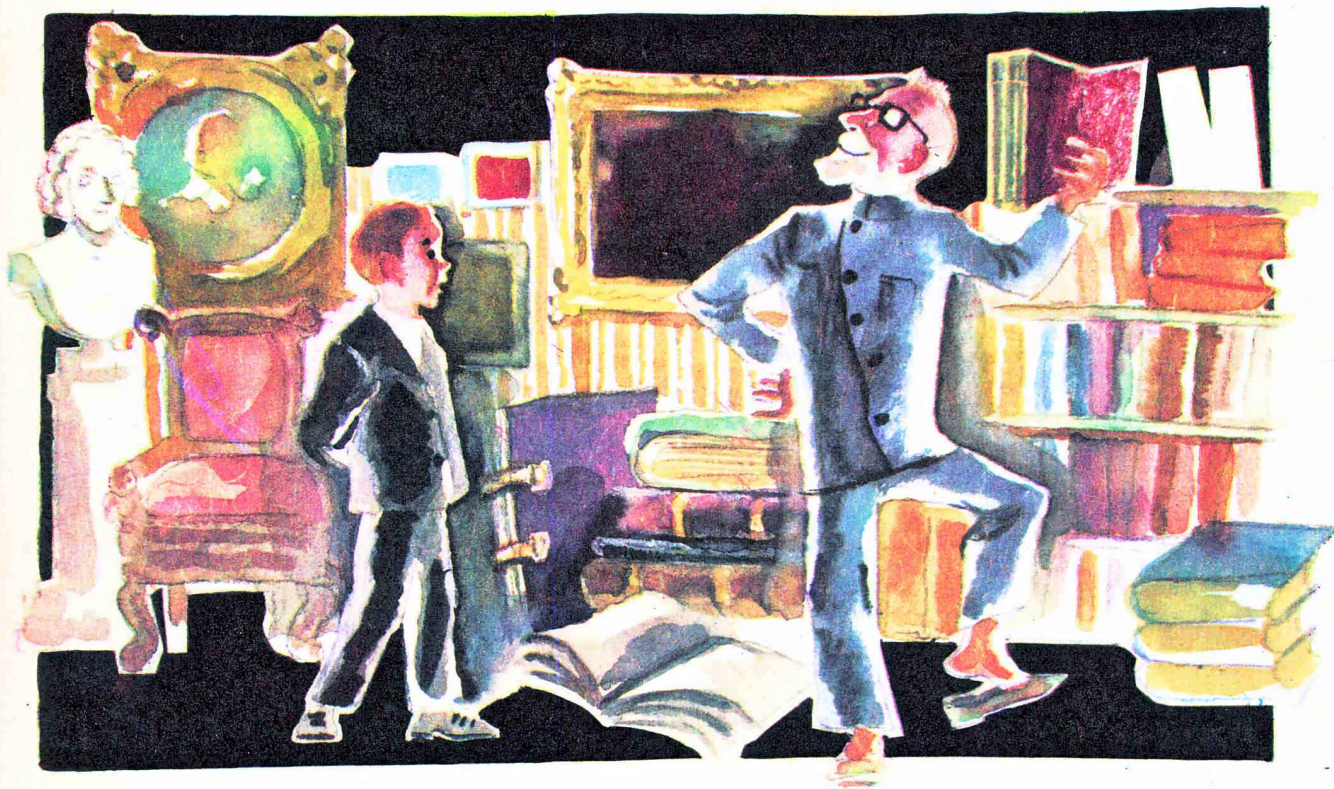
— Всего два года упражнений по

объявил он, водя пальцем по пересечению сфер, усыпанных изображениями драконов и комет. — Это значит: воля судьбы и воля носителя ее предначертаний сочленяются. Эх, если бы не влияние Урана... Впрочем, если над костром из ветвей тамариска сжечь 66 волосков из шкуры цейлонского единорога...

Это было уже интереснее: как опыт на уроке природоведения.

— ...то воля содеявшего будет законом для всех, кто рожден под знаком Скорпиона!

Но однажды... Однажды сосед распахнул передо мной дверь книгохранилища и решительным жестом пригласил войти.

— Мой молодой друг, сила воли — это сила духа, но субстанция воли материальна, — внушительно начал он. Сказанное было совершенно непонятно.

— Знаешь ли ты, что слово правит миром, и хочешь ли ты знать это слово?

Возраст мой был таким, что знать мне хотелось решительно все, и я согласно кивнул головой.

системе «Хатха-йога» и тогда... Тогда можно три месяца пролежать в могиле, не принимая пищи!

Я невольно отпрянул от книги. Однако, чтобы не огорчать хозяина, спросил:

— Но где же волшебное слово?

— А, формула воли? Минуточку. — И на столе появился еще более толстый фолиант. — «Глориум магнификатум», сочинение Нострадамуса. Кстати, твой день рождения?

— 8 июня.

— Превосходно, превосходно, ты рожден под знаком Близнецов, —

Вот уж с кем мне не хотелось иметь никаких дел!..

Степан Порфирьевич предложил:

— Есть у меня и новомодные книжки.

Томик, оказавшийся у него в руках, выглядел совсем обычно, если не считать заглавия: «Как добиваться успеха в жизни — общедоступный метод быстро и легко приобрести силу воли, личный магнетизм, влияние в обществе, постоянный доход, спиритуальную энергию и здоровый цвет лица». Наугад раскрыв книгу, я прочел совет трижды в день есть кровавый

ростбиф. С этим можно было вполне согласиться, особенно после уговоров йогов вообще отказаться от пищи.

«Ежедневно не менее двух часов в помещении, обтянутом черным бархатом, вглядывайтесь в квадрат, добиваясь превращения его в треугольник». У мамы была черная бархатная жакетка — значит, и с этим все в порядке...

«Для сохранения волевых импульсов необходимо отказаться от чтения газет и книг». Совет оказался самым

легко выполнимым — ведь достаточно было захлопнуть книгу.

Я вырос, стал спортивным журналистом. Встречи с людьми, обладающими «железной волей», мужественными, сильными духом стали для меня повседневным делом. «Формула воли» потеряла былую таинственность. Но она была и есть!

Расшифровкой этой формулы занимаются крупнейшие ученые — психологи, педагоги, физиологи. С некото-

рыми из них, например, с профессором Авксентием Цезаревичем Пуни вы встретитесь в ближайших номерах «Костра».

Но сначала четыре спортивные истории. Все они — об олимпийцах. Все о бегунах на длинные дистанции — стайерах. Почему? Да потому, что пробежать 25 кругов (10 тысяч метров) по олимпийскому стадиону на глазах у десятков тысяч людей и финишировать первым — подвиг, требующий огромного волевого напряжения.

Дуэль

Это была не первая дуэль двух постоянных соперников. Русский офицер Владимир Куц и британский коммерсант Гордон Пири не знали себе равных в стайерском беге. Олимпийская дорожка в Мельбурне должна была рассудить, кто сильнее. Пока перевес был на стороне англичанина: пару месяцев назад в Норвегии он, коварно «отсидевшись» за спиной Куца, на последних метрах дистанции выскочил вперед и улучшил рекорд мира.

Дан старт, и все повторяется сначала. Вперед рвется спортсмен в красной майке, а за ним не отстает ни на шаг, как приклеенный, Пири.

Куц взвинчивает темп. Англичанин бросается в погоню. Вдруг Куц почти переходит на шаг. Не желая лидировать, резко тормозит и Пири.

«Русский незнаком с элементарными правилами бега, — думает с возмущением Гордон, задыхаясь после очередного рывка, — постоянный, равномерный темп — залог победы и высокого результата. Куц обрекает себя на поражение, дорого ему обойдется это безрассудство. Еще круг-другой и он сойдет...»

Но Куц как ни в чем не бывало продолжал бег в «рваном» ритме. Самоуверенный англичанин остался далеко позади. Владимир завоевал первую для нашей страны золотую олимпийскую медаль в беге. А Гордон после этой дуэли так и не оправился и вскоре перестал выступать в состязаниях.

Что написано пером...

Если бы Уильям Миллс, заполняя весной 1964 года дневник тренировок, показал его друзьям, у них появились бы веские основания считать, что у Миллса ум заходит за разум. В графе «Планы» появилась запись: «Октябрь — Токио — золотая медаль».

Все, казалось, было против Уильяма. Даже в своем городке его мало кто знал. До отборочных состязаний оставалось каких-то три месяца. Но, допустим, Миллс попал в команду, допустим, вышел на дорожку олимпийского стадиона... Что из этого? Там же его ждут лучшие бегуны земного шара. Если сравнить его и их рекорды в беге на 10 километров, он должен отстать по меньшей мере на два круга... Да и не было еще такого случая, чтобы на Олимпиаде победил американский стайер!

Но Миллс был индейцем из племени сиуксов, некогда властелинов бескрайних прерий. Его предки не знали, что такое усталость, не то что десять, иной раз сотню километров приходилось преодолевать им. И Уильям в любую погоду дважды в день пускался в путь. По горным тропинкам Скалистых гор, по песчаным пляжам Калифорнии, по обочинам автострад проложил он свою большую олимпийскую дорогу.

В Токио Уильям впервые показал свой дневник журналистам. Они решили, что это шутка и не очень удачная (во всяком случае, в газеты она не попала)...

А через несколько дней газетчикам пришлось извиняться перед новым олимпийским чемпионом...

Со своим гороскопом

Задолго до того, как бегуны выходят на старт, спортивным журналистам «все ясно». Каждый из них считает делом профессиональной чести предугадать, чем закончится борьба на дорожке. Но если средневековые астрологи составляли гороскопы по положению звезд на небе, то репортеры делают прогнозы на основании точных показаний судейских секундомеров на предстоящих соревнованиях.

Перед Мексиканской олимпиадой, где бегунам предстояло меряться силами на заоблачной высоте 2200 метров над уровнем моря, предугадывать что-либо было чрезвычайно рискованно.

И действительно, как ни гадали журналисты, их фаворитам не пришлось принимать в тот день поздравлений. Сюрприз на этот раз преподнес Нафтали Тему — негр из африканской страны Кении. Не обращая внимания на громкие титулы своих соперников, он одного за другим обошел их на последнем километре.

Впрочем, один гороскоп оказался безошибочным. Перед отъездом в Мексику вождь его племени и по совместительству звездочет уверял Нафтали, что бегуна, равного Тему, в подлунном мире нет и быть не может.

Два финиша одного дня

Жоао Сардозо был самым счастливым человеком во всей Бразилии. Его, неожиданно для всех выигравшего чемпионат страны по бегу, национальный олимпийский

комитет включил в состав спортивной делегации. Путь лежал в Лос-Анджелес. Там самые выносливые люди мира будут бороться за честь своих стран, и он, Жоао, выйдет на дорожку олимпийского стадиона в желто-зеленой бразильской форме.

Но наступил день отъезда, и место Сардозо на пароходе занял какой-то господин из наблюдательного совета спортивного центра. И хотя чиновников оказалось в делегации больше, чем спортсменов, никто не посмел возразить...

Земляков Сардозо из городка Тринидад это, однако, задело за живое. Они собрали денег на дорогу, и Жоао отправился догонять делегацию. Доехал он лишь до границы США — кончились деньги... На подножках поездов, а где и пешком пробирался он к Лос-Анджелесу. Последние сутки обходился без еды...

Утром в день открытия Олимпиады Сардозо вбежал на стадион. Все формальности были соблюдены, и через несколько часов бразилец стоял на старте бега на 10 километров.

Бурно приветствовал стадион победителя — поляка Януша Кусочинского, но не меньше аплодисментов досталось бегуну в желто-зеленой майке, хотя он и пришел к финишу последним...

Четыре спортивные истории комментирует профессор А. Ц. Пуни

Герои всех четырех олимпийских забегов на 10000 метров проявили исключительную волю к победе. Но своего каждый из них добивался за счет разных волевых качеств.

Владимир Куц блеснул в борьбе за олимпийское золото решительностью и смелостью.

Уильям Миллс показал замечательный пример целеустремленности.

Нафтали Тему стал чемпионом благодаря настойчивости и упорству.

Жоао Сардозо помогли стать олимпийцем его выдержка и самообладание.

Все вместе эти качества и составляют силу воли.

Вот она, формула воли:

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ И СМЕЛОСТЬ
ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ
+ НАСТОЙЧИВОСТЬ И УПОРСТВО
ВЫДЕРЖКА И САМООБЛАДАНИЕ **= СИЛА ВОЛИ**

В ближайших номерах «Костра» мы продолжим разговор о том, как вырабатываются эти качества. Приглашаем читателей присылать свои вопросы, пожелания, рассказы.

На конверте делайте пометку ФВ («Формула воли»).

УЖАС НАВОДЯЩИЕ

Предполагалось, что португальский поход 1810 года будет всего лишь легкой прогулкой, и поэтому десятки лондонских бездельников из богатых семей, одержимые желанием снискать без особых трудов военную славу, всеми правдами и неправдами доби-

лись включения своих имен в списки офицеров армии Веллингтона.

— М-да, от одного только списка наших офицеров противник будет трепетать в ужасе, — сказал, просматривая бумаги, полководец. И, помолчав, добавил: — Как, впрочем, и я.

О ПАРЛАМЕНТСКОМ КРАСНОРЕЧИИ

Будучи в Париже, русский писатель-юморист Аркадий Аверченко посетил парламент.

— Как вам понравились наши депутаты? — спросили у него французские друзья.

— Весьма. Особенно депутат из Тулузы. Он держал речь больше часа!

— Вот как, — удивились французы, — и о чем же он говорил?

— Простите, — ответил Аверченко, — но этого как раз он и не сказал.

СОДЕРЖАНИЕ

Самые разные города	1
Славка рассказ Николая Печерского	2
Страна Поэзия. Евгений Долматовский	6
Голиков против Соловьева документальная повесть Бориса Камова	8
Дружба — L'Amitié	13
Белый, белый большой дом очерк Вл. Дмитриевского	15
Лося на ферме репортаж В. Бочарникова	18
Восемь дней в неделю повесть Ю. Томина	20
Рассказы о природе Николая Сладкова	32
Вот так штука!	34
К 70-летию художника Ю. Васнецова	36
Мой дедушка-памятник повесть Василия Аксенова	38
Детские стихи	51
С другой стороны... рассказ Александра Ремеза	52
Морская газета	56
Шахматы	58
Уголёк	59
Формула воли беседа с читателем	61

На обложке
рисунок Ю. Васнецова

ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ЮМОРА

ЦЕНИТЕЛЬ КРАСОТЫ

Мальчик мечтательно смотрит на зарево, охватившее полнеба. Прохожий заметил это и говорит:

— Наконец-то я встретил юношу, который по-настоящему любит природу. В самом деле, закат солнца — удивительно красивое зрелище!

— Какой закат! Это горит наша школа.

ТОРГОВЛЯ

— Если весь вечер при гостях ты ни разу не произнесешь слова «черт», я дам тебе доллар.

— А я, мама, знаю такое слово, которое будет стоить не меньше трех!

ВЫВОД

— Папа, у тебя уже несколько седых волос.

— До этого, сынок, доводит родителей непослушание детей.

— Теперь я понимаю, почему бабушка у нас совершенно седая.

Хостёр

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор
В. И. Мецатунова
Корректор
В. А. Маевская

Адрес редакции:
Ленинград, С-15
Таврическая, 37

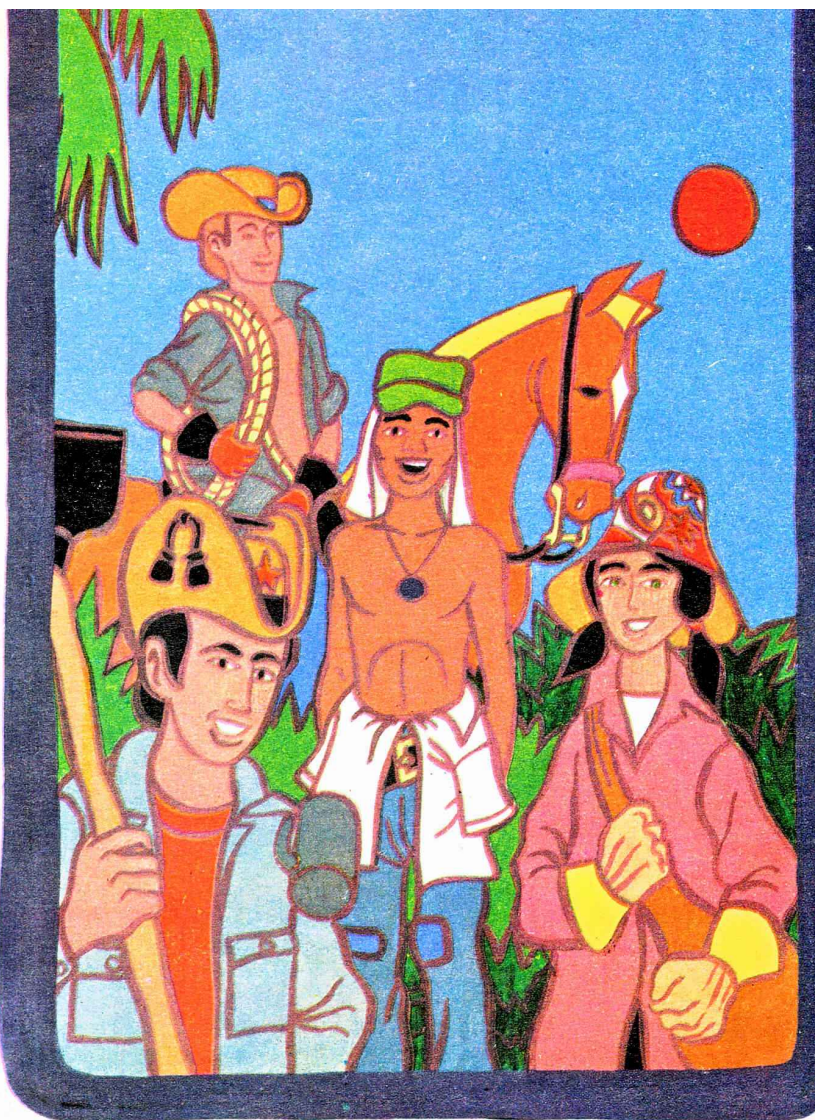
телефон
14-57-76

М-29325.
Подписано к печати
28/V 1970 г.
Формат 60×90 мм
Печ. л. 8
Тираж 390000 экз.

Заказ № 2733

Цена 25 к.
Рукописи
и фотографии
не возвращаются
Ленинградская
фабрика
офсетной печати № 1
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете
Министров СССР
Кронверкская ул., 7

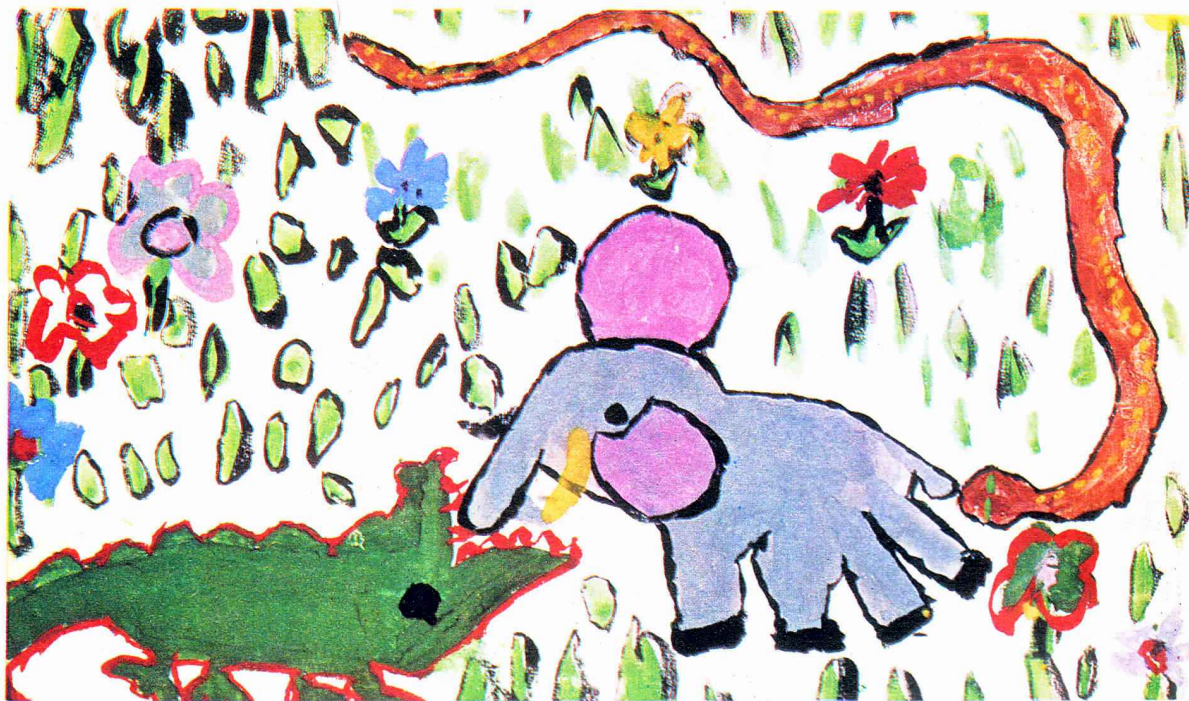

Рисунки
кубинского художника
Падрона Бланко
Хуана Мануэля

ЮНЫЕ ХУДОЖНИКИ ФРАНЦИИ НА ВЫСТАВКЕ
В ЛЕНИНГРАДСКОМ ДВОРЦЕ ПИОНЕРОВ ИМ. А. А. ЖДАНОВА

КРОКОДИЛ И СЛОНЕНОК. Начальная школа Демайтера. Гавр

ПЕЙЗАЖ. Аврора Л. Школа Жана Жореса. Гавр

